

КРОСС

Автор: Катя Ким

Описание: На крупнейшем танцевальном российском чемпионате происходит трагедия, при которой один из участников известной провинциальной команды погибает прямо на сцене во время выступления от рук своих товарищей. Лидер коллектива, двадцатилетний Никита Аннинский, восстанавливает череду событий, предшествующих убийству.

TW: Содержит нецензурную лексику и употребление запрещенных веществ

Оглавление

<i>1 часть</i>	3
1 глава	3
2 глава	17
3 глава	35
4 глава	52
5 глава	70
6 глава	86
7 глава	102
<i>2 часть</i>	118
Команда KROSS	118

1 часть

1 глава

Когда зал взрывается аплодисментами, один участник нашей команды уже мертв.

По моей спине льется пот. Люди, повскакавшие с мест, замирают.

Все медленно начинают осознавать — на сцене чемпионата рядом с нами лежит труп.

Человек, которого мы убили.

3 года до трагедии

Все началось с этой же сцены, этого же чемпионата — но три года назад. Тогда я танцевал в другой, московской, команде. И тогда — когда мои мокрые, дрожащие руки были сжаты в руках моих товарищей, я не знал, что это последний раз, когда я стою на сцене рядом с ними.

Мы поклонились после выступления. Боль врезалась в ступни, горло саднило. Мы спустились по ступеням. На наших футболках с обратной стороны было вышито название команды, они прилипали к нашим спинам.

Я оглянулся, чтобы посмотреть в зал. Крики после нашего выступления еще раздавались. Мы ушли из-за кулис в тренировочный зал. Он был совсем рядом, и я слышал, как заиграла музыка.

Сейчас я лежу в поту, перебинтованные пальцы еле сгибаются, в комнате душно, грязно, скрип качелей, слышимый из окна, звучит так, точно кто-то методично водит ножом по железной поверхности над моим ухом. Стиральная машинка бьется о стену, смывая кровь с моей танцевальной одежды. Я жду стука в дверь. Моя комната в отеле — убежище и тюрьма.

И при мысли о том, с чего все началось, перед моими глазами появляется эта полузабытая сцена, взгляды моих прошлых товарищей, их громкие голоса и влажные отпечатки рук на общей бутылке воды. Это был последний момент нашего единения перед моим сокрушительным падением — позорным исключением из команды.

Мне только исполнилось восемнадцать. На том соревновании мы ждали награду, но заняли четвертое место. Впервые за все время существования коллектива мы не вошли в тройку.

Я вернулся домой опустошенный, выпотрошенный. Мама позвала меня на кухню, я машинально съел пресный ужин. Умылся. Почистил зубы, выключил свет. В ушах стоял гул. Я ничего не чувствовал. Сон пришел ко мне как утешение — мгновенно, резко, желанно.

Я ничего не почувствовал на следующее утро. Через день. Через неделю.

Родители не сразу поняли, что я не хожу на тренировки. Я сказал, что ушел из команды, чтобы готовиться к экзаменам. Пустота затягивала меня.

Учеба в школе давалась мне несложно. Все предметы шли одинаково — на слабую четверку. Но, кроме танцев, меня ничего не интересовало.

Родители отдали меня в секцию, когда мне было пять. Я наотрез отказывался от бальных и оказался в студии современных уличных. Тренер, преподававший хип-хоп, быстро взял меня в детский коллектив. Я осваивал все стили, молниеносно впитывал новую информацию, выделялся среди остальных. В двенадцать я вступил в одну из лучших подростковых московских команд. В четырнадцать — исполнил первое сольное выступление. Я танцевал каждый день большую часть жизни. И прекратил в миг.

Я не знаю, почему не танцевал один в зале, как обычно, когда они выгнали меня. Тело не слушалось. Что-то мешало мне просто включить музыку, хотя всегда это виделось мне самым простым действием на свете — услышать. Сдвинуться. Поймать ритм.

Казалось, ничего не происходило. Никто не знал, что случилось. Я не грустил, не чувствовал себя разочарованным. Я смогу рассказать, смогу признаться самому себе, смогу разозлиться только через несколько лет — пока Юра будет, покалеченный, сидеть со мной плечом к плечу.

Но не тогда.

Тот период слился в длинное воспоминание — точно один долгий, мучительно жаркий день.

Мой отец никогда не поднимал на меня руку — только в восемнадцать мне устроили первую порку, в восемнадцать впервые отняли все карманные деньги, в восемнадцать стали запирать в квартире. Я не ходил в школу, в день сдачи русского, еле проснувшись с похмелья, чуть не пропустил экзамен.

У нас никогда не возникало проблем с деньгами, — в нулевые отец нашел хорошую работу юристом в бизнес-центре — но не оплатить мое обучение стало его принципом. Сколько бы мама ни уговаривала, отец наотрез отказался помочь мне с поступлением.

— Видимо, он чувствует себя достаточно взрослым, — сказал он. Я плохо помню тот разговор, потому что во мне было слишком много водки. — Как сдаст ЕГЭ, так и поступит. Самостоятельно.

Сдача ЕГЭ стала моим следующим провалом.

Все, чего я хотел в тот период, — лежать в кровати. Я думал о том, что случится, если я просто не явлюсь на экзамены.

Я выбрал предметы наобум — обществознание и английский.

С моим отсутствием подготовки результаты экзаменов в шестьдесят баллов были вполне сносные, — на обществознании я угадывал, а английский под маминым влиянием в детстве учил в языковой школе — но тогда от моей личности словно откололось что-то еще.

Я не планировал переезжать. Москва — центр танцевального мира. Здесь формировались лучшие команды, проходили соревнования, организовывались мастер-классы.

Я переехал. В небольшой город между Москвой и Питером.

Я не испытывал ни горечи, ни сожаления. В какой-то степени, мне хотелось сбежать из неживого, искусственного родительского дома.

Рядом с ним была детская площадка и маленький магазин. Мы с друзьями называли его хатч-магазин. Там работали азербайджане, женатая пара. Они хорошо меня знали, иногда спрашивали о моем состоянии, когда я покупал алкоголь. Мне было немного стыдно перед ними. Удивительно — ведь притупившееся чувство стыда не просыпалось, когда я блевал в подъезде, когда мама плакала из-за меня, когда отчитывали учителя или бил отец, но перед этими азербайджанцами мне становилось совестно. Они

помнили меня с возраста, когда я покупал только жвачки и газировки, и в их взглядах читалось что-то обеспокоенное, даже нежное.

Я подал документы на переводчика, больше особо никуда не проходил, и договорился о съеме квартиры. На первое время мама дала мне денег. Вещей у меня получилось как-то мало, всего рюкзак и одна сумка. Я не хотел ничего забирать.

Я не прощался с друзьями из школы, сухо попрощался с отцом, но зашел в хатч-магазин, чтобы сказать, что я уезжаю. Я не знал имен этих людей, но они обняли меня, пока я неловко комкал сжатую в руках толстовку. Когда я зайду туда через пару лет, их за прилавком уже не будет. Вместо привычной вывески их магазина будет висеть логотип “Пятерочки”.

Я заехал в квартиру. Скромная, с советским ремонтом, она мне нравилась. Что-то в ней было успокаивающее, возможно, напоминающее мой прошлый дом до ремонта в середине нулевых. Не стремясь ее обустраивать, я повесил вещи в шкафах и пошел прогуляться и купить пиво. На лестничной клетке я встретил соседку. Рядом с ней бежала маленькая черная собака, которая накинулась на меня и потянула за штанину. Соседка была пожилой женщиной лет пятидесяти. Она беззаботно заговорила со мной, но мне казалось, будто я на допросе. Не представившись, она так мастерски обвела меня вокруг пальца, что пока я только догадывался о ее возрасте, она уже вывела, откуда я, что здесь делаю и на какую специальность поступил. У нее было какое-то пустое, растерянное лицо, как если бы она разговаривала сама с собой. Тем не менее, соседка Вера стала моим первым знакомством с городом, первым человеком в моей новой жизни.

Первый курс в университете прошел мимо меня. Вторым языком после английского я выбрал испанский, потому что опоздал на распределение, и группы по французскому и немецкому уже заполнили. Испанский я не учил до начала зимней сессии и кое-как сдал на тройку, а английский делал в десятиминутных перерывах между парами. В моей группе было много бюджетников, которые посещали все занятия, но я быстро нашел компанию для вписок и развлечений. Тогда мне было немного весело. Я с кем-то познакомился, даже месяц провстречался с девчонкой из итальянской группы, провел с ней новый год, но потом она переспала с моим одногруппником и бросила меня. Я не слишком переживал по этому поводу: все, что я запомнил о ней, — это ее светлые, вечно в коричневой туши ресницы, пухлые губы и

то, как она любила на тусовках включить Linkin Park и ломаным английским напевать их куплеты.

Наша группа распалась примерно к апрелю. Большинство из моих приятелей-событильников отчислилось, некоторые — ушли в академ. У меня появилось свободное время, и я заранее начал готовиться к сессии. Месяц я не уходил в запои и только изредка покупал пиво на вечер. Соседка Вера позвала меня на чай — иронично, ее сын уехал работать в Москву, и ей было одиноко. Со временем наши встречи за чаем приобрели регулярный характер, и я узнал, что она закончила тот же вуз и всю жизнь пропахала на заводе. Я устроился на работу еще осенью — продавал газеты и журналы недалеко от набережной Волги, и в апреле мне повысили зарплату. Я стал брать меньше смен и впервые за последний год занялся учебой. Внезапно я дотянул испанский до высшего балла четверки, на пятерки закрыл философию, экономику и английский. В конце мая я съездил к родителям, и мама устроила праздничный ужин. Отец похвалил меня за отсутствие троек и подарил деньги в конверте — там было больше, чем моя недельная зарплата.

Тогда что-то трогательное, мягкое шевельнулось внутри меня. Я на всякий случай забрал из дома спортивные штаны.

Только когда я закрыл сессию и вышел из универа, я понял, что в моей жизни не осталось никого, кроме соседки. Со всеми друзьями за эти несколько месяцев я растерял контакты. Несколько раз они собирались без меня. Я купил себе две банки пива, но почему-то растянул их на три дня.

Мне было нечем заняться. Я взял себе побольше смен в ларьке и читал там “Властелина колец” на английском. Деньги копились. Готовил я сам, развлечений в городе не искал, на алкоголь тратил в разы меньше и часто ужинал у соседки Веры.

Поэтому мое решение было логичным, самим собой разумеющимся. Оно было как развязка в книге, как глоток минералки с похмелья — ожидаемое, судьбоносное, отрезвляющее. Что бы я ни делал, как бы ни бежал, где бы ни прятался — я оказался там. Я отражался в двух зеркалах, слева и спереди, из приоткрытого окна дул летний ветер, паркет был немного скользкий, но чистый, а слева стояла маленькая музыкальная колонка. Мои ладони были влажные, сердце стучало, больное колено подергивалось от напряжения. Я дрожащими руками подключил плеер и врубил музыку.

На первой тренировке ничего не произошло. Я снял самый дешевый зал в студии в центре города, но за весь час не сдвинулся с места. Я сидел рядом с колонкой и качал головой в бит. В уме у меня мелькали идеи, как можно обыграть тот или иной звук.

После окончания брони я подошел к администратору и заплатил за еще один час на следующий день. Это продолжалось чуть больше недели. Я снимал зал на час, приходил после работы, сидел, слушал музыку и отбивал ритм подошвой кроссовка. Через восемь или девять таких часов я поднялся и начал двигаться под музыку.

Получалось плохо. Я не тренировался больше года. Тело было расхлябанное, руки и ноги точно приделанные, корпус скованный. Я быстро выматывался, не мог технично сделать движения, которые раньше получались без труда. Не мог нормально напрячь мышцы, не мог станцевать то, что появлялось в моей голове.

Меня начало это раздражать.

Мне нравилось это живое, горящее раздражение.

На работе я за пару дней посмотрел выступления на последних соревнованиях. На недавнем весеннем чемпионате моя прошлая команда заняла первое место во взрослой категории.

Я начал бегать с утра, качать пресс и подтягиваться на турниках. К концу августа я двигался чуть лучше, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как я танцевал в семнадцать лет.

В сентябре в студии начались групповые занятия. Я потратил папин подарок, оплатив абонемент на три месяца вперед. Групповые, однако, были скучными для меня. Мне не хватало физической подготовки, но за счет мышечной памяти и музыкальности я легко схватывал материал.

Чтобы тренеры не обращали на меня внимания, я стоял в углу и делал все в половину силы. Хореографы мне не нравились — их танцевальные связки были примитивные, плохо передающие ритм и настроение музыки. Но мой московский тренер говорил, что любая тренировка с усердием — хорошая тренировка. Я продолжал ходить три раза неделю на групповые, в свободное время снимал зал. Мне все больше встречались знакомые лица. Танцевальное сообщество узкое — все друг друга знают, а в маленьком городе нет ни шанса остаться незамеченным.

Я избегал знакомств и новых связей. Когда кто-то здоровался со мной, я кивал, не встречаясь взглядом и расчесывая руки. Я боялся, когда кто-то заглядывал в зал во время моей брони или смотрел на меня через зеркало на групповых занятиях.

Танцы отнимали все больше времени, но чем больше я занимался, тем проще мне становилось жить. Накопив на наушники, я по вечерам, возвращаясь с работы, придумывал связки и новые движения, на парах расписывал себе график тренировок. В ноябре первый раз, станцевав поставленный собой номер, я насладился этим ощущением — музыка билась у меня в ушах, тело слилось с ней, мышцы напряжены. Я станцевал так, как хотел, так, как задумал. В это мгновение я был счастлив.

Учеба снова пошла под откос. В зимнюю сессию я получил четверки и несколько троек, списав контрольную по испанскому. В новый год я созвонился с родителями, приготовил ольвье, открыл бутылку водки, напился и уснул.

В конце января я подрался. Это было неожиданно и так странно, будто кто-то просто внезапно ворвался в мою унылую историю, чтобы внести в нее немного хаоса. После пар я собирался в студию, но на углу универа меня поджидал парень. Он был высокий, на пару сантиметров ниже меня, рослый и с толстым, опухшим лицом. Он оказался ухажером моей месячной бывшей. На нем была разорванная черная куртка, шапка Nike и потрепанные, подростковые перчатки. Он схватил меня за шиворот и обвинил в том, что я лишил его Настеньку девственности. Я не сразу понял, кто такая Настенька. В компании ее называли по фамилии, и я не помнил, чтобы занимался с ней сексом. Однако я не стал ничего отрицать — мы просто повалялись в снегу, пинаясь руками и ногами, пока кто-то не начал визжать и нас не разняли. Защитник Настеньки плонул на меня кровью и слюной и что-то угрожающе прошипел сквозь зубы, но, на самом деле, дрался он безобразно, хуже меня.

Я опоздал на полчаса и вошел в студию с кровоточащим носом и ссадиной на скуле. Я попытался прошмыгнуть в свой зал, но в коридоре встретился с парнем. Мы часто пересекались. Он тоже занимался один и иногда здоровался со мной в раздевалке. Его любимый зал был второй, наверное, из-за самой большой колонки, он его бронировал чаще всего и приходил примерно в то же время, что и я — около пяти-шести часов, после работы или пар.

— Это чего у тебя такое? — Он прищурился. Коридор плохо освещался, но кровь капала с тряпки, приложенной к моему носу.

Я сделал попытку отмахнуться, но он приблизился. Его брови свелись к переносице, он растерянно моргнул. Возможно, он был удивлен, что я пришел танцевать в синяках, измазанный в крови.

— Ебать тебя приложило, — сказал он.

Он повлек меня за собой во второй зал. Там было жарко и пахло потом, в углу валялся комок его вещей. Парень отошел на пару минут. Я неловко разглядывал его рюкзак, пока он не вернулся со льдом.

Он встал рядом, чтобы приложить лед к моему лицу, и я заметил, что он немного выше меня.

Его отросшие, светло-русые волосы были в небрежном пучке, все лицо покраснело и блестело от тренировки, мизинец одной руки дергался и подрагивал как от долгих стоек на руках и движений в партере.

Он не спросил меня о том, что случилось, и не посмеялся над тем, что я пришел танцевать в таком состоянии. Оставив меня со льдом, он вернулся к колонке, и я выжидал момент, когда мне можно будет уйти в свой зал.

— Меня зовут Гриша, — сказал он, и я понял, что это провал. Теперь мне быстро не сбежать. — Ты как, давно занимаешься?

Я кивнул.

— Несколько лет.

Гриша кивнул тоже.

У меня начинало чесаться все тело.

— Я Никита.

Гриша протер лоб мокрой футболкой.

— Знаю. Частенько видел твое имя в бронях. — Он оторвался от телефона и подошел ко мне, а потом принял дерганно разминать руки. — Я тут просто уже давно тусуюсь. В смысле, в студии. Еще веду младшую группу. То есть тренирую детей. Поэтому мы с девчонкой на админке вместе смотрим расписание, все такое. К тому же, мы раньше встречались. Расстались вот в начале ноября, что ли. Да, где-то так.

Я не ожидал такого количества информации, и, приоткрыв рот от удивления, глупо уставился на него и спросил:

— Почему?

Гриша усмехнулся, уголок его губы дернулся, и озорной взгляд на мгновение омрачился, когда он, снова чуть прищурившись, посмотрел в окно через зеркало. Я догадался, что у него плохое зрение.

— Да долгая история, запарная, — ответил Гриша. Он начал разминать корпус и отвечал с паузами на выдохи. — Я бы сказал, что не сошлись характерами, но ты не поверишь же? Всегда ведь говорят “да мы просто не сошлись характерами”, а потом оказывается, что там оры, крики, менты, побои.

— Да ладно. Я бы поверил.

Его голос был высокий, но не как у девчонки, а, скорее, более мелодичный, не такой хриплый и однотонный, как у меня. Когда он говорил, фраза его начиналась медленно, обыкновенно, но к концу речи он разгонялся, тараторил, и мне приходилось сосредотачиваться, чтобы угнаться за его мыслью.

— Слушай, я тут одну хорягу намутил. — Гриша быстро сделал выпады на две ноги, и на этом его разминка была окончена. Разминался он неплохо, но мало. Из-за гиперактивности ему не хватало терпения. — Нужен взгляд со стороны. Посмотришь, а, Никит? Если что, никаких прям разборов не надо, так чисто скажешь, хорошо или плохо, понравилось или нет. Только честно. Мне критика нужна.

У меня все еще болело плечо после драки и кровоточил нос, поэтому танцевать я не мог, и уходить от Гриши в другой зал не имело смысла.

Я приготовился к тому, что его хореография будет безобразной, и мне придется найти несколько плюсов, чтобы его не расстроить.

— Валяй.

Гриша издал радостный возглас — что-то между протяжной “е” и “йоу”. Он выглядел жизнерадостным и дружелюбным, но что-то во всем его виде было неправильное, напускное. Гриша произвел на меня впечатление дурака, который думает, что круто танцует, кое-как ведет группы для детей, потому что ему не доверили ничего серьезнее, и клеится ко всем подряд.

Его желтая, влажная футболка была мятая, волосы повылезали из пучка.

Гриша включил музыку и подбежал к центру зала. Все в его подготовкеказалось мне забавным. Его мышцы недостаточно напряжены, он пританцовывал перед началом.

Моя улыбка сползла с лица мгновенно — как только Гриша начал двигаться.

Его выступление выглядело немного расхлябаным, но в этой неточности, сбивчивости и был его танец. Он был плавным и резким, импульсивным и мягким, движения и стили перетекали друг в друга. Его мышцы, на удивление, оказались в тонусе, формы были странные, гипертрофированные и за счет этого интересные, уникальные. Его хореография ускорялась в те моменты, когда по музыке было бы логичнее сделать затяжку, останавливалась в перебитовки — его исполнение как-то эффектно разрушало танцевальную логику.

Я смотрел завороженно, как смотрят на человека, полностью поглощенного своим делом. Гриша был весь в танце, его личность, которая оттолкнула меня, испарилась. В нем двигалось все, его мышцы непринужденно поддавались его идеям обыграть музыку. В конце, когда он поднялся на руку и как бы протащил ногу по воздуху под затишье музыки, у меня появилось желание закричать, как на реальных выступлениях или баттлах, когда кто-то делает что-то очень крутое.

Гриша запыхался. На его лицо вернулась широкая, кривая улыбка. Он выключил музыку. Ждал моих комментариев.

Я сдержанно похвалил его.

— С ногой. Вообще крутая фишка. — Я подчеркнул это, и Гриша часто закивал. Пальцы руки, на которой он поднялся, дрожали. Должно быть, он отрабатывал это сегодня несколько раз. — Хочешь замечания?

— Конечно.

Я подошел к колонке и включил нужный отрывок. Остановил через несколько секунд.

— Вот слышишь этот звук? Типа как трель? У тебя там небольшая пауза, но было бы классно это обыграть. У тебя там как раз левая рука наверху. Ты можешь через резкую волну перейти в следующее движение.

Гриша внимательно меня слушал. Я прокрутил дальше.

— И вот здесь. У тебя там точка, но бит длинный. Слышишь, да? Здесь хорошо бы его отбить телом, может, сделать небольшое замедление или баунс.

Я сделал еще несколько замечаний по музыкальности.

— Когда ты ускоряешься, у тебя немного летит техника. Ты недавно придумал, да?

— Да вот день назад, — сказал Гриша. Он стал притихшим, не перебивал меня и не мельтешил.

— Ну, нормально. Я так и подумал. Просто еще не вбито в тело. Просто следи за тем, чтобы при ускорении движения были более четкими. Особенно в кистях рук это заметно.

Гришин взгляд был изучающий, впервые спокойный за весь наш разговор. Только его локоть нервно дергался.

— А ты шаришь, да? — с лукавством спросил он.

С тех пор мы много занимались вместе.

Мы начали бронировать один зал, чтобы тратить меньше денег и вместе придумывать хореографии. Объединялись мы не всегда — порой просто стояли в разных углах в наушниках и всю тренировку молчали, занимаясь каждый своим.

Несмотря на то, что общаться с Гришей было легко, он прислушивался ко мне, хорошо понимал меня в танце и неплохо подсказывал, когда у меня случался ступор, его назойливость никуда не уходила. После тренировок он звал меня гулять, ужинать, пить пиво. Я соглашался в основном только на третье, и то не очень часто.

Я знал, что Гриша тренируется больше меня, и от этого росла моя мотивация. Я не хотел отставать от него. Он явно был в какой-то еще группе, потому что в разговоре постоянно мелькали чужие имена, когда он упоминал придуманные движения, фишки, новые элементы.

Мы встречались несколько раз в неделю.

Почти год у меня не было друзей, а до этого общение состояло из пьянок и сомнительных связей, поэтому я отвык от реальной близости с кем-либо и подпускать к себе Гришу не торопился.

Вместе с этим, я не мог не признавать, что он становился моим новым приятелем.

Гриша был старше меня на три года. Он заканчивал первый курс магистратуры.

— Так ты типа академик? — спросил я, когда узнал эту часть его биографии.

— Хобби у меня такое, — с улыбкой ответил Гриша. — Заниматься наукой.

Его хорошее отношение ко мне больше не казалось напускным, но вечно жизнерадостное, дурацкое поведение продолжало раздражать. Гриша мог поддержать любой разговор, мог дать хороший совет, был знаком будто с половиной города, учился на экономическом и бегло разговаривал на французском, при этом отвратительно понимая английский. В его образе сочетались ребячество и серьезность. Его слова могли казаться неаккуратными, просто вылетевшими из него, но он никогда не переходил границ, никогда не задевал меня, никогда не переусердствовал с похвалой или поддержкой.

Гриша был добрым, и это доброта проявлялась даже в танце. В его движениях никогда не читалась агрессия, злость. Хотя Гриша был подкаченным и очень высоким, лицо его оставалось круглым, с красными щеками и мягким подбородком.

Из меня информацию он вытягивал незаметно, по кручинке. Я рассказал ему, что танцевал в другой команде, рассказал про провал на экзаменах и переезд, даже упомянул про тяжелые отношения с родителями. Чтобы узнать что-то о нем, мне не приходилось особо спрашивать. Однажды он признался, что в расставании с той девушкой из студии виноват был сам, потому что постоянно обещал, но так и не устроился на высокооплачиваемую работу.

На одной из встреч с соседкой Верой я сказал, что у меня, похоже, появился приятель.

— Ну, дружба — это хорошо, дружба — сокровище... Ты, смотри, про Верку свою старую не забывай, а то, глядишь друзья, любовь, моргнуть не успеешь — и...

Было начало марта, когда Гриша сказал мне то, что безвозвратно изменило мою спокойную жизнь.

Это было таким же логичным, таким же естественным, как день, когда я впервые снял себе зал.

Тогда я решил показать ему свою доделанную и отработанную хореографию. До этого я танцевал с ним в основном в полноги, и он ни разу не видел мой отточенный материал.

Когда я закончил и выключил музыку, его глаза немного поблескивали. Его пальцы отстукивали ритм на колене, оно ходило ходуном больше, чем обычно. Я был не совсем доволен исполнением, но знал, что Грише понравилось. Меня окатило волной удовлетворения. В танце я вел себя самодовольно, я знал, насколько моя хореография хороша и отработана. Я соскучился по этому ощущению восхищенного взгляда. Как бы я ни прятался в тени зала, я любил стоять в первой линии по центру с софитами, наведенными на меня.

— Слушай, Никит, я помню, что ты говорил про свои непонятки с прошлой командой и все такое...

Я не рассказывал Грише никаких подробностей, и он тактично ничего не спросил.

— Но у тебя просто чумовая музыкальность, — продолжил он. — Ты просто так слышишь музыку... Как-то... Досконально? Не знаю. Ты как будто прям внутри нее. У нас никто так не слышит.

“У нас” сжало что-то внутри меня. Я, наверное, догадывался, что у Гриши есть команда. Об этом нереально было не догадываться. Возможно, уже в тот момент, когда я попросил его посмотреть мою хореографию, в тот момент, когда я включил музыку и расправил плечи, что-то внутри жаждало его слов — горячо надеялось на его предложение.

— Я еще неделю назад посовещался с кроссами. Это наше...

— Kross? — переспросил я.

Я знал их команду. Я несколько раз видел их на соревнованиях, но все это время был убежден, что они из Питера. “Kross” запомнились мне как интересные соперники. Им не хватало техники, силы и динамики, но каждый их номер был чем-то необычным, экспериментальным, смелым, тем, чего не увидишь ни у кого другого. Они никогда сильно не вырывались вперед, но постоянно входили в десятку и дышали нам в спину.

— Понимаю, уже середина танцевального сезона... — говорил Гриша. Он в несвойственной себе манере растягивал предложение. — Но хотя бы приди, попробуй, а, Никит? Просто посмотрю, познакомлюсь...

Я помялся и сказал, что подумаю.

Я решил отложить решение до завтрашнего утра и весь вечер, пока шел, вспоминал, чем закончился мой предыдущий опыт в команде.

Я всегда был слаб перед своими желаниями.

В тот же вечер я позвонил Грише, чтобы узнать, когда у кроссов следующая тренировка.

2 глава

Я не знаю, все ли мы виноваты в произошедшем, или я один. Меня бросает в холодный пот, когда в голове появляются его застывшие, стеклянные глаза. Они стоят передо мной, лезут под кожу в отражении моих собственных, когда я вспоминаю тот день — день знакомства с новой командой.

Первым человеком, с которым я встретился в коридоре студии, была Соня. Кроссы тренировались с утра или поздно вечером. В остальное время у всех были работа, учеба, танцевальные группы.

Я боялся опоздать, поэтому пришел в 9:30. Было еще полчаса, и я скованно, пока не продрог, постоял перед входом. Соня лежала на пушке перед залом. Она не подняла взгляд, когда я подошел и сел рядом. В руках она держала графический планшет и рисовала какого-то персонажа из книг о Гарри Поттере.

Ее волосы были странного цвета, как будто неправильно окрашенные. Наверное, задумываясь рыжими, они вышли слишком яркие — оранжевые — и как-то неприятно резали глаза.

Потом Гриша расскажет, что Соня учится на арт-дизайнера, но об этом я догадался и так. Она была изображением девушки, которую можно представить при описании “студентка арт-факультета”.

— Меня зовут Никита, — сказал я.

Соня не отреагировала, и я подумал, что она не хочет общаться. Прошло минут пять прежде, чем она дорисовала и повернулась.

— Так ты, значит, тот многообещающий чувак с крутым слухом? — спросила Соня. Я нервно кинул. — Класс. Я Соня. Гриша очень разрекламировал тебя. Впрочем, Гриша всегда приводит прикольных ребят. Например, вот, Костя...

Соня тогда неплохо помогла мне завести первый диалог. Ее голос был звонкий, но не громкий. Разговор шел легко. Когда я отвечал, Соня не перебивала, а смотрела мне в глаза и вовлеченно кивала.

— Да не знаю, я просто пытаюсь прочувствовать каждый звук, как-то так, — рассказывал я, когда Соня спросила, в чем секрет моей музыкальности. Это было необычно. Она еще не видела моего танца и,

видимо, поверила Грише на слово о том, что я хорошо обыгрываю музыку. — Для меня важно не просто услышать все звуки, что есть в треке, ну, это как-то само собой разумеется, а узнать все про этот звук.

— Узнать?

— Ну, как бы понять его характер, настроение. Где именно он в теле. То есть какая часть тела и через какое именно движение может его полностью, без искажений передать.

— Наверное, с такой логикой долго придумывать хоряги, — задумчиво ответила Соня. — Вот у нас Костян тоже классно прям музыку чувствует, но такого не рассказывал.

— Да нет, не то чтобы долго. Просто вошло в привычку обращать внимание на все эти детали.

Костя, возможно, нравился Соне. Она много про него говорила, и у них были странные взаимоотношения. После тренировок они часто возвращались вместе домой, но никогда не проявляли друг к другу открытой симпатии, а Костя время от времени находил себе милых девочек, которые приходили посмотреть на наши выступления.

Костя подошел следующим, и мы перекинулись парой фраз. Он был заспанный и вялый, в растянутой испачканной футболке и в серых потертых на коленях шортах Adidas. Костя пожал мне руку, ладонь его была твердая, мозолистая и шершавая, устало кивнул и почесал ежик темных волос на затылке.

В моей московской команде многие были настроены с подозрением, иногда даже враждебно, когда появлялся кто-то новенький, но кроссам было поразительно плевать на мое присутствие.

Из-за вскользь брошенной Соней фразы про музыкальность Кости я решил понаблюдать за ним. На первый взгляд, в нем не было ничего особенного, но мне бросились в глаза его накаченные руки и сильная спина. Костя явно тягал штангу или ходил в бассейн. Он был ниже меня на полголовы, но шире в плечах. Я предположил, что он хорош в партере, и это оказалось правдой.

Костя был брейк-дансером. Когда мы танцевали верха, он держался не слишком уверенно, но как только нужно было выполнить элементы на полу, Костя оказывался в своей тарелке — в партере ему не было равных. У него

было удобное строение тела, гибкость и скорость. Даже в моей московской команде мало кто мог сравниться с ним в партерной технике.

В аспекте музыкальности Соня преувеличила. Костя был среднячком во всем, пока не уходил на пол. Он схватывал большинство материала, но ему не хватало то ли уверенности, то ли опыта, чтобы его исполнение было идеальным. Костя в основном стоял на второй линии и выходил вперед в нужные моменты.

Я заволновался, когда оставалось пять минут до начала, но, кроме Кости и Сони, никого не было. Я знал, что “Kross” — небольшая команда, но помнил их в составе семи человек.

Я зря переживал. За пару минут в зал вбежал Гриша. Он спешно включил музыку, и мы начали разминаться. За ним зашел парень с черными, крашенными волосами в новых, вычищенных кедах и с цепочкой, висящей на поясе, и я невзлюбил его с первого же дня.

Гриша представил его. Его звали Глебом. Глеб поздоровался со мной и завел ленивый разговор на общие темы, перед тем как встать в первую линию сбоку.

Я узнавал таких людей сразу. Тогда он только вызвал во мне подозрение, но на последующих тренировках моя мысль подтвердилась.

Глеб был единоличником. Он стремился стать лучше за счет партнерства с нами. Он воровал наши идеи, фишку, внедрял их в собственные хореографии. Это нормально — набираться опыта у сокомандников, но Глеб проворачивал это не для того, чтобы сделать нашу команду лучше, а для того, чтобы в случае, если мы окажемся на одной сцене с разными номерами, он стал бы единственным победителем.

Глеб был молчаливым, тихим, наблюдательным. Я чувствовал на себе его взгляд во время разминки, чувствовал, как он оценивает меня. Таких людей, как Глеб, в командах не любят, но он не жаждал ни дружбы с нами, ни похвалы, ни чьего-то одобрения. И вместе со всем этим, Глеб являлся одним из самых сильных участников. В нем не было чего-то особенного, как у Гриши, не было бешеной энергии, как у Сони и Кости, но его безупречная, выточенная, отполированная до идеала техника брала свое. Глеб быстро схватывал материал и быстро выполнял его четко и правильно. Как бы сильно я ни раздражался при виде его наблюдательного взгляда исподлобья

или ни ругался с ним по поводу того, что он отрабатывает собственные номера на общих тренировках, Глеб стал человеком, на котором я часто “примерял” новую хореографию, в темпе объясняя ее, чтобы посмотреть, как она выглядит со стороны.

В тот, первый день, однако, мне больше всех запомнилась Соня. Она не отличалась чем-то конкретным, путалась в построении, забывала движения и делала грубые ошибки, но ее энергия пульсировала, как ядро команды. В каждое движение она внедряла силу, каждый раз, когда мы включали музыку, она выкладывалась на полную. Эта сила в ту тренировку перебила техничного Глеба и аутентичного Гришу.

Их особенность была в странной неидеальности. Я ни разу не видел такого ни в одной из команд. Их сильные стороны были доведены почти до абсолюта, но слабые провисали слишком сильно, чтобы их не замечать.

Единственный стабильный участник их команды опоздал на двадцать минут. Он вбежал с извинениями и не заметил меня. Ваня только к концу тренировки спросил:

— О, у нас новенький?

И Ваня станет моим самым близким другом.

У него было все: неплохой рост, спортивное телосложение, сила в движениях, техника, скорость, музыкальность. И все было на твердую четверку. Ване чего-то не хватало. Чего-то, что выделило бы его среди остальных. На Ване строился каркас команды, Ваня был незаменим, но выйди он на баттлы против любого из нас — и его ждет провал.

— Вообще, мне кажется, танцы — это не мое, — сказал мне как-то Ваня, лениво покуривая третью сигарету.

— Ты ушибся?

— Не, Никитос, я серьезно. Что-то вот не то, сечешь? Я занимаюсь, сколько себя помню. Опыт у меня есть, а таланта нет. Просто так распорядилась судьба. Вот, что я думаю.

Тогда я переубеждал Ваню. Я проникся им со знакомства, он был смешным, понимающим, отзывчивым, и я не хотел, чтобы он расстраивался и переживал по этому поводу. Но внутри себя я осознавал, что он прав. В нем не хватало склонности к танцу, чего-то, идущего изнутри, какого-то

импульса, который просыпался во всех остальных, даже в чертовом Глебе, как только включалась музыка.

Тем не менее, Ваня оставался опорой кроссов. Он полная противоположность Глебу. Ваня — до мозга костей командный игрок.

Я, на удивление, быстро влился в коллектив. После первой тренировки Ваня позвал меня поесть шаурму, и я, убедившись, что Гриша не идет с нами, согласился.

Мы, не снимая курток, сидели в плохо отапливаемой шаурмичной недалеко от горсада, и Ваня купил мне пиво. Вероятно, в тот момент что-то щелкнуло в моей голове, и я захотел подружиться с ним.

Мы разговаривали на бытовые темы, но он то и дело упоминал политику, и я предположил, что он учится на истфаке.

Ваня рассмеялся.

Его отец русский, а мать — армянка. Это сочетание делало его внешность яркой, запоминающейся.

Ваня рассмеялся, и его карие глаза зажглись, ожили. Он небрежно поправил густые волосы и расставил руки, заняв половину пространства. Мне нравилось находиться в его присутствии.

— Это так очевидно, да? — спросил он, и я кивнул. — Ага, заканчиваю вот третий курс. А ты, кстати говоря, как к этому всему относишься?

— К чему?

— Ну, в целом. К обстановке в стране, к примеру.

Я растерялся. Задумался на пару секунд. В голове — ни мысли.

— Да нормально.

Ваня снова громко рассмеялся. Я смущенно улыбнулся.

— Хочешь сказать, тебя все устраивает?

Я догадался, что на этот вопрос нужно ответить “нет”, чтобы подружиться с ним.

— Нет, ну, конечно, есть всякие минусы.

Мне показалось, Ваня обрадовался моему ответу. Он начал говорить о вещах, в которых я ничего не понимал, о том, о чём я никогда не задумывался. Он поразил меня максималистскими, пленяющими взглядами, познаниями в истории и легким жонглированием фактами.

Ваня стал единственным участником команды, с которым мы за весь первый разговор не затронули тему танцев.

— Вот скажи-ка мне, Никита. Ответь на один простой вопрос. Где ты бы хотел оказаться больше: в толпе гопоты или в ментовском логове?

Я не хотел бы оказаться ни в одном из этих местах, но такого варианта ответа Ваня мне не предоставил.

— Наверное, с гопотой, если уж выбирать, — нахмурившись, ответил я.

Ваня воодушевленно приподнялся на диване.

— Ты, как я понимаю, скорее, в левом секторе?

Я почувствовал себя глупо и нелепо, но решил врать на ходу, чтобы с ним подружиться.

— Скорее да, чем нет, — ответил я, смутно припоминая, в чём различие правых и левых. — Социализм, да, к примеру. Я много читал про Советский Союз.

Это все, что осталось во мне из скромной подготовки к экзамену по обществознанию, но по ваниному выражению лица я понял, что сказал что-то не то.

— Совок вернуть хочешь? — неодобрительно покачав головой и постучав пальцами по столу, спросил он.

— Нет! Нет, нет, нет, конечно, нет. — Я спешно стал исправляться. — Просто я к тому, что было бы клево взять оттуда все хорошее, а? Всякую хуйню, разумеется, брать не стоит, но хорошие вещи... Короче, it depends, да?

— Не, ну это ты в точку, вообще, хорошего там много было, вот, к примеру...

После этого нелепого диалога мы с Ваней стали общаться на постоянной основе. Секрет нашей дружбы заключался в том, что она не

выстроилась исключительно вокруг танцев. Хотя Ваня быстро раскусил, что я ничего не смыслю в политике, он не придал этому значения. Ваня много говорил об учебе, своей курсовой работе, научных интересах и спорах на парах. Он был безумно заразителен в этом, и я умудрился выправить собственные оценки, несмотря на усиленные тренировки.

Впервые за два года учебы я получу автоматы в сессии. Мне поставят пятерки по истории испанского, английскому и литературному переводу. Наверное, если бы не Ваня, я бы никогда не познал это ощущение легкости после объявления моей фамилии и освобождения от нервного экзаменационного дня.

Мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к специфике работы кроссов. В Москве у нас был тренер, который полностью придумывал хореографии, распоряжался построением, ставил номера. Каждая тренировка имела четкую структуру. Мы самостоятельно разминались, повторяли материал, вместе проделывали все под музыку, а потом чистили и учили дальше. Иногда мы показывали свои идеи, занимались импровизацией или обучались сложным элементам, иногда к нам приглашали преподавателей из других стилей. Все было строго и работало как часы.

Кроссы же... Противоположность структурности.

Разминались кроссы плохо. Грише и Соне не хватало усидчивости, они торопились, чтобы поскорее перейти к танцу, Глеб во время разминки предпочитал заниматься своими постановками, Ваня не уделял внимание многим группам мышц. Один Костя, видимо, вышедший из хорошей подростковой брейк-данс команды со строгим тренером, делал это более-менее нормально.

Спустя какое-то время я возьму разминку на себя. Но тогда я был недостаточно смел и авторитетен, чтобы указывать им на ошибки.

После разминки наступал момент создания. Нашим негласным лидером был Гриша, и инициатива исходила из него, но каждый участник кроссов имел право сделать свою восьмерку или предложить изменения. Это вносило хаос и иногда останавливало процесс, но также порождало в номере нестандартные решения и динамику.

В индивидуальности каждого участника кроссов была их сильная сторона. В этом же — и слабая. Каждый компонент коллектива был

интересен, но при соединении то и дело возникал разлад. Требовалось немало усилий, чтобы синхронизировать их всех друг с другом.

Когда через две недели после моего вступления в зал вошла еще одна участница, я подумал, что она ошиблась дверью. Я не знал, что у кроссов был кто-то еще.

Я вспомнил, что в их разговорах то и дело мелькало имя “Полина”. Она вбежала, когда у нас уже началась разминка. На ней была куртка и меховые наушники.

Я через зеркало наблюдал за тем, как Полина быстро, прямо в зале, переоделась, закинула дорожную сумку на подоконник и встала в первый ряд. Она сняла очки, собрала длинные, кудрявые волосы в высокий хвост, достала из кармана толстовки помаду и, выгнувшись, чтобы быть поближе к зеркалу, подкрасила губы. Ее взгляд мгновенно переметнулся ко мне, она заметила, что я смотрю, и я, почувствовав, как мое лицо опалило, быстро сглотнул и отвернулся.

Полина сразу стала для меня загадкой, таинственным командным козырем. Я легко анализировал остальных, вычленял слабые и сильные стороны, догадывался, на каких танцоров кто равняется и в какой танцевальной школе воспитан, но Полина… она была нечитаема.

В первую тренировку Полина никак себя не проявила и мало двигалась. Гриша сказал, что она болела почти месяц.

Наверное, меня всегда притягивало то, что я плохо понимал. Поэтому я мгновенно подружился с Ваней и так долго не подпускал к себе Гришу. Я любил разгадывать людей, любил, когда они выходили на танцевальную сцену, а я и ума не мог приложить, что меня ждет.

Такое случалось редко.

Я абсолютно понятия не имел, из какой танцевальной школы вышла Полина. Ее движения, связки, переходы — они были постоянно не то чтобы неправильными, просто другими. Ее пластика отличалась от всех танцоров, которых я видел до этого.

Наш первый с Полиной разговор случился только в начале апреля, до этого мы просто перекидывались фразами на тренировках.

Полина стояла на входе. С накинутым серым капюшоном в круглых крупных очках она казалась совсем непримечательной. Я бы остался в стороне, если бы Ваня не курил рядом с ней.

Я подошел, и Ваня протянул мне сигарету. Это был дешевый винстон с кнопкой. Я не курил, но почему-то не посмел отказаться, пока Полина краем глаза посматривала на меня.

— Никит, может, ты был краеведческом музее? — Это первое, что она сказала мне.

От нее пахло термоядерным ягодным парфюмом и вишневыми сигаретами.

— Не был. Я тут особо вообще никуда не ходил.

Это было правдой. Я мало гулял, ничего не узнал о городе за два года. А со вступлением в команду свободного времени у меня не осталось вовсе. Я работал, много учил испанский, пытаясь все наверстать, а на литературном переводе нам давали огромные куски текстов на английском, и преподавательница постоянно ставила мне тройки, хотя я отлично знал язык.

— Это не газета, Аннинский, — говорила она мне. — Когда вы переводите, вы заходите в комнату. Я ведь объясняла. Заходите в комнату этого автора. Оглядывается. Вы не словарь, вы должны быть в тексте. Внутри комнаты, Аннинский.

Преподша критиковала все, что бы я ни написал, но ни разу в университете я не старался так усиленно, как на том курсе. В конце она поставила мне пятерку автоматом.

— Значит, ты хочешь пойти со мной? — спросила Полина.

Я терпеть не мог музеи.

— Хочу?

— Узнать побольше о городе, в котором живешь? Культурно провести время? — Она говорила это серьезно, приподняв бровь. Я не очень понимал, осуждает ли меня Полина или подшучивает. — Ты же из Москвы? Или думаешь, у нас ничего интересного?

— Я так не думал.

— Полин, ну все, ладно. — Ваня рассмеялся. Полина тоже улыбнулась, и я немного расслабился. Ваня повернулся ко мне. — Не напрягайся так, Никитос. Просто мое мнение, что наш краеведческий музей — полная херня, и вот, Полина со мной спорит и ищет единомышленников.

В Полине было что-то чарующее. Невозможно распознать, невозможно определить. Что-то в ее манере обрывать слова, что-то в безразличном, ничего не выражающем взгляде. Что-то в небольших движениях уголков губ — когда все заходились в смехе, Полина лишь улыбалась, мимолетно, без зубов, и это волнующее, с трепетом отзывалось внутри меня.

Волосы Полины, вечно запутанные, пышные, часто лезли в лицо во время построения, ее ногти были переломанные, белые носки грязные, а тренировалась она со странным эгоизмом, вроде бы всегда делая все, что положено, но никогда не раскрывая полного потенциала.

Мы, разумеется, пошли в краеведческий музей.

Разговоры с Полиной тоже были необъяснимо смущающие. Она заставала меня врасплох. Я словно становился пленником ее лексических игр. Язык — язык, который был моим главным инструментом в универсе, тем, чем я занимался все свободное от танцев время — не поддавался мне.

— Меня всегда интересовало, каково это — переезжать в другой город.

— Ну, мне было нормально, — рассказывал я по дороге к музею. — У меня ничего не осталось тогда в Москве, да и ЕГЭ я сдал плохо, поэтому без шансов.

— И ты так быстро привык… Значит, то, где ты сейчас живешь, — это твой дом? Так ты чувствуешь?

Я задумался. Моя съемная квартира не была домом. Отцовская — тоже.

— Вряд ли.

Она заметила мое напряжение и дотронулась до моего плеча, а потом рассмеялась. Смех ее был искусственный, хотелось его заткнуть.

— Не загоняйся, — сказала Полина. — У меня тоже нет дома. А я никуда и не переезжала. Так что хотела спросить тебя. Вдруг ты нашел.

Через день я узнаю от Гриши про ее место жительства.

Полина жила в коммуналке, в бывших казармах. Неблагополучный район по другую сторону от Волги.

— А, так ты переводчик? — спросила Полина, когда мы надевали бахилы перед входом. — Я тоже в свое время учила французский. Salut, ça va?

— Я учу английский.

— Скука.

— Ну, еще испанский.

— И что? Ничего не понимаешь на французском?

— Наверное, что-то мог бы понять.

— Мы вот учили в школе. — Полина быстро отдала билет и прошла вперед. Мне пришлось почти бежать, чтобы услышать, что она говорит. — Не знаю, захера. Ваня говорит, что он уже не востребованный.

— Ну, не знаю, это в любом случае...

— А я вообще считаю, что скоро это все перестанет быть востребованным, — она сказала это так уверенно, как истину, что я не посмел ответить, возмутиться, посмеяться. — Но все равно это классно, Никит. Уважаемо, без шуток. Я вот даже русский не знаю.

— Как это?

— Никак не могу выразить свои мысли. — Полина улыбнулась, отрешенно, мечтательно. — Какие бы слова ни подбирала.

Мы вошли в музей, и она понизила тон голоса. Я приблизился и наклонился, чтобы расслышать ее. Мое запястье случайно коснулось ее руки, но всего на мгновение, пока она не сделала еще шаг, пока я не моргнул, стерев неожиданный, застывший между нами момент.

— Наверное, из-за этого и танцую, — сказала она.

После этого я начал понимать ее танец немного лучше. Она действительно танцевала так, будто говорила. Ее движения были посланиями, исполнение — диалогом.

В ее танце присутствовала эмоциональность, но совсем другая, непривычная, не которую можно увидеть на сцене. Во время исполнения на

ее лице не было улыбок, ярости, веселья. Но одного взгляда хватало, чтобы внимание к ней приковало намертво.

Первый раз я заметил это, когда мы начали делать номер на весенний чемпионат. Мы с Гришей придумали хореографию, и он предложил построение. Полину поставили по центру. Я не понял этого, потому что для меня было логично видеть там техничного Глеба или энергичную Соню, но Гришу поправлять я не пытался. Мы сели напротив, и кроссы исполнили нашу хореографию.

Полина впервые станцевала так, как умеет.

Ее танец заворожил меня, и даже сейчас, закрыв глаза, я смогу восстановить его в памяти и проиграть в своей голове.

Каждое движение ее мышц было как буква, неизвестная, еще неопознанная, но вкупе с другими собирающаяся в единое слово. Хореография была не такой, как в моей голове, не такой, как мы задумывали с Гришей. Полина разрушала все своей ни на что не похожей пластикой. Она умело, естественно подстраивала хореографию под себя, не меняя движений, не сбиваясь со скорости.

И ее взгляд. Взгляд, яркий, ослепляющий настолько, что если столкнуться с ним — уже не переключишься на что-либо другое. Во всем ее исполнении было то, чего не хватает большинству танцоров, — харизма, сбивающая с толку, пленяющая, вынуждающая безотрывно следить. Полина захватила нашу хореографию, присвоила своему телу.

Пока другим танцорам нужно сделать невероятный элемент в партере, в прыжке музыкально обыграть перебитовки или придумать собственное совмещение стилей, чтобы на них обратили внимание, Полине достаточно было стоять по центру и только, вытянув руку, лениво шевелить пальцами одной кисти.

— Где она учились? — спросил я после этой тренировки. Мы с Гришей ехали в автобусе и пересматривали видео хореографии после небольшой чистки.

— Полинка-то? Да нигде. Она самоучка. Сама осваивала, подсматривала там в фильмах, как танцуют, все такое. Я с ней познакомился года три-четыре назад, научил базе, основам.

— Это многое объясняет, — пораженно сказал я.

— А что, впечатляет? — самодовольно сказал Гриша. Несмотря на то, что мы сходили в душ после тренировки, от него пахло потом, а предплечья были влажные и липкие, когда он чуть подвинулся и шуточно толкнул меня локтем. — Меня тоже впечатлило в свое время. Все говорят про Полинку, когда знакомятся с нами. Даже обидно как-то! Ладно, шучу. Нам с ней повезло очень реально. Сколько уговоров было, прежде чем она пришла!

— Почему она не соглашалась?

— Да она как из универа ушла... — Гриша запнулся, видимо, сболтнув лишнего. — Короче, у нее всякие свои заморочки. Базы у нее нет, конечно, это видно, поэтому я частенько ставлю ее в центр, чтобы она если и выбивалась бы, то там. Но танцует она так, как никто не танцует. Понимаешь, да?

— Да, конечно.

— В этой хоряге, думаю, Полинку надо в центр, а нам с тобой по бокам, во второй линии. Глеба выведем вперед? Вот, посмотри...

Я медленно становился одним из главных членов коллектива наряду с Гришей.

Хореографии мы придумывали в связке друг с другом, он больше отвечал за танцевальную лексику, у него хорошо получалось сходу придумывать интересные движения и переходы, а я закрывал моменты по музыкальности. Когда нужно было уйти в партер, мы бронировали зал вдвоем с Костей: он сочинял выкрутасы на полу, я — корректировал по скорости и динамике. Соня и Полина иногда создавали вместе пару восьмерок, когда мы меняли динамику или трек и они выходили вперед. Ваня и Глеб особо ничего не сочиняли, но на них я часто ставил сложные элементы.

Мне было весело. Льстило то, как быстро они начали прислушиваться ко мне. На тренировках они задавали вопросы, после — спрашивали советы. Я чувствовал себя на своем месте.

Мое эго, разрушенное в конце одиннадцатого класса, росло.

Было начало мая, когда это ощущение появилось у меня впервые.

Ощущение, что я знаю лучше.

Ощущение, что они обязаны сделать так, как говорю я.

Я слышал музыку так, как не слышал никто из них.

Они знали это.

— Ты можешь это сделать, — сказал тогда я Глебу. У него не получался придуманный Костей элемент в партере. У нас всех не получался. Но кого-то нужно было вывести вперед, в пару с Костей. Глеб — самый оптимальный вариант. — Ты что, не слышишь эту перебитовку? Это обязано быть в нашем номере. Тебе надо научиться.

— Может, ты попробуешь, умник ебаный? — Глеб не злился, но говорил с раздражением, через сомкнутые зубы. Он недолюбливал меня также сильно, как и я его.

— Я в этот момент стою по центру.

— Так встань не по...

— Ты хочешь сорвать наш номер? — Мой голос звучал спокойно. Я плохо помню, откуда во мне взялся этот порыв. Я опустился на корточки рядом. Предостерегающе сжал плечо. Глеб был независимым, гордым, но в тот момент он глядел дико, его зеленые глаза потемнели, как у загнанного зверя. — Поменьше тренируй собственные постановки и отработай наше движение.

— Я вообще сейчас не тренирую свои хоряги! Я уже третью неделю пытаюсь это сделать! Я не брейк-дансер!

— Сделай, — сказал я. Глеб почему-то замолчал. Растроился. — У тебя неделя.

У Глеба в итоге получилось через четыре дня.

Мы не вспоминали этот разговор, но теперь мне кажется, что я начал ошибаться уже тогда.

По отдельности мы были просто танцоры. Со своими данными, со своими слабыми и сильными сторонами.

Но в нашем сочетании зарождалось что-то неестественное, ни на что не похожее.

Что бы ни ждало нас дальше, в тот теплый май мы были счастливы.

Чем ближе был весенний чемпионат, тем чаще мы собирались, больше сочиняли, меняли, чистили, отрабатывали.

Полина занимала много места в моей голове, но воспоминания о ней отрывочные, как и ее образ. В Полине крылась какая-то расколотость, неполноценность. Это обрамляло ее пластику, ее личность.

Однажды, когда я предложил прогуляться с ней по горсаду после тренировки, она сказала:

— У тебя мазохистская манера в танцах. Похоже на меня.

Мой рот был забит купленной в ларьке кукурузой, и я быстро прожевал, прежде чем спросить, что она имеет в виду.

— Ну, как тебе сказать. Тебе будто нравится все плохое, что несут в себе танцы. Больше, чем что-то хорошее.

— Что в них плохого?

— Знаешь, раньше некоторые народы считали, что танцы — это что-то дьявольское. Иногда я думаю, что это так. Просто... когда я танцую, бывают моменты, когда тело, оно двигается за меня. Я не уверена, что в такие моменты вообще могу остановить его. Я и не пыталась. Тогда возникают самые удачные вещи, самые красивые, подходящие.

— Это просто когда ты полностью отдаешься музыке, Полин.

— А, ты так это называешь. Не знаю, Никита. Я иначе все это чувствую. Мое тело... Оно становится частью музыки, это так. Но ведь такое происходит иногда и тогда, когда ты слышишь трек в первый раз. И как же так? Как же ты можешь полностью отдаваться чему-то незнакомому?

— Не знаю. Просто насмотренность помогает. Когда много слушаешь, хорошо понимаешь, как музыка устроена.

— Нет, Никита, нет, тут ты не прав. Одно понимание — это ерунда. На одном понимании ты никем не станешь. Ты ведь знаешь. Только понимая... Ты не танцов. Ты так, теоретик. Наблюдатель. Когда тело подавляет понимание, логику, когда сливаются с музыкой... Тогда выходит танец.

— Это плохо?

— Это страшно — так терять контроль.

— И почему ты вообще про меня сказала? Почему ты думаешь, что во мне это есть?

— В Глебе тоже это есть. И в Грише. Думаю, в Соне и Косте тоже. Но в тебе особенно, совсем иначе.

— Почему?

— Потому что то, что я делаю бессознательно, ты делаешь осознанно. Я сливаюсь с музыкой как-то сама, а ты... не знаю, ты будто знаешь алгоритм, как с ней слиться. Если бы я вот знала, я бы никогда на такое не пошла. Мне было бы страшно. А ты этого горячо желаешь.

Полина интриговала меня, больше и больше оплетала словами, взглядами, движениями в танце.

Перед тем, как мы поехали на первое соревнование, в последнюю вечернюю репетицию я проводил ее до остановки. Она отказалась от предложения вызвать такси или доехать с ней до дома.

Она не сказала, где живет, и если бы не Гриша, я бы вообще не знал ничего о ее жизни. Все, о чем она говорила, было абстрактным, эфемерным, бессодержательным.

На улице — почти двадцать градусов. Полинины волосы заколоты крабиком, маленькие завитки на затылке мокрые после тренировки. Я ей рассказывал про недавнюю забавную ситуацию на работе. Она смотрела вперед и не кивала, и я надеялся, что она меня слушает.

Полина села на скамейку. Ее короткая, клетчатая юбка немного задралась, и мой взгляд упал на тонкую полоску между ее бедер.

— Это из-за стойки в конце второго трека? — Я кивнул на фиолетовый синяк на ее коленке.

Сделал шаг. Встал рядом.

Полина покачивала ногой, а потом вытащила из кармана пачку Мальборо и закурила.

Ткань моих свободных брюк почти касалась ее светлой кожи.

— Ага, — сказала Полина. — Может, поедешь? Уже поздно. Завтра нас ждет долгий день. В семь уже электричка.

— Да не, дождусь твоего автобуса.

— Каков джентльмен, — усмехнулась Полина.

— Переживаешь перед завтра?

— Пока нет, у меня обычно волнение только за кулисами появляется.

— Да, у меня тоже.

— Знаешь, что, Никита?

Ее взгляд вцепился в мое тело, намертво сковав его. Это был один из тех взглядов, которыми она завораживала во время выступления.

— Да?

— Мне кажется, в этом сезоне у нас что-то поменялось. Ну, у меня так точно. Ожидание соревнований теперь другое.

Как околдованный, я сделал еще шаг. Подул ветер. Прядь выбилась из пучка и упала Полине на лицо. Я испытал неожиданный импульс убрать ее и засунул руку в карман.

— Раньше я как-то ждала именно выступления. Самого факта. А сейчас я очень хочу победить.

Она выдохнула. Ее сигаретный дым забился мне в нос.

— У нас хороший номер, — сказал я.

Я не считал, что мы победим. Но у нас правда был хороший номер. Соревнование состояло из двух дней, и я рассчитывал войти в пятерку, чтобы станцевать его два раза. Я безумно соскучился по сцене и хотел взять от этого все.

Вместе с этим я безумно боялся встретить свою московскую команду. Они не могли не участвовать в чемпионате. Они будут там. Будут на той же сцене. В нашей номинации.

Впервые все эти люди станут моими соперниками.

За Полиной пришел автобус.

Она, будто прочитав мои мысли, сказала:

— Ты тоже думай о том, как нам победить.

Мы обнялись на прощание. Ее тело было гибкое и теплое.

Когда она ушла, я с ужасом осознал, что это правда так.

Завтра — мой первый чемпионат без московской команды. Против них.

И завтра я должен сделать все, чтобы их победить.

3 глава

Наш танец провалился.

Наверное, все пошло не по плану еще в тот момент, когда я проспал будильник и проснулся от настойчивого третьего гришиного звонка.

Я вбежал в электричку, когда они уже все были внутри, за минуту до отправления. Тяжелый рюкзак с формой, кроссовками, водой и перекусами висел на одном плече, оно было мокрым под накинутой рубашкой.

Кроссы заняли по три места напротив друг друга, и я тяжело опустился на свое рядом с Гришой. Он потрепал меня за плечо, остальные смеялись: они в окно смотрели, как я бежал по перрону. Я пересекся взглядом с Полиной. Она улыбнулась уголком губ, медленно, сонно моргая.

— А где Костя? — спросил я.

Гриша кивнул на ряд спереди. Костя сидел сбоку, его голова свисала. На нем были наушники и маска для сна.

— Он никогда не садится в поездках рядом с нами, потому что мы нарушаем его сон, — пояснил Ваня. В его голосе слышался смешок. В основном Ваня любил поиздеваться над Костей и Гришой, и сейчас был один из таких случаев. — У меня младшая сестра тоже так. Посадишь в машину — дай Бог разбудишь. И маска у нее есть. Для полного погружения.

Мы с Гришой рассмеялись.

— Какой-то он не компаньон, — сказал я.

— Зато ты ебать компаньон, — ответил Глеб. В электричке было жарко, но он сидел, закутавшись в толстовку. Толстовки он носил исключительно с логотипами последних чемпионатов. — Сейчас бы без тебя уехали.

— Да главное, что успел. — Гриша отмахнулся. Он достал из рюкзака две бутылки воды и газировку. Глеб выхватил ее быстрее, чем я успел прочитать название на этикетке.

Вчера я занес соседке Вере продуктов, извинившись за пропущенное чаепитие, и она дала мне в дорогу несколько пирожков. Я съел один с капустой, накинул на голову капюшон и мгновенно отключился.

Я проснулся минут через сорок от громкого голоса Сони.

— Гарем петуха, — сказала она.

Я проморгался. Гриша протянул мне воду.

— Какая-то херня, — задумчиво проговорил Глеб.

В руках у Сони лежал кроссворд, в зубах зажат карандаш.

— Сераль? — предложил Ваня.

— Чего?

— Ну, это именно помещение, типа дворец султана.

Все рассмеялись. Гриша что-то внимательно читал в телефоне.

— Ваня, мой ты хороший, — заикаясь от хохота, сказала Соня. — Понимаю, умничать любишь. Но это, блять, петушиная семья...

— Ты попробуй хотя бы!

— Не подходит. Семь букв, — ответила Полина. — Может, дальше пойдем?

— Помещение с курами, — сказал я. Мой голос был хриплый после сна. Я быстро посчитал буквы на пальцах. — Курятник.

— К-у-р-я-т-н-и-к. — Соня записала ответ. — Молодец, Никитос! Во, бери пример, а то все сераль, сераль... Логическое мышление!

Они продолжили разгадывать кроссворд втроем с Полиной и Ваней. Больше мне в голову ничего не приходило, Гриша был занят, а Глеб надел наушники. Костя похрапывал спереди, его голова свисала в проход.

Я вышел в туалет. Помню, как холодная вода ошпарила руки, помню, как меня чуть не стошило в раковину. Только по дрожащим пальцам я понял, что на взводе. Я проспал, потому что полночи в голове крутились сценарии о том, как я встречу прошлого тренера, как бывшие товарищи будут смотреть на меня из-за кулис, как я выйду в новом составе и зал начнет кричать другое название команды.

Прошло уже два года, но я до сих пор ощущал болезненную оплеуху нашего тренера у себя на щеке. То, как горела моя кожа, то, как на нас смотрели десятки чужих глаз.

Руки расчесаны до крови. Я быстро умылся.

Когда я вернулся, кроссы убрали кроссворд, и даже Глеб снял наушники. Все внимательно смотрели в телефон Гриши. Я догадался, что это был порядок выступлений.

— Блин, эти девчонки питерские прямо перед нами, — сказала Соня.

— В прошлый раз мы их победили, — ответил Глеб.

— Это ничего не значит, — возразил Гриша. — Они действительно сильные соперники. После нас STEP, тоже хорошая московская команда. Помните, они в прошлый раз в таких красных жилетках были? Но, ребят, в нашей номинации в целом слабых нет, а мы в середине, так что, вообще, считайте, повезло.

Я придинулся к Грише и быстро пробежался глазами по списку.

Сегодня Гриша был намного более напряженный, чем обычно, и я задумался над вчерашними словами Полины. Неужели у кроссов в этом сезоне действительно произошли внутренние изменения? Может, они и правда все поверили в победу больше, чем обычно?

Кроссы несколько чемпионатов подряд были на уровне, но никак не подбирались к призовым местам. Должно быть, они устали от этого ощущения — танцевать как бы всегда “недостаточно”. Правильно, но недостаточно технично. Эмоционально, но недостаточно энергично. Интересно, но недостаточно музыкально.

Я осмотрел каждого из них. Гриша умел находить людей — у каждого был потенциал. Каждый был по-своему хорош на сцене.

И вместе с этим, их индивидуальность порождала разобщенность.

— Кстати, Никит, — сказал Костя. Я только в этот момент заметил, что он проснулся и стоял прямо над моим сидением. — А та команда, где ты раньше танцевал? Будут эти ребята?

Взгляды мгновенно прилипли ко мне.

Я знал, что когда-то наступит этот момент, и не испытал стеснения, я так волновался полночи, что был слишком эмоционально вымотан.

— Да, — ответил я. — Они в конце списка. DL team.

Конечно, кроссы были удивлены. Я не раз представлял их реакцию, и она оказалась предсказуемой.

— Реально? — спросил Глеб.

— Нихуя себе, — сказал Гриша. — Это объясняет твои... умения.

Я кивнул, расчесывая запястья.

DL team, безусловно, знал каждый в танцевальном мире. Из подростковой команды, выигравшей все соревнования, мы быстро превратились во взрослую, стали участвовать в номинации с профессионалами и задали новый вектор всему танцевальному сообществу.

— Мне всегда не нравилось их название, — прервав повисшую неловкую тишину, сказала Соня. — Что это вообще значит?

— Ну, типа dance legends.

— Фу. — Ваня закатил глаза. — Как пафосно.

Он привстал, чтобы похлопать меня по плечу, и я заметил, что напряжен. Ваня внимательно посмотрел на меня. В движениях его тела читалось что-то уверенное, вселяющее доверие, негласно говорящее о том, что все в порядке, и я выдохнул, откинувшись на спинку сидения.

— А “kross” что означает? — спросил я.

Ваня пожал плечами.

— Да ничего.

— Главное, чтобы круто звучало и запоминалось, — добавил Гриша. По его торжественной улыбке было видно, кто придумал это название. — Вот ты же запомнил название, а? Ребят, он нас так-то сразу узнал, как я сказал.

— Да, так и было. — Я кивнул.

— Вот! А это залог успеха. То, что они там легенды какие-то, знает два с половиной землекопа. А мы как вышли, так сразу запомнились.

Остальные приободрились после гришиных слов. Тема с моей прошлой командой была исчерпана. Мы стали обсуждать других, чужие выступления, а потом пересмотрели видео со вчерашней репетиции.

Я знал, что этот разговор не закончен лишь для одного человека. Я чувствовал его пристальный взгляд, чувствовал, как он прищуривается, если

я тоже смотрю в его сторону. Я ждал вопросов от Глеба. Ждал, пока он подойдет ко мне, ждал, пока подберет правильный момент.

Глеб не слишком внедрялся в компанию, но он знал все. Он вынюхивал, отыскивал и наблюдал. И такой факт он просто не мог упустить.

Ничего не произошло, когда мы вышли из поезда, когда спустились в метро. Я скоординировал их: купил проездные, проложил маршрут. Они без умолку болтали о всякой ерунде, Соня, Гриша, вдохновленные, были еще громче, чем обычно, а Глеб все буравил взглядом мой затылок.

Мы прошли регистрацию, и наконец, перед входом в общий для всех команд тренировочный зал, Глеб схватил меня за запястье.

— Из такой команды не уходят по собственному желанию, — тихо сказал он. Я хмыкнул — Глеб был очень предсказуемым, чрезмерная самонадеянность делала его таковым. — Думаешь, я не узнаю, что там произошло?

— Думаю, это не твое собачье дело.

Танцевальный мир легко разносил слухи. Прошло уже два года, и вряд ли произошедшая ситуация осталась секретом. Глеб вправду мог все узнать. Но я не подавал вида, что встревожен этим.

— Пока ты в нашей команде, это мое дело.

— Не рассказывай мне о том, как дорожишь командой. Хочешь сделать что-то для нас — будь добр, отъебись от меня и иди к Косте прогонять вашу часть в партере.

Я был на нервах. Меня выводил Глеб, я боялся встретить своих бывших товарищей, не мог сосредоточиться на хореографии и выложиться во всю силу.

Мы репетировали меньше, чем я раньше, но больше, чем кроссы обычно. Когда на чемпионате закончились детская и подростковая номинации, я был весь мокрый и уставший.

В общем зале я встретил несколько знакомых из других команд. Они помнили меня в составе DL, поэтому удивились, но не допрашивали о подробностях, когда я упоминал вынужденный переезд. Я был даже рад видеть старые лица, что-то было комфортное, привычное в этой обстановке: общий зал недалеко от сцены, отовсюду звучит разная музыка, кричат

тренера, из-за кулис выбегают выступившие команды, пахнет духами, потом, красителем для волос.

Я услышал их голоса уже во время нашего предпоследнего прогона. Они, видимо, тренировались в другом зале и зашли в этот посмотреть на других.

Громко раздался смех, и я узнал его, я сбился с линии, за все наши сегодняшние прогоны я не допускал ни одной ошибки, но тут же сбился, отошел, машинально продолжая танцевать, мое сердце бешено забилось, я слышал, слышал приближение этого смеха, слышал их шаги даже через нашу музыку из колонки, мои руки задрожали, это был смех Славы Гуреева, человека, которого много лет я считал своим лучшим другом.

Я врезался в Гришу, и он схватил меня за руку и вытащил из построения. Меня затошило, и он вручил мне бутылку воды. Он все понял — на футболке Славы, как и всегда, было выведено название команды.

Больше мы с ними не сталкивались.

Я успел успокоиться, нормально отрепетировать, за кулисами мы поорали кричалку и уверенно вышли на сцену.

Я улыбнулся. Этот момент настал. В глаза светило. Сцена была большая, по обыкновению скользкая, на меня были наставлены камеры, взгляды, и я встал в привычную позицию, в начало нашего номера, быстро оглядев ребят. Пот с моих ладоней скатывался и падал с кончиков пальцев. В ушах стоял гул.

Момент волнения пропал, как только заиграла музыка.

Я вступил в хореографию с силой, отточенностью, я хотел ей насладиться, станцевать так, как никогда прежде.

Я сбился.

Я сбился уже через сорок секунд. Я не пропустил движений, не облажался по музыке. Но весь настрой, вся эйфория — все исчезло в тот момент, когда я заметил, как Полина, не рассчитав габариты сцены, уходит слишком вправо и слишком назад и рушит построение.

Дальше все шло не так.

Самое неприятное — замечать ошибки прямо на сцене. Заметить их потом, на видео или в баллах судей — это ерунда, но замечать прямо там, в момент исполнения, — это то, что я никогда до этого не испытывал: моя московская команда могла делать не такие интересные номера, не с такой музыкальностью и лексикой, но идеальное, выверенное, отработанное исполнение у них было не отнять.

Это не расслабило меня, я держался, но, как обычно это бывает, один недочет нес за собой новый. В середине номера, когда Костя и Глеб вышли вперед, а я стоял во второй линии, я заметил, как между ними начался рассинхрон, они делали движения в разные звуки, и я толком не понимал, кто из них мажет по музыке.

Ближе к концу по задумке у нас должна была получиться перетекающая друг в друга волна руками, и на репетициях с этим проблем не возникало, но внезапно Гриша, видимо, переволновавшийся, начал ее на счет раньше, и вся волна полетела, перебитовка, по поводу которой я сильно заморачивался в создании хореографии, была пропущена.

Мы поклонились и вышли. Молчали, пили воду. Мы знали, что одни из самых выигрышных мест в номере были испорчены. Кроссы лежали на диване, сняв рубашки с маек, и ничего не обсуждали.

— Ты что, не расстроен?

Я пробивал молочный ломтик в автомате на первом этаже, когда Полина подошла, чтобы задать этот вопрос. Кудри прилипали к ее раскрасневшимся щекам.

— Такое бывает, — ответил я. Разумеется, я был расстроен. — Мы катаем этот номер первый раз, да и лексика для вас не особо привычная, я вносил в нее много изменений.

— Я налажала, — просто сказала Полина.

Это звучало как облегчение, как долгожданное расслабление напряженных мышц.

Я улыбнулся. Она — в ответ.

— Да. — Я кивнул. — Получилось плохо.

Мне хотелось лечь на кровать и выпить пива. Я устал после дороги, репетиций, выступления. Нам нужно было дождаться результатов.

— Больше такого не повторится, — сказала Полина.

— Я знаю.

Мы зашли в зрительский зал как раз перед выступлением DL.

Они были постоянны: всегда в черном или красном, всегда с принтами на спине.

Постоянны они также были в своем исполнении. Они танцевали просто, слаженно, чисто. Движения были быстрые и техничные, казалось, что они делают все без труда. Подача и раньше была настойчивой, а стала агрессивнее, напористее.

Из-за их слаженности я не сразу понял, что что-то не так. Чего-то не хватало. Слава поразительно долго, уже второй кусок, стоял в середине, а вперед не выходило Вики и Ксюши. Их не было, команда стала полностью мужской. А также и в центре, и в других местах построения отсутствовал сильнейший командный козырь — Юра Зотов, которого я в свое время подкидывал в воздух десятки, а то и сотни раз.

Несмотря на изменения, DL выступили феерично. Музыка закончилась — зал взорвался криками и аплодисментами. По сравнению с ними мы казались новичками-любителями.

Только когда они ушли со сцены, я заметил, как сильно мои руки сжаты в кулаки, как больно ногти впиваются в кожу. Я был зол и воодушевлен. Я не желал больше давать им шанса так легко утереть мне нос.

DL прошли в следующий этап чемпионата. В финале они займут второе место после не особо известной уральской команды.

Наше название не огласили со сцены.

Мы не прошли в пятерку, не прошли во второй день.

В электричку мы возвращались никакими. Гриша по телефону отменял бронь на отель, в котором мы должны были остаться на ночь, Соня тихо плелась рядом со мной и изредка задавала вопросы о моем мнении по поводу той или иной команды.

Чуть позже выяснился, что мы — шестые.

Это был закон подлости, жестокая насмешка судьбы. Два года назад, на этом же чемпионате, я с DL не прошел в тройку, сейчас нас всех отделяло одно место от финала.

Первые полчаса мы ехали молча. Соня рисовала, Полина и Ваня что-то вместе читали, я делал задание по испанскому, остальные листали телефон.

Гриша попросил немного внимания. Мы оторвались от своих дел.

— Это было круто, — сказал он. Уставший, измотанный, Гриша еле сидел прямо, его хвост сполз, футболка была не до конца заправлена в ремень брюк, а голос казался выше, чем обычно, более неровный. — Что тут добавить? Классный опыт, классные соперники. Да и наша хоряга на высоте. Знаете, ко мне даже подошли чуваки с других команд! Сказали, что у нас прям необычный номер. Запоминается! А главное, что запоминается, что мы вызвали эти эмоции, да?

Чем больше Гриша говорил, тем больше у меня пересыхало во рту от злости, от раздражения. Все остальные тускло, безразлично смотрели на него, только Соня старалась активно кивать. Все было не так, все было не так.

— Ошибки — это нормально, сами понимаете теперь, над чем работать. У нас впереди еще парочка соревнований, там уж успеем еще...

Я вспомнил то, с какими лицами вышла моя прошлая команда, вспомнил, какое удовлетворение читалось в их улыбках, как много самодовольства было в их сжатых руках, в синхронном поклоне. Я чувствовал, будто они возвышаются надо мной. Их образы, в этих знакомых черных футболках, с этими гордыми ухмылками, были надо мной, а я сидел, сидел перед ними, как на коленях, поверженный, побежденный.

— К тому же, помните, что в прошлом году мы заняли восьмое место? Вот прошел год — и мы сразу уделали две команды. Так что, ребят, давайте не будем сейчас расстраиваться. Мы все молодцы, мы все хорошо потрудились, а сейчас главное...

— Бред.

Гриша затих.

Это само вырвалось из моего рта.

Отступать было поздно — все повернулись ко мне. Я был уверен в своей правоте, я, как никогда, был уверен в себе, в том, что должен победить, в том, что могу это сделать.

— Ты чего, Никит? — тихо спросила Соня.

Я не собирался ранить их чувства, я не собирался переделывать их стиль взаимодействия.

Но негодование кипело во мне, импульсами горячо разливаясь по грудной клетке.

Я вспомнил чистый, искренний взгляд Полины, ее признание своего поражения.

— Вы можете дальше себя жалеть, но тогда ничего не изменится, — сказал я. Вдруг слова полились из меня. — Мы можем съездить с этим номером на другие соревнования, да пожалуйста. Без проблем. Но это самый крупный, самый важный чемпионат в России. Здесь все определяется, на этой сцене. И мы не прошли в финал. Мы не потанцуем завтра, потому что мы плохо станцевали сегодня. Это не чья-то вина. Это факт. Мы похерачили построение и синхрон. Почему? Значит, недостаточно отработали. Мало репетировали или вбили в тело. Значит, нам не хватает кучи всего, чтобы взять и победить DL team.

— Никит... — Голос Гриши был мягким и тихим. — Ты же понимаешь...

— Если у вас нет цели победить DL и другие сильные команды на сегодняшней сцене, то это все вообще к чему? У вас цель покатать хорягу по Москве и Питеру? Быть лучше, чем... кто? Кто, вообще, за эти две команды, которые типа остались позади нас?

— Никит, у нас было не так...

— Bullshit. У нас было достаточно времени и возможности. Но мы не довели это до уровня финала. Мы не справились. И если мы хотим победить в следующем году... Да, именно победить. Не войти в какую-то там пятерку, не обойти еще парочку неизвестных команд, а победить и DL, и всех остальных, значит, сейчас нам надо признать, что мы ничего не добились. Мы хуже них, мы нихера против них не можем. И нам надо будет не просто достичь их уровня, а стать лучше. С самого низа — там, где мы сейчас находимся.

Я выдохнул. Я говорил так громко, что затих вагон.

— Если честно, — сказала Соня, — я тоже давно уже хочу победить DL team. Хотя бы из-за названия.

Полина рассмеялась.

— Мы можем их победить, — ответил я. — Я танцевал в этой команде много лет, и я могу утверждать, что у них нет столько крутых индивидуальных способностей, которые есть у вас. У нас есть шанс. Реально. И я... очень хочу, чтобы они в следующем году ушли ни с чем.

Наверное, это был следующий шаг к пропасти — момент, когда я отнял слово у Гриши. Момент, когда они смотрели только на меня, а я наслаждался этим.

Никто не мог и подумать, что мы катимся в бездну. Гриша зауважал меня тогда еще больше, и даже Глеб пожал мою руку. Никто не возражал. Они были вдохновлены, очарованы. Должно быть, они впервые испытали это чувство — стремление, связанное не с танцем, а с эго, с желанием обойти каждого, стать лучше всех.

В DL желание стать лучше всех выводилось на первый план. Это то, что нас зажигало и мотивировало идти вперед. Но нам не хватало именно того, что есть у кроссов, — абсолютной любви к танцу. При совмещении этих двух составляющих — абсолютной любви и тяги к победе — кроссы имели потенциал стать нерушимыми, запредельно сильными.

Кроссы загорелись идеей победить, преодолеть самих себя.

В июне мы занимались мало. Но съездили еще на два соревнования, в Москву и в Питер. На обоих вошли в пятерку, но ошибки на сцене никуда не уходили. Мы осознавали, сколько работы нам предстоит.

Все, кроме Полины и Кости, учились в университете и сдавали сессии. С легкой руки Вани я закрыл предметы без троек, с автоматами, снова получил денежный подарок от отца и набрал побольше смен в ларьке.

Соня, Костя и Глеб собирались на неделю поехать на классы в Сочи. Я был там дважды еще в подростковом возрасте и грэзил вернуться, но, невзирая на увеличенное количество смен, накопить все равно не вышло. Они уехали на две недели июля, а мы с Гришой, Ваней и Полиной продолжили снимать зал и вместе тренироваться.

Рядом с моим ларьком открыли торговый центр, и процент с продаж сильно убавился. Тогда Гриша на время отдал мне несколько своих подростковых групп, и я начал вести занятия у детей.

Хотя мы нигде не заняли призовое место, наш номер и правда заметили. В середине июля нас с Гришой позвали провести мастер-классы в городе, приуроченные ко дню рождения студии, а в конце — мы с ним судили местные баттлы. Меня постепенно узнавали хореографы города, мой сольный танец, исполненный как судейский шоукейс, записали на камеру и опубликовали в пабликах.

Я не очень хотел растрачивать себя и постоянно вести танцевальные группы. Мне не нравились дети, с подростками я не ладил, а взрослых не предлагали, поэтому я отказался от работы в студии. Вместе с этим, я соглашался выходить на гришины замены, провел еще несколько одиночных мастер-классов и как-то помог тренеру из студии придумать хореографию для его детской команды.

В начале августа Полина затащила меня на городские баттлы, и я их выиграл.

— Ты такой равнодушный, Никита, — сказала она. Мы гуляли вдоль набережной. На ней был синий топ на тонких бретельках. Я купил нам по мороженому в рожке. Было тридцать градусов, крем таял и стекал по ее салфетке. — Хоть бы порадовался, походил бы тут с медалью на шее.

— По центру города?

— Почему бы и нет? Может, я хочу гордиться тобой?

Ее слова теплом разлились по моему телу.

Мы дошли до кинотеатра “Звезда”. Около него Полина попросила меня подержать ее мороженое, чтобы она смогла зажечь сигарету.

Пока она курила, я изучал афиши. Голова болела от солнца, полинина кожа на плечах покраснела.

Мы сели на скамейку, и она внезапно положила голову на мое плечо.

— Хочешь посмотреть “Астрал”? — спросил я.

Полина кивнула, я купил билеты.

На Полине были грязные кроссовки и идеально белая юбка.

Она села рядом со мной. Ее кожа соблазнительно блестела от пота.

Выключился свет. Мне показалось, что Полина придвигнулась, и я, повинуясь первому порыву, положил ей ладонь на колено.

Я почти не смотрел фильм, безразличный к убийствам и крикам. Моя рука была горячая и влажная. Полина смешилась по сиденью вниз, и мои пальцы, поднявшись, коснулись очертания ее юбки.

Сердце забилось. Я сдвинул руку еще выше, на бедро. Лицо Полины ничего не выражало, она, как ни в чем ни бывало, смотрела кино. Ее очки чуть сползли, а маленькая сережка запуталась в волосах. Когда она выдыхала, все черты ее лица расслаблялись, а длинные ресницы трепетали. Мне нравилось следить за ней, когда танец полностью охватывал ее тело, нравилось, когда она разговаривала со мной, но больше всего мне нравился момент прямо сейчас — когда ее теплая, румяная щека была в нескольких сантиметрах от моего носа.

Большим пальцем я гладил ее мягкое, расслабленное бедро. Мне казалось, ее тонкие, маленькие, едва ощущимые волосы отзывались на прикосновения моих рук. Я поднимался выше и выше. Она раздвинула ноги. Ткань ее нижнего белья была уже влажная.

Я хотел ее. Хочел поцеловать, прижать к себе, хотел пригласить к себе домой, хотел крепко держать ее.

Полина не смотрела на меня. Ничего из этого не случилось.

Ее колени сомкнулись, зажав мою руку, и я убрал ее.

Я не понимал, что я делал, и не понимал, сделал ли что-то не так.

Когда мы вышли из кинотеатра, я пытался спросить, все ли нормально, но Полина, как и обычно, говорила лишь об отвлеченных вещах.

— Кстати об ужастиках, в детстве я ездила в лагерь, и подруга лет десяти рассказала мне страшилку “Умная девочка”. Ты знаешь такую?

— Нет.

— Там суть в том, что девочке звонит в дверь отец, но она, почувствовав неладное, долго ее не открывает. А когда она все-таки решается, там оказывается, что голова ее отца гвоздями приделана к глазку, и на стене кровью написано: “Умная девочка”.

— Жуть.

— Это точно. Я потом еще долгое время не открывала дверь, пока не спрашивала, кто это. Отец ругался на меня, мол, что за нелепость. Сейчас он умер.

Это была первая вещь, которую за полгода знакомства она рассказала о себе.

— Почему?

— Рак.

— Когда?

— Три года назад.

— Прими мои соболезнования.

— Не переживай. Он так мучился, что мы уже все ждали его смерти.

Я не знал, что на это сказать.

— Хочешь еще мороженое?

После этого резкого, странного признания про отца я совсем не мог завести разговор о том, что произошло в зале кинотеатра. Тем более, ничего толком не произошло.

Я растерялся и находился в смятении.

Я проводил ее на автобус, доехал до дома и повесил медаль с первым местом на верхнюю ручку шкафа, который редко открывал.

В августе мы возобновили усиленные тренировки.

На деньги за баттлы, мастер-классы и ларек я купил себе новые кроссовки. Они не скользили и идеально сидели на ноге.

Костя и Соня восторженно рассказывали нам про классы в Сочи, Глеб, хоть и помалкивал, тоже заметно улучшил силу в своих движениях.

Цель победить на весеннем чемпионате, безусловно, отличная, но до нее нам нужно было дойти. Прежде, необходимым стало попасть на зимние сборы, главный лагерь страны, куда по приглашению приезжали лучшие команды. Там был центр танцевального движения. Проводились закрытые баттлы, актерские уроки, мастер-классы всех стилей, велись консультации от

самых известных хореографов. Мы с DL team ездили туда каждый год, кроссы — ни разу, но в моей голове это было реализуемо: главное — максимально хорошо показать себя на осенних соревнованиях и чем-то зацепить кого-то из судей, которые стоят в основании этих сборов.

Наша работа кипела. Мы осваивали новое, сочиняли, учили друг друга, закрывали пробелы, из-за которых провалились на весеннем сезоне.

После перепалки с Глебом я ожидал от него подставы, удара в спину, но он то ли ничего не узнал о моем прошлом, то ли решил не воевать.

Я был в своей лучшей форме. Вдохновленный, мотивированный, я не ждал, что что-то может пойти не так. Я был ослеплен и расслаблен.

Гриша решил устроить в “KROSS” кастинг. Раньше он всех брал по знакомству, но теперь, чтобы усилить команду, решил не пренебрегать никакими методами.

Это с самого начала казалось мне сомнительной идеей, но нам пришлось в этом убедиться.

На кастинг была куча заявок. Все хотели танцевать в самой сильной команде города. Мы разделили людей на три дня.

В первый день кастинга мы еще были настроены позитивно, и из команды пришли все, кроме Глеба. Во второй — остались только я, Гриша и Соня.

Это было скучно, слабо, немузикально, местами забавно. Мы встретили несколько интересных ребят и обменялись номерами, но они не дотягивали до нашего уровня, а обучать их у нас не было ни времени, ни ресурса. Я запомнил трех девчонок и двух парней с необычной лексикой и явным потенциалом, но все остальные были настолько посредственные и при этом зазнавшиеся, что я измотался настолько, как будто танцевал сам. С большинством из участников кастинга произошла та ситуация, про которую я распинался кроссам — они слишком замкнулись в круге жалости к себе, они перестали видеть большой танцевальный мир, прекратили развиваться, наивно считая, что чего-то достигли.

На третий день я не пошел из-за юбилея соседки Веры. Там собрались ее родственники, другие пожилые соседки и одна подруга детства из Питера. Я пришел к ней заранее, чтобы накрыть стол, погулять с собакой Маей и, неловко поздоровавшись с гостями, сидеть остальную часть вечера в углу.

Мая хоть и недолюбливала меня, но другого единомышленника у нее не было, поэтому мы сидели вместе. Это был странный вечер, но Вера так активно уговаривала меня прийти, что я не смог отказать.

Утром на следующий день я узнал, что Гриша нашел нам еще одного участника команды.

К новости я отнесся с подозрением. Я думал, что у Гриши просто замылился глаз, он взял кого-то, кто просто выступил чуть лучше, чем другие, и мне придется отговаривать его и успокаивать бедного парня, которому уже пообещали место в крутой команде.

— Не, Никитос, я тебе отвечаю, — быстро, запинаясь, говорил Гриша, пока мы подходили к студии. — Ты офигеешь. Чувак — просто находка. Мы все были в шоке. Не веришь мне — так сейчас тебе Сонька расскажет. А хотя, чего Сонька? Сейчас сам увидишь, он там уже тренироваться должен. Я тебе говорю, он как затанцевал — мы все чуть не упали.

Я все-таки доверял Грише и немного приободрился. Я всегда любил новые лица. С каждым танцором у меня была своеобразная игра — разложить его танец по плоскостям. Вычленить из него лучшее и худшее.

В коридоре я встретился с Соней и Ваней. Мы переоделись. Я смеялся над сониной интонацией, пока шел к залу, и даже не догадывался, что последний пазл, знаменующий объединение и знаменующий трагедию, был прямо передо мной, за темной, привычной дверью второго зала.

— Вот он, — сказал Гриша, когда открыл ее. — Ну, круто? Сейчас я вас...

Я больше ничего не слышал.

У меня во рту пересохло. В груди что-то сжалось, точно придавило меня. Я почувствовал, как от лица отливает кровь, а на затылке выступает испарина.

Он не сразу нас заметил. Тренировался в наушниках. Музыка, однако, была не нужна, чтобы с первого взгляда на него понять, что он — удивительный танцор. Его тело, словно пластилин, растекалось по треку, играющему у него в ушах.

Я отступил на шаг. Гриша говорил, говорил, говорил.

— Мы с ним уже обсудили тренировки, и он только за, чтобы заниматься с нами в нашем графике. Короче, это просто отпад. Его зовут Юра...

Гриша мог не продолжать.

Я знал его имя.

Это был Юра Зотов, один из лучших танцоров моей бывшей московской команды.

Я вышел из зала.

Гриша позвал меня.

Я заперся в туалете и стал быстро, судорожно умываться, пока не почувствовал, как уже и по моей одежде, и по моим волосам стекает вода.

Я сел на пол и начал думать о том, что делать дальше и почему он здесь — в этом городе, в этом зале.

4 глава

— Ну и зачем ты здесь?

Мой голос казался ровным.

Я не помню ту тренировку. Помню чувство тошноты, помню, что не мог сказать ни слова, помню, как Гриша интересовался, что со мной, помню, как быстро собирался, чтобы нагнать Юру на улице.

Юра не переоделся, только накинул рубашку поверх футболки, и я подумал, что он сбегает от меня. Вероятно, так и было.

Он обернулся.

Его рука была сжата на воротнике, и перед тем, как он остановился и шагнул ко мне, во всем его виде мелькнула секунда неуверенности — в том, как едва заметно вздрогнуло его плечо, в том, как тихо щелкнули зубы от резкого сжатия челюстей, — но это мгновение было мимолетным, и я тогда посчитал, что что-то перепутал, надумал, вообразил то, чего не существовало, потому что после ничтожного мига замешательства Юра усмехнулся, приподнял светлую бровь и остановился напротив без колебаний, без волнения.

Он не был удивлен на тренировке и не был удивлен сейчас. Разумеется, то, что я в кроссах, не стало для него неожиданностью.

— Танцевать? — Я запомнил его голос приглушенным, с московской интонацией растягивать слоги, и таким он и был, лишь повзрослевшим, более спокойным.

— Тебе нужно уйти. Я передам Грише, что больше ты на тренировках не появишься.

Юра покачал головой.

Когда я был в DL, мы почти не разговаривали наедине. Я не знал Юру как человека. Я знал, как он двигается, знал, какой его вес и с какой силой нужно подкидывать его вверх, но сейчас эта информация не могла мне помочь.

— Захуя? — просто спросил Юра.

Он с вызовом посмотрел на меня.

— Ты прикалываешься? — Меня почти трясло от злости. — Ты думаешь, я совсем тупой?

— Не знаю.

— Слушай, Юра. — Я подошел ближе. Я плохо помнил его внешний вид в точности, но что-то отличалось. Он был таким же низким, как в шестнадцать, его светлые волосы оставались такими же отросшими и мокрыми прядями прилипали к вискам. Юра мало изменился, но что-то, помимо взросления, появилось в его чертах. Я не понимал что. — Съеби. Реально. По-хорошему. Если у тебя какие-то вопросы ко мне, давай все обсудим. Не лезь к кроссам.

Юра моргнул. Казалось, он не представляет, что прямо в этот момент, просто стоя около меня, он разрушает все, что я выстраивал последний год — вокруг себя и внутри.

— Я не собираюсь ничего с тобой обсуждать.

— Тогда что ты тут забыл?

— Это ты, походу, надо мной прикалываешься. Ты думаешь, весь мир, что ли, вращается вокруг тебя? Если я решил тут танцевать, то, конечно же, из-за тебя?

— А что, нет?

— Много чести.

— Да ладно. — Моя рука автоматически сжалась в кулак. Драться я не любил, но мне ужасно хотелось набить ему морду. — Я пару месяцев назад выступаю с кроссами на чемпионате, и тут, именно в этот момент, появляешься ты. Не делай из меня идиота, я прекрасно...

— Знаешь, — он устало выдохнул, — ты, как и обычно, слишком много на себя берешь. Не думай, что я отчитываюсь перед тобой, но я просто переехал сюда. Переехал, прикинь? Бывает такое. И даже не для великого Никиты Аннинского.

— Ты не нужен тут в любом случае.

— Не слишком же ты любишь свою команду, — сказал он. С издевкой. С усмешкой. Заведомо понимая, что легко победит и что поймал меня на крючок.

— С чего бы?

— Ставишь какие-то там свои заморочки превыше командного успеха. Ну правда, кому ты пиздишь, Ник? Я не нужен? — Я вздрогнул от прозвища, и это привлекло его внимание, вспышка интереса загорелась в его полных напора глазах. — Мы же оба знаем, что все ровным счетом наоборот.

Это была единственная попытка разговора с ним. Потому что Юра был прав. И я отпустил его.

Юра пришел в нашу московскую команду поздно, в последние два года, мне было пятнадцать, а он, младше, скованнее, почти без опыта в современных танцах, уже тогда отличался поразительными физическими данными. Он ходил в балетную школу в детстве и на акробатику — в подростковом возрасте, и это сделало из него уникальность, ослепляющую, яркую, запоминающуюся деталь в нашем танце. Юра, легко обучаемый, талантливый, становился лучше и лучше прямо тогда, на моих глазах. Ему не хватало опыта, не хватало настроенности и музыкальности, но с его скоростью развития вкупе с нечеловеческой пластикой у него был потенциал превзойти меня и многих, кто побеждает и обучает его, за считанные годы.

Не взять такого танцора, как Юра, было бы глупостью.

И я ничего не смог сделать.

Он начал появляться на тренировках.

А я начал бояться лишнего вздоха и взгляда со стороны.

Первые три занятия я толком не смотрел в левый конец зала — туда, где он стоял. Я мало принимал участия в придумывании хореографии, не проявляя былой активности. Заходя, я заглядывал в глаза Полине, Ване, Грише и боялся, что увижу в них новую эмоцию по отношению ко мне — неприязнь или отвращение. Мне чудилось, что я приду, появлюсь в зале — а это уже случилось. Юра все рассказал. Они знают и не хотят меня видеть.

Ничего не происходило, а я вздрагивал каждый раз, когда слышал юрин голос. Я подходил ближе, пока он разговаривал с кем-то другим. Он в любой момент мог выдать мою тайну, и я выжидал. Я считал, что он подбирает идеальный момент, чтобы я был полностью повержен.

У меня появлялась куча теорий о причине его переезда. У меня даже были навязчивые мысли о том, что DL подослали его, что он все время тайно ненавидел меня, что это месть моего бывшего тренера.

Поначалу я просто оглядывался на занятиях, а потом стал с опаской ходить домой. Глупое ощущение, но мне казалось, что меня преследуют, что участники DL вот-вот окажутся за моей спиной. Я видел их лица в автобусе, путал с прохожими, нервно закрывал подъезд, спрашивал соседку о том, не был ли кто-то подозрительный на нашей лестничной клетке.

Бесконечная череда безумного поиска подвоха и ловушек тянулась почти весь сентябрь, пока, в конце концов, я на рассвете не нашел себя пьяным, грязным и промерзшим на скамейке около работы.

У нас была утренняя, и я поднялся, отряхнул сырую одежду и поехал в студию.

— Так и будешь молчать о том, что происходит? — спросил Ваня.

Он приехал на полчаса раньше. Мы курили во внутреннем дворе, я пил банку пива, чтобы опохмелиться.

— Перебрал.

Ваня кивнул.

— Когда, говоришь, ты в последний раз был трезвый?

Я хмыкнул. Он знал меня так, словно мы дружили вечность.

— Дня три назад.

Ваня потушил сигарету о кроссовок и зажег следующую. Курил он по полпачки в день.

— Ты вообще ходишь на пары?

— Был пару недель назад.

— Никитос, ну что за дела?

— Ну, на работу хожу. И тренировки. Как видишь.

Ваня положил руку на мое плечо. Влажная ткань толстовки прилипла к коже, и меня пронзила новая волна холода.

— Что не так с Юрай? — спросил он.

В желудке точно что-то завозилось, как если бы тугие нити его оплели.

— Мы были знакомы в Москве. — Я сжал челюсти. Банка пива тряслась в моей руке. — Он из DL team.

Ваня приподнял темные брови.

— Обалдеть, еще одна танцевальная легенда тут? — со смешком спросил он. — Ну? И что с того?

— Не знаю, зачем он приехал, — тихо сказал я. Меня обожгло жгучим стыдом. — Просто... DL... Все сложно. Все, что с ними связано, очень сложно.

— Брат, я понимаю. — Ваня вряд ли действительно понимал, но его слова помогли мне. — Но, по моим скромным наблюдениям, он ничего не делает. И если что, я и другие, сто процентов, будут на твоей стороне. Ты уже наш, Никитос.

— Я не хочу, чтобы он тренировался с нами.

— Как скажешь, — легко согласился Ваня. Я удивленно посмотрел на него. — Если он совершил хоть малейший промах, я поговорю с Гришей. И Юра будет исключен, я тебе гарантирую. Идет?

— Пообещай, что не поверишь ему, если он что-то расскажет про меня, — ответил я. Это было не совсем честно. Я не боялся, что Юра оклеветает меня. Я боялся, что он расскажет правду.

— Да мне это не особо интересно, Никит. То, что было в DL, осталось в DL. Я так считаю.

Когда мы вошли в студию, Юра, Гриша и Костя были внутри. Я обошел Костя, который отжимался в середине раздевалки и мешал нам пройти.

— Вообще, это вполне осуществимо, сейчас так-то только сезон начался, и детей туева куча, да и подростковые группы набираются нехило, — тараторил Гриша. Я прислушался к их с Юрай разговору. Юра сидел напротив и потягивал воду из трубочки. У него была какая-то модная бутылка. Кто вообще пьет воду из трубочки? — Тебя оторвут с руками и ногами, это хорошая идея, кстати, потому что у нас много никудышных тренеров, вот я Никите предлагал, он отказался. Не хочет, типа, на детские.

— Вот как. — Юра улыбнулся. — Ну, понятно. Так что, замолвишь за меня словечко? Может, мне какие-то награды, достижения тебе прислать?

Я закатил глаза.

— Да не, они и на словах поверят, я чисто видос твой покажу, давай, может, сегодня по быстрому снимем? Или можно то, что мы позавчера все вместе снимали?

— На твое усмотрение, — складно сказал Юра. — Передай им еще, что я на психфаке, все такое, можно доверить детей.

Я громко усмехнулся, и все разом обратили на меня внимание. В эту минуту в коридоре раздался голос Сони. Они с Полиной, видимо, ждали нас около зала.

— Что? — спросил Юра. Как только он оторвался от Гриши и посмотрел на меня, его взгляд охладел.

И тогда, несмотря на свой страх быть разоблаченным, я заметил, что Юра сам опасается меня.

Он внимательно наблюдал, пока я проходил мимо. Он возводил стену, как только наши взгляды пересекались. Его голубые глаза становились почти серыми, неживыми. Челюсть напрягалась.

С кроссами Юра вел себя по-приятельски. Вся напускная бравада появлялась, когда я возникал в его поле зрения.

Это стало для меня радостным открытием.

— Ничего, — ответил я.

В тот день вместо того, чтобы отводить взгляд, я наблюдал за ним всю тренировку.

Он занимался в толстовке, лишь закатал рукава. На его шее виднелись синие тейпы.

Мы выучили новый, придуманный Гришой кусок. Глеб опоздал, но быстро влился.

Юра был практически идеален в исполнении и запоминании хореографий. Его недоработанная техника улучшилась за эти два года, стала не хуже, чем у меня и у Глеба. В конце, когда мы импровизировали под

недоделанный кусок трека, чтобы найти новые решения и идеи, я пристально наблюдал за Юрой в зеркале.

Он был заточен под московский формат команды. Юра, в отличие от меня, еще не привык к кроссам, и его заметно поражало то, как никудышно они разминаются и в каком хаосе придумывают материал. Однажды даже произошел забавный инцидент, когда, отрабатывая хореографию, все резко сбились, Гриша выключил музыку, и я заметил, как руки Юры тянутся к земле — это было мимолетное движение, но я разгадал его тут же, потому что в DL в случае такого недочета мы все дружно отжимались определенное количество раз, чтобы запомнить, чем грозит подобная халатность в танце. Юра быстро приподнялся, осознав, что кроссы таким не занимаются, никаких наказаний у них нет, да и дисциплины тоже.

Я постепенно успокаивался. Я замечал его дискомфорт, сбивчивость и удивление, и это дарило мне удовлетворение, я убеждался в том, что он не просто хочет втереться в доверие к кроссам из-за меня, а действительно старается стать частью команды.

Прошла еще неделя, прежде чем после тренировки я подошел к нему.

Юра выходил из зала последним и остановился, когда я встретил его в дверном проеме.

— Твое плечо, — сказал я.

Это могло бы быть незаметно с кем-либо другим. Если бы я не тренировался с ним раньше. Если бы его данные не были такими безупречными. Если бы он не вкладывал всю силу каждый раз, словно все еще опасаясь наказания за недостаточное количество мощи в движениях.

Его правое плечо было менее подвижным, чем остальные части тела. На нем не было тейпа, но Юра иногда растирал его и в партере при нагрузке на него болезненно морщился.

— Опять в чем-то меня подозреваешь?

— Да нет. Просто интересно. Что за травма?

Юра машинально почесал больное плечо через футболку.

— Упал.

Я улыбнулся — почти счастливо, с наслаждением.

— Они тебя что, не поймали?

Так радоваться его травме было неправильно, но мысль о том, что DL не поймали его, тешила мое самолюбие.

Так получилось, что когда Юра прыгал, я в большинстве случаев был в его поддержке. Я хорошо умел концентрировать внимание в танце, рассчитывать силу и скорость.

Немое сообщение крылось в моем вопросе, и по юриным глазам я видел, что он его считал.

Они не поймали тебя. DL team тебя не поймали.

А я бы поймал.

— Я упал не на тренировке. Это, к твоему сведению, никак не связано с танцами. Не нужно так сильно обольщаться, меня тошнит от твоей довольной рожи.

— Тогда как ты упал?

— Поскользнулся, блять.

— Да-да, конечно.

— Конечно! — Юра огрызнулся и оттолкнул мою руку, чтобы пройти.

— Чего ты ко мне привязался вообще?

Я пропустил его.

Своими расспросами я не пытался выжить его из команды, уже нет. Я начал догадываться, что дело и правда не во мне, в DL что-то случилось, что-то, что заставило такого сильного игрока, как Юру, покинуть ее.

Постепенно мой интерес перебарывал страх. Месяц паранойи заканчивался: сначала я перестал судорожно проверять, закрыты ли мои окна и не ждет ли меня кто-то у подъезда, а потом расслабился, приходя на тренировки. Без моих опасений наши занятия с появлением Юры заметно улучшились. Теперь на разминках задерживались не только мы с Костей, скорость усваивания хореографий сильноросла, и возможности тела Юры позволяли мне и Грише придумывать ему более сложные элементы. Юра также стал напарником Кости в партере. В детстве школу брейк-данса он, как Костя, не проходил, но за счет пластики и акробатического прошлого получалось вполне на хорошем уровне.

Костя неожиданно стал по-приятельски относиться к Юре. Он ни с кем из нас, кроме Гриши, особо не общался, но появлению Юры на тренировках заметно радовался, активно его приветствуя и проявляя желание отрабатывать с ним куски хореографий. Вероятно, в Юре было то, что так сильно откликалось Косте, — сумасшедшее трудолюбие. Секрет юриного исполнения заключался не только в неумолимом таланте, но и в том, что он не уходил из зала, пока танцевальный элемент не получался у него идеально — так его воспитали в нашей московской команде.

Из-за того, что Юра пришел к нам поздно и отставал по технике, тренер гонял его сильнее, чем меня когда-либо, оставлял на дополнительные тренировки, и случалось много раз, когда мы синхронно отжимались только из-за ошибок Юры. Никто его в этом не винил, но сейчас, смотря на его сосредоточенность и усердие на тренировках, я видел, что те уроки отпечатались у него в голове навсегда.

Мы все полностью ушли в танцы. Даже Ваня стал пропускать учебу и заинтересовался тренировками больше, чем раньше. Близились ноябрьские соревнования, на которых нам нужно было выложиться на полную, чтобы попасть на зимние сборы. Без зимнего лагеря у нас нет шансов победить DL на чемпионате — в лагере танец кипел так, как нигде, я знал это наверняка.

Кроссы были настроены серьезно. Вера, которой им не хватало все это время, которую воскресили в них мои слова и появление Юры, двигала их вперед с такой скоростью, что я лишь отдавался безудержному течению их танца: казалось, словно внутри нас открывается что-то невероятное, что-то неповторимое.

— У меня такое ощущение, как будто раньше я совсем не танцевала, — после одной из тренировок сказала мне Полина. Она сформулировала то, что вертелось у меня на языке. — Вот это настоящий танец. Понимаешь?

— Абсолютно.

— Это меня даже пугает.

— А мне нравится.

Полина улыбнулась и заправила прядь непослушных волос за ухо, в ее улыбке было что-то обреченное, извиняющееся.

Я тренировался каждый день.

С кроссами у нас были занятия три раза в неделю, еще два — я снимал зал с Гришой и иногда с Костей, остальные — импровизировал и придумывал новые решения самостоятельно.

С Гришой наш тандем становился лучше, и я тогда совсем не замечал, как постепенно подстраиваю его движения, хореографии и идеи под свое видение, как шаг за шагом прогибаю его стиль танца так, как хочу.

Дело в том, что в этом не было ничего плохого. Просто я, как никто другой, знал, как победить DL. И я, наверное, больше всех к этому стремился, страстно, обсессивно этого желал.

У меня в голове появилась небольшая формула о том, как сделать танец таким, чтобы раскрыть потенциал каждого из кроссов.

— Смотри, — рассказывал я Грише. — В начале мы делаем очень энергичную часть. Цепляем внимание. Выводим вперед Соню, тебя и Полину. Полина по центру. Это отлично. Вот здесь слышишь затяжку? Это как раз момент для перехода. Пока мы будем переходить, на затяжке двое из ребят сделают партерную часть. Я напишу Косте, сочиним, что сюда подойдет. По построению логично ее сделать с Ваней, но, если что, подключим Юру.

Я спал на диване между тренировками, делал домашку по языкам, сидя на входе в зал, часами на работе пересматривал видео с последних чемпионатов, на парах в тетради рисовал варианты нашего построения.

Однако, как и в любом коллективе, не все в кроссах зависело от технической составляющей. Отношения между участниками важны, и тогда, полностью ударившийся в совершенствование танца, я это совсем не учел.

Разумеется, первый человек, с которым все пошло не так, был Глеб.

Близился конец октября, он ходил без настроения, с рассеченной губой и синяком на скуле. Соня рассказала, что из-за его пирсинга и сережки кто-то в университете наехал на него, и Глеб не особо удачно подрался.

— Я, кстати, не понял, у нас с DL team типа какая-то программа обмена, о которой я не знал? — сказал он в раздевалке, после тренировки.

Я остановился. Моя ладонь сжалась на лямке рюкзака. Краем глаза я наблюдал за тем, как Юра невозмутимо взглянул на него, завязывая кроссовки.

— Если ты хочешь меня о чем-то спросить, — ответил Юра, — задай вопрос по-человечески.

Помимо нас, в раздевалке остался Ваня, но он что-то сосредоточенно смотрел в телефоне.

Я думал, что уже успокоился по поводу прихода Юры и DL, но внезапно мое сердце часто забилось.

— А ты типа не из DL team?

— Из DL.

— Как и Никита.

— Ага.

— И?

— Что?

— Почему вы ушли?

— Ну, видимо, захотели.

— Ты хуле выделываешься? — Глеб заметно злился. — Захотели уйти из DL team. Ты можешь такие сказки Грише рассказывать. Со мной не прокатит.

— Ого, какой ты грозный и опасный.

— Я, собственно, так и знал.

— Ты хочешь, чтобы я спросил, чего ты там знал?

— Я знал, что этот, — Глеб резко показал пальцем на меня, и мне пришлось полностью повернуться, хотя я не хотел участвовать в их разговоре, — пришел неспроста.

— Ты что, местный Шерлок Холмс? — спросил Юра. Я усмехнулся.

— Сначала он, — продолжал Глеб, — потом ты. Остальные пускай радостно прыгают вокруг вас, но все закончится, когда они узнают правду.

— И в чем же правда?

— Это ты мне скажи. Я видел, как он трясся на чемпионате из-за DL team, и я видел...

Юра рассмеялся. Глеб замер. Его лицо приобрело гневное, загнанное выражение.

— Чего смешного?

— Забавный ты, Глеб. Сначала говоришь, что знаешь всю правду, а потом просишь меня рассказать про Никиту? Прям почти обвел меня вокруг пальца своей хитростью.

— Сейчас я не знаю наверняка. Но я сразу почувствовал подвох, и твое появление только...

— Так ты Шерлок или ясновидящий? Давай договоримся, Глеб, ну, когда узнаешь, в чем мой тайный план, тогда и выясним отношения. Сейчас-то чего?

Груз, который я не замечал, но который висел на мне все два месяца, разом свалился. Я осознал, что Юра не собирается ничего им выдавать. Даже при прямом вопросе, даже при идеальной возможности публично унизить меня, он не воспользовался этим шансом.

В тот день мы вместе с Полиной, Ваней и Юрой вместе дошли до остановки. Полина и Ваня уехали. Мы остались вдвоем. Я чувствовал себя обязанным прокомментировать их разговор с Глебом, но Юра как будто не нуждался в этом, и мы активно обсуждали хореографию.

— Этот кусок трека Гриша говорит убрать, — сказал я. — Там прям динамика начинается, а у нас ускорение буквально в прошлой части было, так что он хочет вырезать и сразу сделать переход к следующему, я вот думаю насчет перехода...

— По-моему, это самый крутой кусок трека, — ответил Юра.

Я оторвался от телефона и посмотрел на него. Он расслабленно взглядывался в номера проезжающих автобусов.

Что-то зажглось внутри меня.

Я тоже так считал. Я тоже считал, что он самый крутой.

Я не стал спорить с Гришей, потому что большинство кроссов встали на его сторону. Но я тоже безумно хотел потанцевать под эту музыкальную часть. Гриша считал ее рисковой и был прав. Часть быстрая, сложная — в случае малейшего промаха или рассинхрона пропадет весь эффект.

Я желал попробовать. И я точно понимал, кто способен взять эту скорость и сложную лексику, на ком можно построить, примерить и оценить эту хореографию.

— Не хочешь снять зал? — спросил я.

Юра удивленно выдохнул.

— Давай, — ответил он.

Мы легко сработались.

У Юры была одна слабая сторона — он отвратительно сочинял материал. Он хорошо импровизировал, но по какой-то невероятной причине придумывать хореографии было для него непосильно. Я взял на вооружение и воспользовался этой особенностью, повернув ее в свою пользу. Юра не пытался спорить со мной, не настаивал на своих идеях. В ту тренировку он сделал то, что было мне нужно, — идеально исполнил мою идею и добавил несколько движений от себя.

Гриша с позитивом отнесся к нашим изменениям. Кусок был удачный. Юра обучил остальных кроссов, и эта часть, хотя и требовала много чисток и времени, стала одним из самых сильных моментов нашего танца.

Пока коммуникация с Юрой улучшалась, с Глебом наши взаимоотношения становились хуже и хуже. Как бы меня ни уважали в команде, Глеб, пусть и был нелюдимым, тренировался с кроссами много лет, и я не мог иметь открытых конфликтов и пытался примириться с ним.

— Это тупо, — сказал он мне, когда я показывал движение. Я выдохнул. — Давай сделаем что-то другое.

Он специально раздражал меня. Может, таким образом пытался вывести на эмоции, может, спровоцировать.

— С ним часто бывает сложно, — сказала Полина, пока мы прогуливались по мосту над рекой. — Но, вообще, он хороший. Просто как-то так получается, что все негативные стороны он всегда выставляет напоказ.

— Агрессию?

— Зависть.

— Он мне завидует?

— У меня такое впечатление, что он завидует каждому из нас. Но с тобой у него прям особенно это. Знаешь, он талантливый танцор. Очень способный.

— Я это понимаю.

— После одиннадцатого класса он хотел переехать в Москву. Это была его мечта, цель — влиться в московскую танцевальную тусовку. Понимаешь, в чем дело?

— Бля...

— Ага. Но в вуз он не поступил, денег ему не дали. Мне кажется, в этом весь корень проблемы. Ты... Да и Юра. Вы добровольно ушли оттуда, куда он стремился всю свою жизнь.

Я многое осознал, но меня, несмотря на это, мало волновали проблемы Глеба. Мне было нужно, чтобы он выполнял то, что я ему поручал, чтобы он не выбивался из общей картины.

Все разговоры с ним заканчивались ничем. Я переживал, что это скажется на соревнованиях и выльется в череду ошибок — то, что произошло с нами в прошлом сезоне.

Сейчас, вспоминая тот период, я понимаю, что все остальные сферы моей жизни катились в никуда, но тогда я в упор не замечал этого. Все, что меня волновало, было связано с победой, с зимними сборными, с созданием хореографии.

На учебе я появлялся мало, испанский сильно запустил. Даже если и приходил на пары, я не мог сконцентрироваться. Все чаще я просыпался помятым с похмелья либо пьяным, все меньше созванивался с родителями и хуже общался с клиентами на работе.

В то время маму первый раз положили в больницу. У нее было воспаление легких. Я приехал в Москву едва стоящим на ногах. Всю дорогу я был на телефоне с Ваней, он винил меня за то, что я не позвал его с собой, и мы говорили про танцы, чтобы я отвлекся и не уснул. Перед входом в метро я блеванул в урну, купил минералки и кое-как добрался до больницы.

Меня стошило там еще раз. Я лежал в туалете, пока отец не постучался и не спросил, почему я так долго. Должно быть, он заметил, в каком я состоянии, но ничего не прокомментировал.

Мы, вообще, не разговаривали. Он сидел рядом со мной и что-то записывал в свой ежедневник. Я ужасно хотел домой, хотел в танцевальный зал или просто в свою квартиру. Отец спросил, переживаю ли я за маму. Я кивнул, но совсем не переживал — меня так мучило, так тошило и болела голова, что я не мог думать ни о чем другом.

Я навестил маму, и она поблагодарила меня за приезд. Я чувствовал, как стыд покраснениями на коже охватывает мои щеки, шею и плечи.

Мое тело тоже не выдерживало. Я мало спал, часто блевал и безудержно тренировался. Я видел, что у всех кроссов проблема с этим — под конец октября мы занимались по пять-шесть часов. У меня забивались мышцы, я растянул шею, и мои колени не выдерживали нагрузки. Я фиксировал их наколенниками и пытался разминать, но в конце одного из занятий мое правое колено устало так сильно, что резко, прямо во время танца, подогнулось, и я завалился, не в силах напрячь ногу.

Ныли суставы запястий, поясница, голеностопы.

На одной из тренировок Соня полностью содрала себе ноготь, Ваня почти падал после отработок, не справляясь с нагрузками, Костя повредил себе локоть из-за неудачно выполненного элемента. Юра не жаловался и всегда делал все, как следует, но из-за нескольких акробатических элементов в номере с его участием его шея, несмотря на вечные тейпы, постоянно болела, и в какой-то момент он не смог ей двигать несколько дней после резкого поворота головы.

Мы, хотя и были преисполнены энтузиазмом, сильно уставали, и Гриша даже отменил пару тренировок, чтобы дать нам восстановиться.

Мы уже доделывали номер, оставалось всего несколько восьмерок, когда Юра снова поразил меня. Впервые за все это время он отказался делать то, что я придумал.

— Я не прыгаю, — сказал Юра.

Я нахмурился. Не сразу понял, что он имеет в виду.

— Так мы тебя подбросим, — ответил я. — Тут круто подходит это по музыке. Как раз ты встанешь в первую линию и...

— Нет, не надо меня подбрасывать.

— Чего? Почему?

Я не докапывался до кроссов по пустякам. Я настаивал на своей идее в тех случаях, когда знал, что я придумал идеально. И юрин прыжок был важной частью. Я знал, как он прыгает, и отлично все рассчитал.

— Потому что я больше не прыгаю.

Я открыл рот и тупо уставился на него.

Его прыжки были не просто элементом, не просто необычной фишкой. Юра не прыгал — он парил, продолжая танец в воздухе, танец, где существовал лишь он один, в котором у него не было конкурентов. Юра умел задерживаться в высоте, делать это, приобретая практически невозможную телесную форму, побеждая гравитационную тяжесть.

— Ладно, давай просто попробуем.

— Нет, Ник, я не буду пробовать, я же сказал.

— Да что случилось?

— Ничего, я просто не хочу, давай что-то другое.

— Они что, реально тебя не поймали?

— Я уже ответил на этот вопрос.

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем. Давай я сделаю что-то другое. Окей?

Он был непреклонен, сколько бы я ни уговаривал, и нам пришлось заменить элемент.

Я не понимал, что с ним случилось, не понимал, как найти к нему подход. Я, вообще, мало его понимал. И мало пытался.

Наша хореография получилась лучше, чем предыдущая. Динамичная, аутентичная, яркая, она была сложна в отработке и чистке, и нам требовалось много усилий и времени, чтобы довести ее до идеала, когда мы сами находились на пределе. Мы стали больше спорить на тренировках, Полина и Глеб то и дело отлынивали.

Соня решила привести нас в чувства и поднять настроение.

— Я тут подумала, что если у DL есть типа свой мерч, то чем мы хуже с вами, а? У нас и название круче, и участники, ну, честно сказать, намного симпатичнее.

— Мы их и так обокрали по участникам, — усмехнувшись, сказал Ваня.

— Они реально в дураках. — Соня кивнула. — Даже жалко ребят. У вас там, кстати, есть друзья?

В моем горле пересохло. Я вспомнил про Славу Гуреева, про то, как много времени мы провели вместе, про то, сколько моментов разделили, и про то, как легко он отказался от меня.

— У меня нет, — ответил я. Я чувствовал на себе внимательный взгляд Глеба, но не реагировал.

— Ну так, приятели, — сказал Юра. — Вообще, там состав немного поменялся.

Я заинтересованно повернулся к нему. Еще на прошлом чемпионате я заметил новые лица и отсутствие девушек.

— Да мы видим, — с усмешкой сказала Соня.

— Странно, что убрали Вику, — отметил я. — Она же крутая.

— Она сейчас в другой команде, — ответил Юра. — Лопахин немного изменил тактику после твоего ухода и появления Марка. Там и раньше была иерархия, а теперь подавно. Он ужесточил наказания, умерил пыл Славы и исключил девочек.

— И тебя? — резко, будто боясь не успеть задать вопрос, спросил Глеб.

— Нет, не расстраивайся сильно, но меня никто не исключал, я просто переехал.

— А что за Марк? — спросил я.

— Не очень приятный чувак, — ответил Юра. По тому, как его взгляд остановился на одной точке, я догадался, что это далеко не вся информация про этого Марка. — Я думаю, мы с ним встретимся в зимнем лагере.

Я кивнул. Юра так легко сказал это, словно была гарантия в том, что мы туда попадем. Я внезапно на пару секунд почувствовал себя так, точно я снова в DL, что зимняя танцевальная неделя — это обязательное событие в моей жизни.

— Так что за мерч? — спросил Ваня.

Соня сделала нам собственные худи. Они были нежно-салатового цвета, мягкие, с большими карманами и вышивкой кроссовка на спине. Толстовка мне понравилась. В DL у нас никогда не было такого светлого цвета.

Я проникался кроссами. Я любил болтать с Соней, общаться с Ваней, придумывать хореографии с Гришой и Костей. Также я испытывал сложные эмоции каждый раз, когда появлялась Полина, когда она разговаривала со мной или касалась меня. Однако, кроме того инцидента в кино, между нами ничего не было. Полина, эмоционально закрытая, не допускала ничего, кроме долгих, интригующих прогулок.

Я проникался кроссами, но знал о них ничтожно мало. Все, чем мы занимались, было связано с танцами. Особенно в последнее время, занятые хореографией, мы встречались только в зале. Поэтому, когда Соня объявила, что у нее день рождения и она зовет нас всех на дачу на несколько дней, я впал в ступор. Я ужасно волновался по этому поводу. Я никогда не оставался с ними надолго, никогда не разговаривал с кем-то больше часа, кроме Вани и Полины, о чем-либо, кроме танцев. Хотя я знал, что многие из них дружили между собой, я догадывался, что эта поездка станет тяжелой для меня. У меня все еще оставались натянутые отношения с Юрай и негласная борьба с Глебом.

Я, конечно, не отказал Соне.

Оставалось две недели до ноябрьских соревнований, когда я собрал рюкзак для поездки на ее дачу.

За мной приехал Ваня. Он одолжил машину у отца. Рядом на переднем уже сидела Полина, и я завалился назад.

Они что-то обсуждали, но я, нервно стуча пальцами по ручке двери в такт тихой музыке из динамика, не стремился присоединиться к разговору.

Ваня открыл окно и закурил.

5 глава

В тот день на даче наши отношения с Полиной изменились навсегда.

Все кроссы играли в карты, когда мы с Ваней вышли на террасу. Он скрутил косяк. Я отказался. Меня преследовало тревожное ощущение, ничем не объяснимое, но словно склоняющее к земле.

Солнце светило в глаза, я стоял в одной толстовке, несмотря на сырой, влажный воздух. Воздуха здесь было много, он был более насыщенный, чем в городе, у меня пульсировала голова. Пахло листвой, тянулся мягкий, едва ощутимый запах яблони на участке.

Мы прошли немного вперед. Мои кроссовки уже немного загрязнились, участок был заросший, и трава хваталась за мои ступни, будто пытаясь остановить. У соседей звонко залаяла собака, послышались голоса детей.

Пиво согрелось в моей руке, банка была уже теплая, я старался пить потихоньку.

Ваня курил в тишине, и я боялся нарушить ее. Мои глотки были громкие, я весь был неподходящий, выбивающийся из атмосферы умиротворения и веселья. Везде, кроме зала, я чувствовал себя приделанным к кроссам, приклеенным куском, насильно оторванным от места, которому принадлежал всю свою жизнь.

Я задумался о том, испытывает ли Юра то же самое. Со стороны казалось, что ему комфортно с кроссами: он подружился с Костей, Гришей. Вместе с этим, я догадывался, что внутри Юра, как и я, не мог не чувствовать несоответствие.

— Ты из-за чего так запарился? — спросил Ваня. Я открыл рот, чтобы с ним поделиться, но наткнулся на его затуманенный взгляд и промолчал. — Может, расскажешь о себе?

Я усмехнулся и почесал запястья. Они загорелись под толстовкой и, закатав рукава, я заметил, что расчесал до крови.

— Ты же и так много знаешь.

— Абсолютно нет. — Он заторможенно помотал головой. — У меня два брата и сестра.

— Я рад, Вань.

— А у тебя?

— Я единственный ребенок.

— Ого, как круто.

Я рассмеялся, хотя в моем горле появился ком.

— Почему?

— Ну, все бабло на тебя уходит, — ответил Ваня. Скрутил новый косяк. За забором пробежали дети, их голоса и шаги раздались эхом. — У нас-то распределение.

— Да ладно, какие деньги. Это у тебя там армянская диаспора, а у меня все попроще.

— Да какая диаспора, ты что, шутишь, что ли? Ты, вообще-то, из Москвы!

— Ну... — Я задумался, вспомнив о том, сколько денег отец в свое время отдавал на мои танцы, на школу английского. В детстве он хотел, чтобы я вырос успешным и разносторонним. Я не винил его в том, что потом ему стало плевать, что он ударился в работу, начал приходить с любовницами и перестал устраивать нам семейные ужины. — Может, и правда. Но тебе ведь учебу оплатили, нет?

Я сказал это без задней мысли, но Ваня как-то загрузился. Он упоминал, что сдал экзамены очень плохо и едва перешел порог. Я считал его поразительно умным, и низкие баллы никак не влияли на мое мнение о нем.

— Я вот думаю, что учеба должна быть бесплатной, — ответил Ваня.
— Наш уровень образования не соответствует заявленным суммам. Средняя зарплата по России не больше двадцати пяти тысяч рублей. Люди экономят на базовых вещах, людей подсаживают на кредиты... Да-да, подсаживают. А им выгодно подсаживать. Сейчас какая ставка по кредитам? Что-то я не видел, чтобы...

Дверь со свистом отворилась и ударила о деревянную стену. В наш спокойный, размеренный момент ворвались громкие голоса Гриши и Сони. Я услышал также, что о чем-то спорит Глеб.

На пороге стояла Полина. На ней была короткая черно-белая куртка и джинсы. Мой взгляд упал на язычок ее змейки, приоткрывающей шею.

Она предложила прогуляться до озера. Соня рассказала, что там красиво, но пока они напились, идти туда никто не собирался. Ваня тоже отказался от этой затеи, но я, конечно, пошел за Полиной, ведомый, слепо следующий за ее внезапными иррациональными порывами.

— Тебе здесь нравится? — спросила она, пока мы проходили через поле.

Мы шли друг за другом, по примятой дорожке травы, она хрустела под нашими кроссовками. Было, правда, красиво, — деревья красно-оранжевыми красками пылали вокруг нас — но я смотрел на ее макушку и копну спутанных волос.

— Да, у Сони прикольная дача.

— Да нет, Никита, — на выдохе сказала Полина. Она ускорилась, я болезненно почувствовал, как она отдаляется от меня, и рванул за ней. — Здесь, в поле.

— В поле...

— Ага.

— Да нормально.

Полина звонко, долго смеялась. Ее смех бился у меня в ушах, я стоял, как вкопанный, вперившись в нее взглядом, не двигался, не смеялся тоже, я вовсе не понимал, почему она смеется, но она смеялась, смеялась, ее смех разносился по полю, и этот миг был бесконечный, и я подумал о том, как мне повезло, что она смеется прямо здесь, рядом со мной.

— Нормально? — с ухмылкой спросила она. — Знаешь, а мне здесь очень хорошо. Я как будто создана, чтобы просто быть здесь. На поле или в лесу.

— Да?

— Чего ты, подтруниваешь надо мной?

— Совсем нет.

— Когда мы с тобой гуляли по набережной... помнишь? — Я помнил все разы, когда мы гуляли по набережной, но не догадывался, какой из них

она имеет в виду. — Я себе места не находила. Как-то вот было не то. И ведь сейчас все, как тогда, да? Ты и я. Мы идем, идем, о чем-то разговариваем. Но ощущения совсем другие. Потому что мы в поле. Это удивительно.

— Ты думаешь, дело в этом?

— Конечно.

Я нахмурился.

— Знаешь, Полин...

Я не помню, о чём хотел ее спросить. Мой тон голоса был серьезный, и Полина почувствовала это.

Возможно, я хотел что-то прояснить. Поговорить о чём-то более существенном.

Я ждал от неё ответов, ждал конкретики, но все, что она делала, — это оплетала меня словами. Я терялся в её личности, в иллюзорных речах, и тогда я не догадывался о том, что она не способна дать мне ничего другого.

— Не, не, Никит, не на поле. — Она перебила меня. Повернувшись через плечо, Полина улыбнулась. Уголок моей губы невольно дернулся в ответ.

А потом она сорвалась и побежала.

Я испугался и вытянул руку, чтобы схватить её за плечо, но она только смеялась и бежала вперед, мои пальцы успели лишь дотронуться до холодной ткани её куртки, и тогда я побежал за ней.

Я был измотанным, мои колени ныли после тренировок, и я не хотел бежать, мне не было весело, пока она игралась со мной, но я почему-то, не в силах плюнуть и оставить её, продолжал преследовать, не смея отстать, не позволяя ей пропасть. Я чувствовал, что в этих нескольких минутах, пока мы не остановились у озера, крылся, на самом деле, весь спектр наших взаимоотношений, — я вечно, уставший, ничего не понимающий, бежал за ней, а она пропадала в гуще травы, в тени деревьев — и она показывала мне это, в тот самый миг она показывала, что происходит между нами, она неосознанно отвечала на так и не заданный мной вопрос, и я, наверное, даже осознавал это, но все равно бежал, бежал и бежал.

Полина сняла кроссовки, закатала джинсы и поспешила к воде. Я стоял, не двигаясь, не приближаясь к озеру, мне было холодно от одного взгляда на нее, но Полина выглядела счастливой, как никогда на моей памяти. Ее глаза горели, волосы разевались, ветер забирался под куртку, шумел, гоняя листву. Полина двигалась грациозно, как в танце, солнце садилось и отражалось красной рябью, тянущейся к ее ногам. На озере были маленькие волны, вдалеке слышались голоса людей с деревянной лодки.

Я запихнул руки в карманы и пожалел о том, что не курю на постоянной основе, как Ваня, сейчас был отличный момент, чтобы загадочно пускать дым.

Полина была увлечена озером, рассматривала кувшинки, и я мог бы попросить у нее сигарету, но мое жалкое желание кинематографично покурить ее бы отвлекло. Когда Полина чем-то заинтересовалась, как, например, в те мгновения, когда она растворялась в хореографии, все внимание ускользало к ней — и сейчас она просто ходила по воде, а я не мог оторвать от нее взгляда.

Растерянный и зачарованный, я не сразу понял, что что-то не так. Полина снова побежала по берегу, а потом остановилась и содрогнулась. Я заметил, что Полина не двигается с места, и она согнулась от боли.

Я понесся к ней. Она держала левую ногу на весу, из ступни лилась кровь.

Мое дыхание перехватило, я испугался за нее. Я аккуратно взял ее ногу под коленом, чтобы взглянуть, и все выглядело неутешительно — из ее кожи торчали осколки. Она не мычала, не жаловалась, только быстро, судорожно дышала.

— Так... — Я пытался придумать, что мне надо сделать, но только водил головой и смотрел на ее кровоточащую ногу. — Так, спокойно...

— Никит, мне просто нужно обратно, — сквозь зубы сказала она.

Я кивнул и подхватил ее на руки.

Ее ладонь сжала мое плечо.

Я взял ее кроссовки, быстро пронес ее через поле.

Ее ногти ощутимо впивались даже через плотную ткань толстовки, она громко, с надрывами дышала рядом с моей шеей. Этот был самый близкий

момент между нами, она никогда до этого не касалась меня так, не брала крепко, а я никогда не чувствовал ее вес, не слышал, как она размыкает губы и сжимает челюсти. Однако в тот момент я не слишком думал об этом. Мысль о том, что я прижимаю ее к себе, промелькнула и испарилась в голове. Ей было больно, и я хотел побыстрее донести ее обратно.

— Эй, ребят! — позвал я, когда толкнул коленом входную дверь и забежал внутрь. — Соня, есть аптечка?

Они расположились в небольшой гостиной за круглым столом. Сидячих мест было не так много, Ваня и Гриша лежали на полу. Но как только я закричал, все вскочили.

— У меня тут ничего нет, мы сюда особо не ездим, — ответила Соня.
— Что случилось?

Полина сказала, что все нормально, я выругался.

Я нервно пытался сформулировать, что произошло, когда на мой локоть отрезвляюще легли прохладные пальцы. Я повернулся.

— Просто положи ее на диван, — сказал Юра.

Я был дезориентирован, поэтому и не подумал спорить или уточнять. Его пальцы сжались на моем локте, он потянул, чтобы отвести меня подальше, когда я выполнил его просьбу.

Юра достал рюкзак и сел на корточки рядом с Полиной. Во всех его действиях не было колебаний или суеты.

— Ничего страшного, — спокойно сказал он Полине. — Такое бывает, не волнуйся.

В его рюкзаке оказалось буквально все.

Я устало опустился на кресло рядом.

Юра закатал рукава, не спеша, обработал свои руки и ее ступню.

— Будет немного неприятно, извини, — сказал Юра. Он протер пинцет и чуть склонился, чтобы подцепить первый осколок.

— Да я нормально, — ответила Полина.

Юра кивнул. Он обхватил ее ступню с внешней стороны, фиксируя четко, уверенно, и принялся методично вынимать осколки.

Кроссы не ожидали, что Юра так легко начнет это делать, поэтому никто не предложил помочь. Мы бы стали только мешаться, и все вслед за мной сели обратно, тихо переговариваясь, осторожно, обеспокоенно наблюдая.

При особенно большом осколке нога Полины невольно дернулась, но Юра сжал ее левой рукой, удерживая, и когда она снова замерла, продолжил. Пока я нес Полину, мое сердце билось, как сумасшедшее, но у Юры не дрожали даже пальцы. Он долго сидел на корточках, но его спина была идеально прямая.

Когда с осколками было покончено, Соня подняла салфетку, куда Юра их складывал, и ушла, чтобы выбросить.

Юра снова обработал ступню. На тот момент нога Полины уже была расслаблена. Самая тяжелая часть закончилась, наверное, только щипало кожу. Юра перебинтовал рану. Его пальцы двигались легко и быстро, я заметил, что мизинец на левой, наверняка когда-то сломанный, кренится чуть в сторону.

Юра осторожно положил ее ногу на диван. Полина поблагодарила его. С кроссов спало напряжение. Они вернулись к прежнему разговору, и Полина даже, отойдя от шока, подключилась к обсуждению. Кроссы разговаривали о двух питерских командах, которые были для нас сильными соперниками на предстоящем соревновании. Кроссы больше, скорее, обменивались сплетнями и мыслями, чем что-то анализировали. Я с этими двумя командами был хорошо знаком, мы пересекались в зимнем лагере и вместе тренировали импровизацию в свободное время, поэтому я мог бы запросто присоединиться к разговору, но произошедшее как-то не отпускало меня.

И когда через час Юра вышел, чтобы покурить, меня потянуло за ним.

Он сидел на ступеньке дома. Уже стемнело, освещения на участке не было, и я видел лишь его силуэт. Я опустился рядом и стрельнул у него сигарету. Курил он красные, самые крепкие, и потом их вид еще долго напоминал мне ту ночь на даче.

— У тебя прям фармацевтическая компания под рукой, — сказал я.

Юра натянул рукава толстовки. Было уже прохладно. Я заметил, что лишь мы с ним вдвоем поехали в наших салатовых, с названием команды.

— Может, хватит меня во всем подозревать? — сказал он. Это прозвучало не гневно, а устало. — Что бы я ни сделал, ты пытаешься докопаться.

Меня укололо виной. Я не очень понимал, насколько правдивы его слова. Но что я точно знал — я действительно стремился его разгадать, разложить на составляющие, как всех, догадаться, что с ним случилось. Я ожидал, что Юра не даст мне нормально существовать в команде, но получилось так, что он не делал ничего уже больше двух месяцев, а я хватался за каждое его движение в стремлении заглянуть сквозь стену, которую он выстроил вокруг себя.

— Я не докапываюсь, — ответил я после неловкой паузы. — Это... Я, наоборот, рад, что ты помог Полине. Спасибо.

— Не стоит.

— Просто у тебя так все получилось, я и подумал, откуда ты так умеешь.

— И, разумеется, ты все попытался свести к тому, что у меня больное плечо, и вышел, чтобы торжественно объявить о своих догадках в очередной раз.

— Что? Нет! Я даже не подумал как-то связывать... Меня просто удивило это, вот и все.

Юра посмотрел на меня. Я постепенно привыкал к темноте, и теперь мог хорошо его разглядеть.

Меня удивило, насколько был невозмутим его взгляд, и из-за этого я вспомнил его, вспомнил то, что потеряли годы.

Юра, которого я знал в DL team, был спокоен во всем. Он мог защищаться и огрызаться, когда кто-то лез к нему, мог становиться агрессивным в танце, но Юра никогда не злился, если у него не получались элементы, методично повторяя одно действие за другим; он сосредоточенно, не отвлекаясь и не делая лишних движений, изучал материал и подготавливал к тренировке мышцы.

— У меня были курсы при школе, на которые я записался, — внезапно сказал он. Я уже не ждал ответа, сигарета почти дотлела, и я думал, что он

вот-вот поднимется и уйдет. — Там учили оказывать всякую медицинскую помощь.

— Ого, это полезно.

— Да, мне нравилось. Я хотел пойти в мед. Мне кажется, у меня бы хорошо получилось быть врачом.

— Сейчас ты так мигом сориентировался, как будто уже заключил клятву Гиппократа.

Юра усмехнулся.

— Но я не закончил курсы. А аптечку вечно с собой таскаю, потому что у меня небольшая паранойя на этот счет.

— А почему не закончил?

— Да родители как узнали, подписали отказ, — он легко, без огорчения, сказал это. — Курсы отнимали время от тренировок, и в меде учиться слишком долго.

Мысли, как бешеные, закрутились у меня в голове. Я вспомнил, как на одном мастер-классе, когда мне было пятнадцать, хореограф спрашивал нас, зачем мы танцуем. Мы все отвечали, что нам это нравится, зажигает, что мотивирует чувство победы. Юра сказал что-то вроде: “Моя мама всегда мечтала быть балериной”.

— Ты ушел с танцев, — пораженно, просто как факт, сказал я. У Юры расширились глаза — они были огромные.

— Да... — тихо ответил он. — Я ушел.

Юра подтянул к себе колени. Его пальцы вцепились в плотную ткань серых джинсов. Он напрягся. Я как будто напомнил себе, что знаю его много лет.

— Ты вышел из команды, потому что?.. Ушел с танцев?..

Юра зажег вторую сигарету.

— Я получил небольшую травму и какое-то время не мог танцевать. Это было где-то полтора месяца. Может, два. Я думал, что буду скучать или вроде того. Но ничего такого. Я не хотел танцевать. Я просто... Танцевал всегда. Типа, абсолютно. Я вообще не помню себя не танцующим. И, вот, я не танцую какое-то время... И осознаю горькую правду — я не хочу.

Он говорил это спокойно, но внутри меня все сжималось, и я знал, насколько болезненно выдернутыми были его слова.

— Ты ловил себя на мысли о том, что любишь танцевать? — аккуратно спросил я.

— Да, я тоже думал об этом. Не знаю, честно говоря. Мне нравится, когда у меня что-то получается и когда, типа, хлопают, хвалят, награждают, но сам танец... Наверное, что-то в этом все-таки есть. Но я не чувствую это так, как ты или кроcсы. Я, правда, не знаю. Поэтому чуть больше года назад я решил все закончить.

— Закончить... — как эхо, на выдохе сказал я. В том, как я произнес это слово, было все разочарование. Юра хмыкнул, когда услышал его. У меня в голове не укладывалось, как можно танцевать так, как он, и при этом не любить танец. Одна мысль об уходе Юры приносила мне дискомфорт — это то, чего не должно произойти.

— Да, Ник, я знаю, о чем ты думаешь, — со смешком ответил Юра. — Незадолго до ухода я поделился этим со Славой. Он не воспринял всерьез. Сказал, что, вот, это неправильно, что столько ребят хотят танцевать, как я, что это не круто так все бросать.

Наверное, в других обстоятельствах, чуть раньше, когда я был еще в составе DL, я бы сказал Юре то же самое.

— Почему ты вернулся? — тихо спросил я.

Я не смел переубеждать Юру, но первый и логичный порыв был удержать его. Не позволить зарыть поражающий потенциал.

— Не так просто покончить с тем, что всю жизнь было как бы моим делом. Я же знаю, что я хорошо танцую.

— Ты не просто “хорошо” танцуешь.

— Я понимаю. Никит, я все понимаю.

Юра положил подбородок на колено. Что-то скреблось у меня в груди. Все эти месяцы я так опасался его, так скептически относился ко всему, что он делает, даже немного боялся его, но теперь я видел, что он был как открытая рана, он был раздавлен танцем — это то, чего я никогда не встречал до этого, то, о чем не мог и помыслить.

Он выдохнул и продолжил говорить.

— Это все было стечением обстоятельств. Наверное, танцы просто не могут меня отпустить. В Твери у меня бабушка и дедушка по маминой линии. Я часто здесь оставался на лето. Год назад нам с мамой пришлось переехать. Мой отец... Короче, он ебнулся, и так получилось. Я перепоступил в вуз. Родители были слишком заняты своими проблемами, им уже было не до контроля моих тренировок, но меня самого понесло смотреть соревнования. На городских баттлах я даже несколько раз видел Гришу и, помоему, Полину.

— А как же Глеба? Он везде участвует.

— О, ну конечно, Глеб, куда же без него. Ну, вообще, я, кстати, его не заметил. Или не запомнил.

— Наверное, не запомнил. Свои номера у него ничего так, но импровизация... Не особо цепляюще. Как бы сказал Лопахин: “Станцуй так еще раз десять, чтобы точно никому не запомниться”.

Юра тихо рассмеялся.

— О нет, только не Лопахин.

Я улыбнулся. Я тоже ненавидел вспоминать Лопахина, но почему-то рядом с Юром это получилось легко. Мне вдруг стало приятно осознавать, что мы с Юром прошли одинаковую танцевальную школу. И если раньше при упоминании фамилии я резко вспоминал жгучую пощечину на щеке, то сейчас этого не произошло. Юре, вообще, как будто было плевать на то, что случилось, когда меня исключили из команды.

— Помнишь, в том нашем первом разговоре ты сказал, что я из-за тебя пришел к кроссам? — спросил Юра, и я кивнул. — Блять, как же меня это выбесило тогда. Наверное, потому что во многом так и было.

— Что? Реально?

— Ты спросил меня, зачем я вернулся в танцы. Знаешь, все, что мной двигало, — это желание отомстить DL.

Я прикусил язык. Моей первой мыслью было спросить, что же все-таки произошло в DL, но я вовремя заткнулся, чтобы Юра вновь не замкнулся и не замолчал.

— Но это мне виделось просто невозможным — обойти их. Несмотря ни на что, ты же понимаешь, Лопахин — гений.

— Это правда.

— Но на том чемпионате я увидел тебя. И ты был в составе команды из города, в которой я переехал. Я просто подумал...

— Что это судьба?

Юра снова рассмеялся.

— Ага, типа того, — круча в руках уже весь смятый бычок, ответил он. Пока я наблюдал за ним, он пялился то на сигареты, то на свои испачканные кроссовки. — Нет, я просто подумал, что кто, как не ты, можешь попытаться их обойти? Ты был одним из лучших. Лопахин делал на тебя все ставки. Кто, если не ты?

Мой изумленный выдох растворился в промерзшем, насыщенном воздухе. Подул ветер, и на нас полетела листва. Я услышал отдаленные разговоры кроссов, их шаги.

Я стиснул плечо Юры, чтобы он посмотрел на меня. Его взгляд был чистый, открытый.

Во всем, что он говорил, была пронзительная честность.

— Хорошо, что ты не ушел, когда я тебя просил, — сказал я.

— “Просил” — это мягко сказано.

Я усмехнулся.

Я хотел задать ему вопрос, который крутился у меня на языке, который не давал покоя, вопрос, почему же он все-таки ничего не рассказал про меня кроссам, почему сейчас так легко общается со мной, хотя два с половиной года назад все члены команды отвернулись от меня.

Но дверь открылась. Кроcсы вышли, чтобы делать шашлыки.

Мы присоединились к ним. Костя и Гриша вытащили стулья. Юра из дома принес наши куртки и сел рядом со мной.

Пока Соня и Гриша готовили, мы просто разговаривали и особо не помогали. Ваня помог Полине дойти, и я как-то расстроился, что не сообразил сделать это сам.

— Мой тренер в детстве дымил после каждой трени, прямо как Ваня, — рассказывал Костя. В руках у него был собственный белковый ужин в контейнере. Он предложил его нам и особенно долго уговаривал попробовать меня и Юру, возможно, потому что остальные пробовали его протеиновую бомбу уже много раз, но все вежливо отказались.

— И чего? — спросила Полина.

— И ничего. Уже так резво на полу не крутится.

— Возможно, потому что он уже старый? — со смешком спросил я.

Мой комментарий был шуточным, но Костя всерьез задумался. Он почесал ежик волос.

— Не думал об этом, — выдал он.

— Вообще, это так грустно, — сказала Соня. — Ну, когда тренера уходят, например. Я вот была в команде у классной девушки. Но она лет в двадцать семь вышла замуж, а потом ушла декрет.

— И так и не вернулась в танцы? — спросила Полина.

— Насколько я знаю, нет. Ее муж не особо “за” вроде как.

— Вот она нашла мужика, — сказала Полина.

— Не, ну, вообще, это можно понять, — возразил Ваня. — Все-таки тут ребенок и...

— И что?

Между Ваней и Полиной завязался спор. Это было привычно как для меня, так и для всех кроссов. Я тогда задумался о том, что, возможно, поэтому они так подружились — им нравилось спорить друг с другом.

— Мой тренер просто уехал преподавать в Москву, — сказал Гриша, когда спор, наконец, утих. Это был общеизвестный факт. Гришу тренировал хороший хореограф, который до сих пор на слуху и который создал одну из сильнейших команд, часто дышащую нам с DL в спину на соревнованиях. — А у тебя как было, Никит?

— Я почти не помню своего детского тренера. Я тогда ходил к нескольким одновременно, и лет в двенадцать меня пригласил в команду, тогда еще подростковую, хореограф DL.

— Так рано, — сказал Ваня.

— У Лопахина, этого тренера, — продолжил Юра, — такой стиль набора в команду. Он ходил по детским и подростковым баттлам и соревнованиям и прямо выискивал таланты. Он никогда не выращивал с нуля, но если видел в тебе потенциал и то, что ты подходишь команде, вцеплялся в тебя.

— Прямо золотой билет какой-то, — усмехнулась Соня.

— Там совсем нет кастингов? — спросил Гриша.

— Нет, — ответил я. — Юра правильно говорит — чтобы туда попасть, нужно, чтобы Лопахин сам тебя заметил.

— Получается, с тобой так же было? — повернувшись к Юре, спросила Полина.

— Да, но сильно позже. До этого я ходил на балет и акробатику много лет, поэтому мне понадобилось время, чтобы переучиться.

После разговора с Юрой я стал больше вспоминать о том, что происходило в нашем детстве. Например, как Юру переучивали и как ломали его стиль и пластику — на самом деле, его первые полгода в DL были адовыми.

— А мы с Ваньком, кстати, прям как вы, были у одного тренера, — сказал Гриша. Я удивился, потому что либо не знал, либо упустил этот факт. — Но вообще, такой прикол, мы совсем не общались, мы здоровались, конечно, но не общались, а потом, раз, и я позвал Ванька в команду.

— Мы просто были в разных группах, — пояснил Ваня. — Я занимался по понедельникам и средам, а Гриша по вторникам и четвергам.

— Но я тогда уже видел, что Ванек круче других, поэтому опа — звонок в двенадцать ночи, и первый участник KROSS.

— Он что, звонил тебе в двенадцать ночи, когда вы были толком не знакомы? — пораженно спросил Костя.

— Да, я разве не рассказывал? Я был уже сонный и растерянный, как этот, блин, весь такой на энтузиазме рассказывает мне про свою идею с командой. Не знаю, в этом ли был гришин план или нет, но я настолько прихуел, что на все согласился.

Мы засмеялись.

— Шашлык готов! Кому сколько? — прокричала Соня.

Тогда в компании кроссов мне было спокойно, и я даже подумал, что зря переживал о поездке. Я легко вливался в диалог, мне стало проще после разговора с Юрой, а Глеб почти все время молчал и не выводил меня.

Все шло как нужно, пока мы не остались с Полиной наедине.

Первым ушел спать Костя, у него был график. Потом, к моему счастью, нас покинул Глеб. В час ночи мы были еще немного пьяные, но сил на разговоры не осталось — Ваня играл на гитаре, все остальные молчали. Около двух мы стали расходиться. Мое спальное место было в комнате с Гришей и Ваней, но я зачем-то, повинуясь неожиданному альтруистическому желанию, вызвался помочь с посудой.

Там мы пересеклись с Полиной. Я думал, что уже все заснули, потому что долго возился, и не ожидал встретить ее. Уже тогда я заметил, что она была чем-то загружена и расстроена, поэтому принял ее утешать.

Она не ответила, когда я спросил, что случилось, и я погладил ее по спине, стремясь оказать поддержку. Ее глаза были яркие и смотрели на меня более осознанно, чем когда-либо до этого.

Полинино молчание напрягло меня. Она, прихрамывая, подошла ближе, и я приобнял ее. Ее плечи были узкие и сильные, а волосы щекотали мою щеку.

Полина повернула голову, и ее лицо оказалось напротив моего. У меня скрутило что-то в груди и перехватило дыхание. Мне почему-то стало страшно, но Полина не отодвигалась, и ее аккуратная ладонь легла на мой бицепс, поэтому я наклонился, и мы поцеловались.

Ее губы были мягкие, но поцелуй резкий. Я не мог расслабиться и перестать думать. Я ожидал, что когда поцелую ее в первый раз, на меня накатит эйфория, но этого не происходило — что-то было не так.

Я в погоне за нужным эффектом углубил поцелуй. Ее рот был влажным и отзывчивым. Она обхватила меня руками, а моя ладонь спустилась на ее поясницу. Я чувствовал, как растет между нами градус, но Полина не отстранялась, и я не стал тоже. У меня кружилась голова.

Полина прикусила мою губу, я сжал в кулаке ее волосы. Она немножко повернула голову, и мне стало жарко, возбуждение волной прошлось по моему телу.

Полина была высокой, и мне удобно было целовать ее. Она поднялась на цыпочки, ее тело сильнее прижалось к моему. Я выдохнул ей в губы, и она оторвалась от моего рта.

Полина потянула меня в ванную, и я пошел за ней. Она закрыла дверь, и мы снова поцеловались. Мои руки забрались под ее футболку и прошлись по мягкой коже живота и спины.

Полина кусала меня, снова и снова. У меня все плыло и пылало. Я крепко держал ее в своих объятиях.

Полина отстранилась от меня, сняла резинку с руки и завязала волосы. Она дернула пряжку моего ремня.

— Полин... — Я был настолько поражен, что мои руки, спустившиеся на ее бедра, остановились.

— Молчи, — сказала Полина. — Пожалуйста, молчи.

Она убрала мои руки, опустилась вниз и отсосала мне. Это было быстро, механически и умело.

Я, дезориентированный и шокированный, держался за раковину, когда она выпрямилась и надела обратно мои джинсы. Я потянулся, чтобы поцеловать ее снова, она не дала мне этого сделать, остановив рукой.

— Полина.

Я не знал, что и думать.

Она включила воду и умывалась, будто ничего не произошло. Я стоял рядом. Тревога начала звучать у меня в ушах. Я предпринял попытку обнять ее, но она уклонилась.

Полина закрыл кран и, смотря на меня через зеркало, выпалила:

— Я все знаю. Про то, что ты сделал три года назад. И про ту девушку. Он все рассказал мне.

Внутри меня все разрушилось.

Полина ушла.

6 глава

Лучи солнца забрались под веки. Раскладушка, на которой я спал, была жесткая. Болела脊на.

Голова раскалывалась. Вчера ночью я выпил весь алкоголь, который остался в холодильнике, прежде чем вернуться в комнату. Гриша храл полноти, я ловил вертолеты и заснул только под утро.

Я нажал на блокировку телефона. Было чуть больше восьми утра, я поспал от силы часа три.

Гриша продолжал храть, пока я перелезал через его матрас. В горле пересохло, а тело было ватным. Ноги плохо держали меня, я поплелся на кухню, чтобы выпить минералки.

Подташнивало. Я зашел в туалет и сунул два пальца в рот. Меня вырвало. Я почистил зубы и умылся.

Тело под футболкой чесалось. Душно. Я услышал шаги через окно, натянул на себя толстовку и вышел на улицу.

Когда я спустился по ступеням, Костя наматывал круги вокруг дома, на нем были спортивные треники и расстегнутая, растянутая кофта. Он бодро помахал, но меня хватило только на кивок — мой взгляд зацепился за мелькнувшие впереди светлые волосы, и глаза заволокло пеленой.

Юра сидел чуть поодаль. Плотно закутавшись в куртку, с ногами забравшись на деревянный стул, он читал “Заводной апельсин” держал в руках костин секундомер.

Я подошел. Мне ужасно хотелось опохмелиться, но совсем ничего не осталось.

Я молча смотрел на Юру, пока он не поднял взгляд и не прикрыл книгу.

Юра поздоровался со мной.

Я смотрел холодно, безучастно. Я думал, что ненавижу его.

Все вопросы, обуревающие меня ту ночь, пока я пил в одиночестве, снова возникли в моей голове.

Почему Полина сделала это со мной? Зачем полезла ко мне? Зачем Юра ей все рассказал? За что он так поступил?

Юра, действительно, как я и думал в начале, поджидал удачный момент. Тогда, когда я доверюсь. Тогда, когда не буду готовиться к удару со спины. И у него все вышло. Я пошел на поводу и попал в ловушку.

— Что-то ты рано, — пробормотал Юра. Он закурил. Предложил мне. Я кивнул. Закурил тоже. — Я проснулся от костиного будильника и так и не смог заснуть. Ты тоже слышал?

Я думал про острые, точные прикосновения Полины, про то, как она кусала мои губы, про то, как она ушла, закрыв дверь, и у меня не осталось ничего, кроме разочарования, все разрушилось в один момент, все разрушилось, просто разрушилось.

— Все нормально? — спросил Юра. — Ты чего молчишь?

Он будто хотел выведать, дошла ли до меня информация о том, что он все выдал Полине. Его вранье сбивало меня. Я не верил, что он врал вчера, сидя со мной на ступенях, не верил, потому что так врать невозможно, но зачем тогда, зачем он отвлек мое внимание, зачем втерся в доверие, если не врал. Может, Юра испугался? Посчитал, что слишком много рассказал мне? Нет, это бред.

Почему на даче? Именно сейчас?

Рассказал ли он кому-то еще? Расскажет ли? Может, Гриша уже знает?

— Никит?

— Заткнись.

Юра склонил голову. Он удивленно моргнул. Его взгляд казался чистым и открытым, но вчера я повелся именно на него.

Я выбросил сигарету и поднялся обратно.

Зашел в туалет. Снова вырвало. Дрожащими руками закрутил кран, там уже почти закончилась вода. Вернулся в комнату. Упал на раскладушку и уснул еще на полтора часа.

Ваня разбудил меня, потому что кроcсы готовились завтракать. Они накрыли стол на улице. Я безучастно сел рядом с Гришей, принял пить безвкусный чай. У меня перестала болеть голова, желудок скручивало от

голода. Я съел пару бутербродов. Кроссы о чем-то разговаривали, но я никак не мог уловить суть диалога.

Я начал дрожать и испугался, что скоро снова накатит тошнота. Гриша обеспокоенно протянул мне куртку, и лишь тогда я заметил, что уже долгое время сижу в одной футболке. Я продрог.

Я очнулся, когда из дома вышел Глеб и спросил:

— Вы что, вчера все допили?

Кроссы удивленно повернулись в его сторону.

— Нет, нет, там точно еще что-то оставалось.

— Где? В холодильник же убирали.

— Сейчас. — Соня поднялась, чтобы поискать алкоголь вместе с Глебом.

Я прочистил горло.

— Простите. — Говорить было тяжело, я чувствовал, как хрипит мой голос. — Это я все выпил. Потом могу купить еще.

Я почувствовал на себе взгляд Полины, но не повернулся к ней.

— Нормально так ты устроился! — сказал Глеб. — Я хотел с утра пивка холодного! Какого хера вообще...

— Да ладно. — Гриша оборвал его. — Иди, вон, чай попей. Сонька вкусный такой сварила, с травами.

— Я не хочу твой долбаный чай!

— А ты покричи погромче, пускай все соседи услышат, может, пивка занесут, — усмехнувшись, ответил Ваня.

— Да пускай слышат, Вань, я же сказал, что рассчитывал на это пиво, и сейчас я просыпаюсь, и это нормально, ты считаешь, что у нас пустой...

— Поплачь, — сказал Юра.

— Ты охуел?

— Глеб, ну, правда, мы что, эту бутылку материализовать можем? — спросила Соня. — Успокойся, давай позавтракаем. Ничего такого, купим потом еще.

Глеб, раздраженный, сел за стол. Я мог бы сам разрулить ситуацию, но мне было настолько плевать, что я даже не попытался больше никак оправдаться.

— Кстати, — сказал Костя. — Пить по утрам — признак алкоголизма.

Глеб устало вздохнул. Это почему-то немного развеселило меня.

— Ну, спасибо, Костя, — ответил он.

Я чувствовал бессилие. Кроссы вели себя спокойно, никто, кроме Полины, ничего не знал, но я ощущал себя так, будто одно мое неправильное движение — и Юра поднимется прямо сейчас, за этим столом, и все обо мне расскажет.

Под ногтями были кровавые сгустки. Я спрятал руки и попытался перестать чесать запястья.

Ветер обжег мою влажную кожу. Мне было то холодно, то жарко. Меня тошнило, но от мысли, что снова придется блевать, становилось еще более дурно.

— Никит? — Я вздрогнул от громкого голоса Сони. — Пойдем, поможешь мне?

Я прослушал разговор и не знал, с чем понадобится помочь. Поднялся. Поплелся за ней.

Мы зашли за дом. Там было холоднее — тень закрывала солнце.

Лежали доски, валялся сдутый бассейн. Трава была выше, но примята в нескольких местах.

— Если ты захочешь о чем-то поговорить, я всегда готова, Никит. Знаешь, я у нас в команде что-то вроде семейного психолога.

Соня говорила это серьезно. Я криво усмехнулся и покачал головой.

Она протянула мне банку своего недопитого со вчерашнего дня пива. Я кивнул в знак благодарности, опохмелился. Какое-то время мы сидели в молча, а затем Соня включила музыку с телефона. Ей нравилось слушать женский реп. Она подпевала, путая слова, я отстукивал ритм подошвой кроссовка.

Соня села на сломанную скамейку. Я решил не испытывать судьбу и опустился на корточки напротив нее.

Кроссы рассмеялись. После пива мне стало легче, напряженные мышцы немного расслабились.

На соседнем участке снова залаяла собака. Я аккуратно наступил на желтый лист, приземлившийся под мои кроссовки. На нем отпечаталась грязь. Я пожалел, что как-то по-варварски его испачкал. Поразительная, сильно отличающаяся от города, тишина, даже заглушающая музыку, немного сбивала, замедляла мои мысли. Время шло здесь немного иначе.

— Ты знаешь, где работает Полина? — наконец спросил я.

Соня понимающе кивнула, точно ждала подобного вопроса.

Пока я общался с Полиной, я старался быть осторожен. Не напрягать ее. Не лезть в ее жизнь, пока он сама не позволит.

Мне надоело. Я вдруг ощущил гнев. Мое отчаяние сменилось на ярость. До этого я чувствовал себя виноватым, а теперь разозлился на других. Мне казалось, что виновата Полина, потому что она не поговорила со мной и ничего не спросила, просто влезла ко мне в душу. И, конечно, виноват был Юра — виноват больше кого-либо.

— В кафе официанткой, — ответила Соня. — Мне прям седьмое чувство подсказывало, что сейчас будет разговор про Полину.

— Ничего себе.

— Знаешь, у Гриши есть такая политика, что, вот, ребята, давайте круто танцевать и не создавать проблем. Ура, ура, командный дух. Все друзья, все круто. Я, если что, вообще никак не осуждаю Гришу, он, на самом деле, отличный лидер. Но его схема не работает как часы.

— Я не совсем понимаю.

— Ну, мы же не роботы. Конечно, все время кто-то кого-то презирает, кто-то в кого-то влюбляется. Мы кучу времени проводим вместе. Конечно, между нами возникают личные взаимоотношения. Но Гриша считает, что это мешает. Поэтому он против того, чтобы рассказывать новеньким о том, что, допустим, раньше было между нами.

— То есть, ты можешь рассказать про Полину? — аккуратно спросил я.

Соня рассмеялась.

— Ну да, а чего такого? По-моему, тебе нужно знать некоторые вещи. Например, про то, что Ваня на полгода уходил из команды из-за нее.

— Я думал, они лучшие друзья и все такое.

— Сейчас — да, они близкие друзья. А тогда… Вообще-то, это Ванек привел ее в команду. Я хорошо помню, как мы сидели в зале, и Ваня рассказал Грише, что видел очень крутую девчонку на баттлах.

— Гриша говорил, что она самоучка.

— Да, так и есть.

— Почему?

— Что значит “почему”? — Соня усмехнулась. Во время разговора она рассматривала свои ногти. Они были розовые с какими-то рисунками. — Просто у нее нет денег.

Эта фраза засела у меня в голове.

Полина всегда навевала ощущение тайны, которую необходимо разгадать. Все ее действия были интригующими, жизнь объята секретами. Но теперь все свелось к прозаическому — “у нее не было денег”.

Она просто ушла из универа, потому что у нее нет денег.

Она просто не дает провожать себя до дома, потому что стесняется того, что у нее нет денег.

Неужели в ней, на самом деле, не было никакой сакральности, таинственности?

— У ее отца была какая-то странная работа, бизнес или вроде того, — продолжила Соня. — Там тоже мутная история. В девяностые, наверняка под чьей-то крышей, он что-то там открыл.

— Полина говорила мне, что он умер. — Я задумался. — И она отчислилась.

— Я не знаю точно все эти причинно-следственные связи, но, походу, ты прав, я тоже думаю, что ей просто пришлось работать после его смерти.

— Соня вздохнула и прикусила нижнюю губу. — Из того, что мне известно, ее батя был плохим человеком. У него были какие-то сомнительные друзья… Да и… Что тут думать. Какой бизнес в нашем городе в начале девяностых?

Я кивнул.

— И после его смерти она начала жить в этих коммуналках?

— Блин, я вообще без понятия, когда она начала в них жить. Но я как-то заходила к ней. Честно, там полная жопа. Я человек небрезгливый, я в общаге при универсе несколько лет жила. Мне по барабану на тараканов и плесень, но там атмосфера, мягко говоря, не располагает.

— Я не знал, что ты приезжая.

— А я не приезжая. Я тут родилась, но сделала прописку, мол, я живу у бабушки в Торжке. Хотелось съехать от родителей, и, вот, общагу дали.

— Понимаю, у меня тоже с родителями отношения никакие, и я решил съехать.

— Не, у меня нормальные отношения, — со смешком сказала Соня. Я немного смутился. — У меня супер родители. Сейчас мы не разлей вода.

— А...

— Просто был такой подростковый бунт. Хотелось жить со сверстниками, а не с младшим братом.

Между нами повисла неловкая пауза.

— А что там про Ваню? — спросил я.

— А, точно. Слушай, я не знаю, что произошло между ними, но когда Полина только пришла в команду, мне показалось, что она ему нравится. Я в таких вещах, вообще-то, специалист.

— По тебе видно. — Я улыбнулся.

— Что-то между ними точно было, но что — никто из нас не в курсе. Возможно, они поссорились. Но факт остается фактом. Ваня подошел к Грише и сказал, что уходит из команды. И полгода мы танцевали без него. Потом он вернулся, и они, вот, отлично общаются, уже как друзья.

— И давно это было?

— Ну да. Пару лет назад.

Соня внимательно посмотрела на меня.

— Поэтому, Никитос, реально, — сказала она твердым, серьезным тоном. — Я уважаю Полину, очень. Она, безусловно, невероятно крутая, и мы хорошо общаемся. Но мой тебе совет — не влюбляйся в нее.

Я хорошо запомнил этот разговор.

Он что-то породил во мне, возбудил.

Все росло во мне, росло.

Наверное, то, что произошло, было неизбежным. Наверное, есть эмоции, которые нереально заткнуть. Они накопились, собрались в огромный ком в груди, и для того, чтобы выплеснуть их, оставалось найти только две вещи — объект и обстановку.

Я был зол на то, что случилось три года назад, я был зол на каждого из членов DL, на Лопахина, его жену, Славу, который повернулся ко мне спиной, когда единственное, что мне оставалось, — это ждать поддержки лучшего друга. Я был зол на Полину. За ее пространные рассуждения, за то, что она решила заняться со мной сексом, но не позволила касаться себя, за то, что она наказывала меня — наказывала меня молчанием, неопределенностью, своей безупречной игрой.

Я сел в машину. Полина поехала с Соней. Меня, Гришу и Юру подбрасывал Ваня.

Мы разговаривали. Смеялись, что-то обсуждали. Мир был как через толщу воды, все во мне горело, готовое взорваться в любой момент, и объект — объект, в котором смешались люди, отказавшиеся от меня и слепо обвинившие меня, годы, проведенные в страхе, и вранье — этот объект был прямо позади меня.

Ваня высадил нас на остановке. Она, безлюдная, была далеко от центра. Гриша уехал первым, и мы остались с Юром наедине.

Эмоции словно сгущались, сводились в одну точку в груди, и любое действие, любое неловкое слово могло разжечь то, что накипело за годы.

В городе оказалось теплее, чем на даче. Наши куртки были расстегнуты. Юра держал руки в карманах толстовки и шаркал одной ногой, посматривая на меня краем глаза.

— Что с тобой сегодня? — тихо спросил он.

И тогда рухнуло то, что я так тщательно удерживал.

Вдалеке слышались мигалки. Мимо громко, с музыкой из окон, проезжали машины. Дыхание ускорилось, а челюсти скжались.

— Что со мной? — Мой голос был дрожащим от гнева, я начал ощутимо трястись, жар красными пятнами расходился по коже. — Ты чего добиваешься? Просто уже скажи мне. Чего ты добиваешься?!

— Ник, я абсолютно не...

И, наверное, все сошлось на этом “Ник”.

“Ник” было вышито на моей футболке.

Мы поклонились и ушли. Они стояли и улыбались.

Они прятали глаза, когда я пришел к ним.

Уходи уходи уходи

Так говорили их глаза.

Уходи из места которое выстроил ты сам уходи ты больше не нужен ты
оступился ты упал ты облажался Ник Никита уходи ты проебался это твоя
ошибка ты сам виноват ты не видишь что делаешь только хуже НИКИТА
УХОДИ

Жгучая пощечина обожгла щеку. Лопахин стоял рядом со мной. Они
смотрели на меня, другие команды, DL, их лица, их шокированные лица, их
глаза позор это позор ВСЕ СМОТРЕЛИ НА МЕНЯ

Я ничего не почувствовал.

Я только увидел, как голова Юры дергается в сторону, как его тело
пронзает, как он сам отлетает назад.

Я потянул его за толстовку, толстовку кроссов, ТОЛСТОВКУ
КРОССОВ, он пришел в ней, он посмел напялить ее, он рассказал Полине, он
расскажет кроссы, он расскажет всем, расскажет, он пришел, чтобы
рассказать

Он попытался выставить руки, он не успел, кровь брызнула на мои
костяшки, и я замахнулся снова, я замахнулся, и моя рука снова опустилась,
и звуков больше не существовало, все испарилось, я замахнулся

Полина поцеловала меня ее губы были влажными отзывчивыми
Полина повела меня в ванную ее руки были гладкими ее волосы пахли
цветочным шампунем и я и я и

Щеку жгло.

Лопахин назвал меня предателем.

Юра поставил блок. Ударил меня коленом.

Когда его рука коснулась моего плеча, чтобы оттолкнуть, я схватил ее, заломил, он выдохнул, я видел, как боль искажает его лицо, и я хотел разбить его, из его носа потекла кровь, рот был беспомощно открыт, и я ударил снова, он отшатнулся, и я удержал его, чтобы бить — снова и снова.

Когда мы были в зале, когда стояли на одной сцене или соперниками на баттлах, его рост был неуловим. Его энергия сбивала, его сила перекрывала все остальное, я обращал внимание на то, что он низкий, только в контексте того, что его легко подбрасывать, поднимать, вертеть в воздухе.

Но сейчас я подумал о том, как легко я могу раздавить его, уничтожить его, наказать его, наказать за пощечину, за смешки, за закрытые перед носом двери, за обман, за бессонные ночи, за долгие, мучительные месяцы без танцев, за разочарованный взгляд Полины, за вечер на крыльце дачи — он заслуживал это, заслуживал каждый удар и болезненный выдох.

— Захуя ты это сделал?!

Юра упал. Я схватил его. Поднял. Я закричал это в его лицо. Из его рта текла кровь.

— Скажи мне, сука! Просто скажи мне! Чего ты хочешь?! Скажи мне!
Зачем ты рассказал ей?!

Его разбитые губы задвигались. Я остановился. Мне казалось, что мое тело бросили в огонь, оно было раскалено, я ничего не соображал, я мог только кричать, бить, биться, как в агонии.

— Я ничего не говорил, — хрипло сказал он.

Юра смотрел на меня со злостью.

Он замахнулся, чтобы ударить меня в ответ, он, должно быть, чувствовал что-то вроде несправедливости, он жаждал ответить, наверное, он был обязан ответить, но я уклонился и ударил его снова.

— Это хуйня, это бред, полный бред.

Юра подорвался, чтобы отойти, и я почувствовал себя так, словно кто-то пытается сбежать от меня, и я легко догнал его, он был ближе к остановке, и следующий мой удар впечатал его в стену, я видел на ней кровавый след, мои костяшки были в моей и его крови, кровь стекала по его носу, по губам, падала, падала, капала на его белые кроссовки, на асфальт, пачкала новую толстовку. Я рывком потянул его за куртку на себя, послышался треск ткани, и я оттолкнул обратно, Юра снова ударился об остановку, завозился, чтобы удержаться и не сползти вниз.

— Я понятия не имею, о чем ты, — жарко, спешно заговорил он. — Я ничего не рассказывал. Зачем мне это надо?

— Я не знаю! Я не знаю, захуя ты это делаешь! За что?! За что так со мной?!

Юра пытался блокировать беспорядочные удары, я разбивал костяшки о его локти, но я бил, бил, бил, как дикий, сорвавшийся, я не мог остановиться, в моей голове не было ни мысли, крутились воспоминания, друг за другом, и я как будто снова был там, я слышал аплодисменты во время последнего поклона, слышал голос Лопахина, ощущал губы Полины, чувствовал чужие взгляды, меня вырывало из одного момента и погружало в другой мгновенно, без моей власти, мне казалось, больше моей власти нет, разума нет, и эмоция, безусловная, столько лет сдерживающаяся, полностью захватила мое тело.

— Никита, я не говорил! Я не хочу! Я даже толком не знаю, что случилось на самом деле! — Юра сорвался на крик, я в первый раз услышал, как он кричит. — Ты ведь тогда просто ушел! Я ничего не знаю!

— Просто ушел? — Я внезапно остановился. Я посмотрел в его потрясенные, с расширенными зрачками глаза. Левый начал заплывать. Его кожа побледнела. Волосы прилипли ко лбу. — Ты называешь это “просто ушел”?

Юра отрывисто, хрипло дышал.

— Ты... Ты не звонил мне тогда, — сбивчиво, судорожно говорил он.
— Ты... Я ведь правда не знал, что случилось. Я думал, ты свяжешься со мной, перед тем как уйти.

Я был настолько ошаращен, что это ненадолго привело меня в чувства.

— Я не уходил, Юра. Меня выгнали.

Я подошел ближе и задрал его голову, чтобы он смотрел на меня. Кровь полилась в его глотку. Он согнулся, закашлявшись.

— Я должен был сообщать тебе? Тебе? Ты себя кем считаешь? С какого хера я должен был сообщать тебе?!

— Мы ведь... Мы были друзьями, — сказал Юра.

Я не мог поверить. Мне казалось, он продолжает издеваться надо мной.

— Кем?

— Друзьями.

— Нет. Не были.

— Ты звал меня на дни рождения... И мы кучу времени были в зале.

Я звал на дни рождения всю команду, это было традицией. Мы проводили кучу времени в зале, потому что отрабатывали парные элементы.

Я ненавидел его.

Я ненавидел за то, что он прожил в этой иллюзии, что приперся к кроссам, наговорив мне чепухи, я ненавидел то, как он танцевал, то, что я мог испытывать к нему любые эмоции, но был не способен убрать его, затмить личной враждой, я ненавидел за это признание — признание в том, что он даже не любит то, что делает, не ценит танец, за который многие отдали бы жизнь.

— Да что ты? — Я ударил его снова. Наотмашь. Ногой. В живот. С выдохом. — И где она была?! Где была твоя ебаная дружба?! — Он снова не успел закрыть лицо. Мои удары сыпались на него. — Когда на мне поставили крест? А? Где она была?! — Мои костяшки горели. Юра защищался все слабее. — Когда меня сделали изгоем?! Где же ты тогда был?! — Его колено подогнулось. Юра упал. — Это я?! Я должен был перед тобой отчитываться?! — Я схватил его за плечо и повернул к себе. — Где, — я дрожал от гнева, — ты, — он с ужасом смотрел в мои глаза, его пальцы беспомощно держали мою руку, — тогда, — я выпрямился и пнул его ногой, — был?

Юра уходит со сцены. Юра в свете софитов.

— Это наш новый участник команды, Юра Зотов.

Юра смеется в раздевалке.

Юра разговаривает в общем автобусе.

— Юра по баллам дышит мне в спину, — говорит Слава. — Это какой-то бред.

Я пожимаю плечами.

— Он круто танцует, — отвечаю.

— Я знаю. Просто так неожиданно.

— Он, кстати, придет на нашу дополнительную?

— Да, должен.

— Как ты так всегда все знаешь?

— Просто Юра всегда приходит, Ник.

Юра встает на мое колено. Я приподнимаю его и удерживаю в статичном положении.

Юру ставят в центр.

Питер. Я лежу на диване и пью сок. Юра спит в кресле напротив.

Юра падает в обморок.

— Это бывает, — говорит Лопахин. — Он много занимается дополнительно.

Мы никогда не общались, но он был везде. Он был частью DL team, а DL были моим миром. Моим местом, моими людьми.

Все оборвалось в один миг. Из-за моей ошибки, которую Лопахин повернул так, как было угодно.

Я — словно в центре их глаз. Они окружили меня, загорелись вокруг меня. Чувственные — Полины. Презрительные — прошлых друзей. Загнанные — Славы. Гневные — Лопахина. Они врашивались вокруг, а я хотел всего лишь избавиться от них, избавиться от их отпечатков, которые, как грязь, налипли на меня, и я, увязнув однажды, не мог больше выползти. Я словно был лишен чего-то, я не мог вернуть себе кусок, который они тогда оторвали от меня, и это следовало за мной, куда бы я ни шел, что бы новое ни

начинал. Их глаза были ближе и ближе, все сужалось, я думал, что их глаза вот-вот раздавят меня, задушат, что я погибну на этой остановке от сжимающей тяжести их глаз, но вдруг ко мне прорвался голос Юры, я будто вынырнул, вернувшись в реальность, услышав приглушенное “танцую”.

— Что?.. — Я остановил ногу. Он тянул на себя колено обеими дрожащими руками, пытаясь прижать его к груди.

— Не по ребрам... — тихо повторил Юра. — Не по ребрам. Я же танцую.

Мое дыхание замерло. Я почувствовал, как кровь отливает от моего лица.

— Мне нельзя. Я же танцую...

Я сел на корточки.

То, что кипело во мне, вмиг утихло.

Я с ужасом смотрел на то, как он тряется на асфальте.

— Не ломай мне кости, — сказал Юра. — Нам выступать через две недели. Не ломай кости.

Я коснулся его плеча. Он дернулся.

— Блять... — Мой голос сел. На остановке мы были одни. Громко проехал мотоцикл. Подул слабый ветер. — Блять, блять, блять...

Зажглись фонари. Листья и асфальт под Юрой были в крови.

Его глаз совсем заплыл. Нога согнута.

Я никогда так не дрался. Внутри меня никогда не было столько агрессии.

Я чуть придержал его за плечо, помог сесть. Пальцы еле двигались — то ли от сбитых костяшек, то ли от сковавшего ужаса.

Юра согнул и разогнул локти и колени. Проверил. Выдохнул.

— Нормально, — сказал он.

Воротник его куртки был разорван, на виске запеклась кровь, к нему приклеились светлые волосы. Скула опухла и покраснела. На шее и

подбородке были кровавые разводы. Из носа кровь продолжала течь, нижняя губа была разбита.

Он языком прощупал зубы.

Я сел рядом с ним, спиной к остановке.

Было тихо. Пусто.

— Я, правда, ничего не говорил, — вдруг сказал он. Его голос был слабым, но четким. Он хотел, чтобы я, наконец, услышал его. Его взгляд был прикован ко мне, и я повернулся тоже. — Знаешь, почему? Помимо того, что прошло полно времени, да и это меня не касается.

— Почему?..

— Потому что все совсем не так.

Я сжал челюсти. В моей груди начал формироваться пузырь, который я не мог распознать, я не мог определить его природу, но он норовил вот-вот лопнуть.

— Ты спросил, почему я ничего не сделал тогда... Я не знаю, Ник. Мне было шестнадцать. Я думал, ты, типа, гордишься этим. Бахвалишься тем, что трахнул ее. — Юра закашлялся. Сплюнул кровь. Его ногти впились во внешнюю сторону ладони. — Я думал... Может, Лопахин прав. Ты все подстроил.

— Я не хотел. Я никогда не пошел бы на это. Я бы не рискнул командой. Я набухался. Я не хотел этого.

— Я понимаю. — Юра поморщился, когда пошевелил плечом. Я заметил, что его колено дергается. — Теперь я все понимаю.

— Я никогда бы специально...

— Она была старше тебя на ебаных одиннадцать лет, Никит. У нее своя голова на плечах. Лопахину не хватило смелости это признать.

Пузырь в моей груди был практически переполнен. Я плохо осознавал, что со мной происходит, когда дыхание стало ускоряться, а глаза щипать.

— Прости, — севшим, убитым голосом сказал я. — Прости, пожалуйста.

— Нормально, — повторил Юра. — Мне нормально...

И тогда, впервые за много лет, в первый раз за все время после исключения из DL, я почувствовал, как мои глаза обожгло, а по щекам потекли слезы.

Я положил голову на локти и начал плакать.

7 глава

Меня впервые отпустило, только когда мы вышли на сцену, ослепил свет, в мышцах появилось привычное, приятное напряжение. Мы должны были победить — от этих ноябрьских соревнований зависел лагерь, чемпионат и наша конкуренция с моей прошлой командой.

Две недели перед я был в постоянном стрессе. Я никогда так сильно не переживал перед соревнованиями, особенно такого типа, но ответственность давила. Наше выступление решало все — и на успех влиял как материал, который придумали мы с Гришей, но по большой мере я, как отработка и чистка, так и отношения внутри команды.

То, что произошло с Юрой, отпечаталось на мне, как выжженный на коже шрам. Я, как в тумане, помню, что плакал без остановки, пока он молча сидел рядом, помню, что вызвал ему такси, довел до подъезда, как он, не согласившись впускать меня дальше, накинул на голову капюшон и растворился в темноте. Мне казалось, что эта темнота подъезда утягивает его, мне хотелось побежать за ним, чтобы не упустить, но я остался стоять, как он и попросил, смиленно и прикованно, и мне не позволено было ничего, кроме как слушать его удаляющиеся шаги.

Дома я перебинтовал костяшки. Одна мысль о том, что у него могут остаться травмы или шрамы, приносила мне ощущение, что я проваливаюсь в бездну.

Весь следующий день я провел в кровати, слушая музыку. Я десятки раз просмотрел наше видео, а также записанные номера других команд с прошлого ноябрьского соревнования. Их хореографии были скучноватые, зато отработанные и сюжетные. DL уже несколько лет не участвовали в этом соревновании. Других команд такого же разряда я тоже надеялся не увидеть. Многие из них считали, что ноябрьское соревнование не подходит им по уровню. Поэтому для нас с кроссами это была прекрасная возможность — показать себя там, где большая возможность выиграть, там, где в судействе сидят организаторы сборов, а затем попасть в лагерь и там уже встретиться с DL team и другими.

Я вылез, помылся и почистил зубы только на следующее утро. У нас была тренировка.

Я шел с опасением. Мои отношения были напряженные теперь почти со всеми. С Глебом, разумеется. С Юрой. С Полиной. И, конечно, с тем участником, который рассказал обо мне правду.

Я не чувствовал себя в безопасности, но при этом, так устав бояться, что скоро все признают о том, что я натворил, я спокойно ожидал. Я был готов к раскаянию. К подробному рассказу. Но ничего не происходило.

— Ты уверен, что ни с кем не нужно разобраться?

Я застыл. Моя ладонь сжала гладкую, холодную ручку двери. Я думал, что в раздевалке еще пусто, но услышал голос Кости. И я мгновенно догадался, с кем он разговаривает.

Не то чтобы я избегал Юру. Я просто не думал, что он придет. Воспоминание о нем в крови и грязи, подтягивающим к себе колено, на асфальте, было живо и сводило челюсть.

— Да, да, все окей, — сказал он.

Я толкнул дверь. Юра, судя по всему, сохранял в секрете то, что произошло, но я не понимал, как поступить мне. Удивиться его травмам? Спросить, как он себя чувствует?

Когда я вошел, Юра оглянулся. Он сидел на скамейке в джинсах и черном свитере. Юра не переодевался, и я догадался, что он пришел лишь посмотреть на тренировку. Это была обычная практика. В DL даже заболевшими мы всегда посещали занятия перед соревнованиями, чтобы знать, какие движения отрабатывает команда, меняют ли они что-то и на чем сделан акцент на тренировке.

Юра был в медицинской маске. Я знал, что он скрывает разбитые губы и, наверное, посиневший подбородок — я вспомнил, как ударил его в челюсть и он проверял сохранность зубов.

Я долго смотрел на него, и он, тяжело вздохнув и не выдержав затравленного взгляда, вышел из раздевалки. Я поплелся за ним. Мы остановились в коридоре.

— Ну? — Юра с вызовом вскинул голову. Его левый глаз был все еще немного заплытый, кожа под ним посинела, капилляры полопались и красным заволокли роговицу.

— Как ты?

— Лучше, чем было.

Я осторожно положил руку ему на плечо. Его свитер был мягкий, но плечо под ним жесткое, острое, напряженное.

— Есть какие-то... последствия?

— Нет.

— Твое плечо?..

— Нормально. Сильнее не повредилось.

— Хочешь меня ударить?

— Чего? Нет.

— Врешь.

— Ты идиот или что?

Я слабо, вымученно улыбнулся.

— А ты? — вдруг спросил он. В его голосе промелькнула нотка интереса. — Нашел своего тайного врага?

Я пожал плечами.

— Глеб ведь пытался все разнюхать. Так что... да.

Юра покачал головой.

— Конечно, он все разнюхал, рассказал Полине, осуществив свой коварный план, а утром закатил истерику из-за бутылки пива. Ты идиот. Это не вопрос.

— А кто тогда мог?

— Я, что ли, должен это знать?

— Нет, просто я подумал...

— Все, Никит, давай, разбирайся без меня.

— Нет, подожди...

— Отпусти меня.

Я мгновенно разжал пальцы, машинально ухватившиеся за его плечо. Юра ушел в зал и сел на пол, рядом с колонкой.

Там он и пробыл почти всю тренировку.

Это так забавно — то, как все обернулось в один миг. Несколько месяцев я считал Юру лишним, считал его человеком, способным подвести меня, предать, подставить, но в те две недели, как бы он ни отворачивался от меня, я чувствовал, что он тот, кому я могу довериться, кто знал меня столько лет, знал всю ситуацию, и он был тем, кому на нее плевать. По иронии судьбы сложилось так, что период, когда я ожидал от него подвоха, сменился периодом, когда он стал единственным участником команды, которого я ни в чем не подозревал.

Кроссы постепенно подтянулись. Пока мы разговаривали с Юрай, Костя ел свой протеиновый завтрак и пришел, как обычно, за пять минут до начала, Соня, Ваня и Гриша прибежали в приподнятом настроении и обсуждали то, как мы съездили на дачу. Каждый из них, разумеется, считал своим долгом поинтересоваться, что случилось с Юрай, но он не выдал меня.

Когда вошла Полина, я планировал отвернуться, но она поймала мой взгляд. Полина легко поздоровалась и улыбнулась, словно на даче ничего не произошло, словно мы не занимались сексом, а после она не повергла меня в шок одной лишь фразой. Полина была такой же, как обычно. Без изменений. И я горячо желал, чтобы он злилась на меня. Чтобы выглядела расстроенной. Чтобы ее лицо выражало хоть что-то, единую эмоцию. Но нет. Она быстро накрасилась перед зеркалом, встала на свое привычное место и начала разминаться.

Меня грызло ощущение, что что-то не так, каждый раз, когда я поворачивался в ее сторону. Я с силой разминался, раздражение клокотало во мне, я считал несправедливым то, что с ней не произошло никаких изменений. Будто я все надумал. Будто той ночи попросту не существовало.

Глеб на разминке тренировал свою хореографию. Он был недовольным и ворчливым, и я предположил, что Юра все-таки прав — если бы Глеб узнал мою историю, наверное, он был бы вне себя от счастья и с довольным лицом ходил бы вокруг меня.

Я отмел все подозрения, мысли и конфликты и сосредоточился на тренировке. Мы отрабатывали придуманный мной кусок. Я стал придираться сильнее, чем раньше. То, что я до этого допускал в исполнении Полины, — нарочитая небрежность — теперь меня напрягало. Я много раз поправлял ее,

корректировал построение, и в какой-то момент попросил ее одну исполнить восьмерку без музыки. Кроссы никогда таким не помышляли. Это было по части Лопахина — просить одного танцора исполнять проблемный кусок, пока другие смотрят, однако такая стратегия отлично работала. В конце концов, Полина поняла, в чем была ее ошибка.

— Почистишь нам эту часть? — спросил я.

Юра поднял на меня взгляд.

Я собирался сделать это сам, но подумал, что Юра все равно не тренируется, и мне бы тоже не мешало отработать движения на скорости. Специфика чистки в том, что хореограф “вычищает” хореографию, чтобы у всех членов команды движения стали синхронные, правильные и одинаковые, но так как у кроссов не было как такового тренера, чистил обычно тот, кто придумал кусок, который необходимо отработать. Это не всегда было удобно.

— Я никогда не чистил, — нервно поправив маску, сказал Юра.

Я улыбнулся.

— Ничего страшного.

Я передал ему плеер, и Юра встал напротив нас.

Несмотря на неуверенность в начале, он быстро включился в процесс. Он танцевал эту часть хореографии блестяще и знал, под каким углом, с какой скоростью и силой нужно выполнять каждое движение. Юра оказался дотошным и терпеливым. В его изучающем взгляде не было ничего напрягающего, он не сбивал и не сковывал.

— Эта часть быстрая, поэтому под музыку начинается рассинхрон, — говорил он. — Давайте еще раз без. Под счет. Готовы? Три, четыре...

Юра долго гонял нас без музыки, и кроссам явно было это непривычно. Тогда я понял, что слишком подстраиваюсь под них, под их модель ведения занятий. Их особенность была в том, что они делали то, что хотели, и избегали нудного, скучного повторения. И я будто стеснялся вырываться из их общей волны, но Юра, натренированный школой DL, не до конца схватывал их обычный ритм, и его спокойная настойчивость была эффективной.

— Вот здесь, Сонь, ты приходишь в точку движением, а нужно, чтобы ты как будто делала бросок рукой, понимаешь? Не останавливай ее. Бит же продолжается, пускай она движется. В остальном все отлично, особенно по скорости.

Я оперся на колени, часто дыша. Мы, наконец, начали танцевать кусок под музыку. Я вытер лицо футболкой. Зеркала зала запотели.

— Кость, одно лишнее движение рукой, когда уходишь в партер. Полин, а у тебя на этом движении рука слишком прижата к корпусу, просто расслабь ее. Глеб, у тебя все отлично, теперь понаблюдай за формами, чтобы они были точнее. Сонь, следи, чтобы руки были здесь девяносто градусов. По музыке теперь немного торопитесь из-за того, что боитесь опоздать. Никит, покажи на пальцах, как нужно.

Я руками обозначил биты. Кроcсы сосредоточенно смотрели на меня, кивали. Мы продолжили. Шел третий час.

— Уже сильно лучше. Вань, тяжеловато, обрати внимание на шею, не сковывай ее, и пойдет все нормально. В затяжке добавьте фактуры.

Я руками разминал забившиеся мышцы бедер.

— Вы как? Хотите отдохнуть? Окей, тогда включаю еще раз. Готовы?

Мы тренировались каждый день. После понедельника, когда мы чистились под руководством Юры, отработки стали более результативными. Я, наконец, расслабился и начал чистить их и тренировать без оглядки на стиль Гриши. Во мне появилась требовательность, которую до этого я боялся проявлять в полной мере. Я вслед за Юрой перестал включать им музыку, пока у нас не получалось все синхронно сделать под счет, взял на себя разминки, чтобы с такими нагрузками, как сейчас, у них не возникло травм, и мы не переходили к следующему куску, пока предыдущий не получался филигранно. Также мы стали танцевать отрезки хореографии по одному или по двое. Так повышался градус ответственности, и можно было легче заметить ошибки.

С четверга Юра присоединился к нам. Он снял медицинскую маску, но оставался в лонгсливе с длинным рукавом, пластырь, который я не сразу заметил за его волосами, закрывал повреждение на его виске.

Мысль о Полине и моем секрете беспокоила меня, но фоново. Мое внимание было полностью сконцентрировано на танцах, я не занимался ничем, кроме них, и лишь изредка появлялся на парах в университете.

В субботу у меня выскочило колено. Оно хрустнуло и пронзило болью, когда я замахивался для прыжка. Я дотанцевал, но боль не пропадала, оно было расхлябаным при ходьбе. Юра зафиксировал его эластичным бинтом и дал мне обезболивающее, но до конца занятия мне пришлось сидеть в углу.

— Что-то ты совсем стал хиленький, бледный, как сиротка, —
причитала соседка Вера. Ее собака прониклась моим присутствием и сидела у меня на руках. Я не заходил к ней уже много недель и накупил сладостей на четыреста рублей в качестве извинений. — Так на тебя посмотришь — и диву даешься. Такой парень! Статный, высокий, темноволосый. Таких девочки любят.

— Прям жених?

— Не перебивай! Не договорила. Теперь “но”.

— А я думал, нету “но”.

— У всех мужчин, так называемых, есть “но”, Никита. Вот, например, первый муж мой. Красивый был. Как пить дать, красивый. И цветы дарил, и смысленный такой, и по бабам — никогда в жизни. Даже трактор водить умел.

— Но?..

— Но застрелился.

Я медленно моргнул.

Я не знал, что сказать, а Вера отмахнулась.

— Время такое было, — сказала она. — Брежnev сказал воевать — а мы и пошли. Вот тебе и “но”.

За неделю до соревнований нам прислали список всех участников. Как и предполагалось, самых известных команд среди них не было. Это пусть и давало нам фору, но расслабляться было нельзя, противники оставались сильными. Я, погруженный в свои проблемы, не сделал ни сольное выступление, ни дуэт с кем-нибудь из кроссов, хотя собирался поучаствовать в нескольких номинациях. Любое привлечение внимания к нашей команде

могло сыграть нам на руку. В списке с сольными выступлениями были Соня, Глеб и Полина.

— Ты ведь хотел участвовать, — сказал я, просматривая таблицу в телефоне. Мы стояли у студии. Юра курил. — В сольниках тебя нет.

— Я не успел сделать хореографию, — ответил он. — До дачи. А потом не смог тренироваться.

Холодок пробежал по спине. Я осознал, какой дурацкий вопрос задал, осознал, что Юра все еще не тренируется в полную силу, и я почувствовал, как мои костяшки, спрятанные под бинтами, будто заново, как тогда, загорелись.

Он повернулся ко входу в студию, и я поймал его за рукав куртки.

— Прости меня.

— Ты уже говорил это.

— Юр...

— Что, Ник?

Юра комкал бычок пальцами. Его голос не изменился, но по его взгляду я заметил, как он начинает злиться.

— Хочешь, я помогу тебе сделать хореографию?

Он вскинул брови. Я понял, что сказал что-то не то.

— Ты серьезно? — Юра усмехнулся. В этом смешке было что-то неправильное. Болезненное. — Не переживай. Я думаю, нас пригласят в лагерь и без моего соло.

Он снова дернулся, чтобы уйти, и вырвал рукав из моей хватки. Я застыл, смотря на его спину, смысл его слов дошел до меня не сразу, но когда я осознал, то бросился вслед за ним.

— Дело вообще не в этом! — торопливо сказал я. — Ты что, реально думаешь, что я спрашиваю, как ты, потому что, типа, просто боюсь, что ты не сможешь танцевать?

Юра, не двигаясь, смотрел на меня. Его взгляд ничего не выражал, но я вспомнил, как он сдавленно он говорил про соревнования, лежа на земле.

— Дело вообще не в этом... — растерянно повторил я. — Я просто помню, как ты рассказывал, что хочешь соло. Я подумал, что если помогу...

— Я хотел, потому что оно бы увеличило шанс получения приглашения в лагерь.

Я выдохнул.

— Я беспокоился не потому, что ты мог что-то там не станцевать.
Правда.

Юра медленно кивнул. Его пальцы теребили лямку рюкзака.

— Окей, — больше, чем обычно, растягивая гласные, ответил он. — В любом случае, я уверен, мы получим приглашение и без моего соло.

Я в этом не был так уверен.

С приближением соревнований мои нервы сдавали.

За три дня я переделал кусок в двадцать секунд. Я понял, что предыдущий плохо звучит по музыке, и мы все выучили и отработали заново. В тот же день я поменял построение. Гриша, Юра и Глеб схватывали материал быстрее других. Я сместил Соню с центра, поставил на ее место себя и вывел вперед Юру и Гришу.

Я не понял, в какой момент к моему, а не к гришиному плееру стали подключать колонку. Я давал им время на разминку, а потом говорил, с какого куска мы начинаем отработку.

— Сильнее! — Мой голос тогда будто становился громче, я, охваченный волнением и стремлением к победе, забывал обо всем. Для меня перестало иметь значение, кому именно я делаю замечание, что подумают обо мне кроссы. — Сейчас было не очень. Если вы будете танцевать с такой силой, мы не попадем даже в тройку.

Я на соревнование шел с четкой целью — победить.

— Ты можешь сделать двойное? — спросил я Юру на предпоследней тренировке. Сальто назад — единственный прыжок, который Юра соглашался делать.

Он дышал, опираясь на колени, и загнанно смотрел меня. Юра все еще ходил с длинным рукавом и уставал гораздо больше, чем раньше. Меня укололо виной.

— Ладно, прости. Я уже парюсь. Просто тут по музыке, когда ты делаешь сальтуху, остается еще немного времени, но, наверное, я уже слишком придираюсь. Глаз замылился.

— Надо раньше начинать по музыке? Для двойного сальто?

— Нет, просто быстрее делаешь.

Юра задумался.

— Слушай, я знаю, что ты сейчас не в том состоянии, чтобы это отрабатывать. Так что можем оставить, как есть.

— Я сделаю, — сказал Юра. В его голосе не было неуверенности. — Это не проблема.

На этой же репетиции, пока мы разбирались с Юрой, Глеб принялся спорить с Гришой. С Гришей до этого на моей памяти никто не спорил. Глеб мог строить недовольное лицо, ругаться с другими членами команды, но последнее слово оставалось за Гришой, и, в конце концов, Глеб делал так, как он просит.

— Тут нет точки! — громко сказал Глеб. Я повернулся. Они обсуждали ту часть, которую исполняли вдвоем.

— Чувак, переслушай этот момент, я тебе отвечаю...

— Никит, подойди сюда!

Глеб никогда не звал меня и, тем более, никогда не привлекал с целью, чтобы я встал на его сторону. Если он так сделал, то наверняка был полностью уверен в своей правоте.

Когда я подошел и Глеб показал разницу движений, я одобрил его вариант.

— Ладно, — сказал Гриша. Впервые в его голосе я различил раздраженные нотки. — Давай сделаем так.

На генеральной репетиции мы тренировались семь часов.

Именно после нее между мной и Ваней случился разговор, в котором он признался, что не чувствует в себе склонности к танцам.

— Не, Никит, я серьезно. Что-то вот не то, сечешь? Я занимаюсь, сколько себя помню. Опыт у меня есть, а таланта нет. Просто так распорядилась судьба. Вот, что я думаю.

Это было странно. Завтра нас ожидало выступление, решающее судьбу команды, а Ваня рассказывал о своем отсутствии таланта. Мы курили на площадке около студии, привычном нашем месте, и я крутил в руках бычок, пытаясь сформулировать ответ.

— Мы последние месяцы тренировались нон-стоп, — сказал я. — Вань, ты сейчас устал. Просто слишком много было танцев в твоей жизни. Вы хотя бы раз тренировались перед соревнованием так усердно?

— Я и правда устал. — Он кивнул. В тот момент я болезненно почувствовал, что отдалился от него. До этого я мог поделиться с ним любой проблемой, но ситуация с Полиной и Юрай заставила меня закрыться. К тому же, меня волновало то, что рассказала Соня — о ее подозрениях в чувствах Вани к Полине. Теперь я не знал, стоит ли мне его спрашивать об этом, можно ли заикаться о Полине. Куча вопросов, сомнений и недосказанностей скрывались под моими мыслями о танцах. — Но ведь не в этом суть.

— Ты накручиваешь себя.

— Брат, ну, ты мне скажи. Честно. Ты что, так не считаешь?

Конечно, я почти с самого начала так считал. Я знал, что в Ване чего-то не хватало. Я прикусил язык. Этот диалог мне не нравился.

— Главное не склонность, а результат, — уклончиво ответил я.

Ваня рассмеялся.

— Виртуозно ты уходишь от ответа.

— Я не ухожу. Кто я такой, чтобы что-то говорить о таланте? Я могу только видеть результат. И он у тебя есть.

— Ты уходишь, потому что знаешь, что я прав.

Он разговаривал легко, беззлобно иронично, дружелюбно.

Как бы наши отношения ни менялись, я сильно дорожил им.

— Даже если так. Я знаю кучу танцоров, которые загубили свой талант. Он становится неважен, когда ты начинаешь усердно заниматься. Как сейчас, например.

— Он неважен до тех пор, пока в соперниках у меня не появятся люди, в которых сочетаются и талант, и трудолюбие.

— Таких мало.

— А ты?

Я запнулся.

— Не знаю.

На утро Ваня разбудил меня звонком. Чтобы не допустить прошлой ошибки, я пришел на вокзал за полчаса. Там на лавочке уже валялся Гриша. Я сел рядом с ним и закурил.

— Неделю назад, вот, с такой девчонкой познакомился, — рассказывал он. Я лениво моргал, пытаясь не отключиться. — Она сказала, что будет смотреть наше выступление. Прикинь?

— Она из Москвы?

— Не, потом, в видеозаписи.

Я хмыкнул.

— У нее мало того, что все при себе, сам понимаешь, так еще и эта... заинтересованность. Не знаю. Круто это. Я прям воспрял духом. Знаешь, и так, конечно, победить хотелось, но для Ритки-то особенно. Не упасть в грязь лицом.

В поезде я все-таки вырубился.

Мы доехали до площадки, в которой я бывал много раз, пока DL считались подростковой командой и участвовали почти во всех, а не только в самых крупных соревнованиях.

Я был ужасно напряжен, пока разминал мышцы. Наша хореография была вычищена пусть не идеально, но гораздо лучше, чем раньше. Однако меня не покидало стойкое ощущение, что что-то пойдет не так.

Меня подташнивало. Я никак не мог собраться.

— Почему ты так переживаешь? — спросила Полина.

Это был наш первый диалог за две недели после дачи. Не то чтобы Полина вела себя как-то иначе. Просто я не проявлял инициативы в общении и даже немного избегал ее.

— Какое-то странное предчувствие, — скомканно ответил я. — Но я уверен, все будет хорошо.

— Интересно… — Полина склонила голову. — Обычно ты таким не помышляешь.

— Каким?

— Всякими предчувствиями.

— Да, это какая-то херня.

— А я думаю, это все-таки важно.

Я предполагал различные исходы того, что все-таки может пойти не так.

Мы прогоняли хореографию, и я переживал о каждом менее отработанном моменте, прокручивал в голове места, в которых мы ошиблись в прошлый раз.

Мое стремление все предусмотреть выглядело истеричным.

— Гриш, Глеб, давайте еще раз свою часть? Я посмотрю.

— Кость, можешь перед уходом в партер четче сделать наверху?

— Давайте еще три раза. Потом полчаса отдохнем.

— Юра, ты как? Успеваешь прыгнуть по музыке?

— Вставайте в построение на втором треке. Я проверю рисунки.

За кулисами, наблюдая за другой командой, я проверял шнурки на ботинках. На это соревнование Соня полностью занялась нашими костюмами. Она не только придумала толстовки, но и заказала нам широкие серые штаны и приделала к ним ремни, крепящиеся вокруг одной ноги.

Мы встали в круг и по традиции прокричали название нашей команды. Я сжимал руки Вани и Гриши. Они были теплые, влажные, немного дрожащие и сильные.

Мы вышли на сцену.

Мой страх отступил.

Я быстро оглядел построение. Кроссы встали правильно. Первым нашим рисунком был треугольник. Я стоял сзади, чтобы на динамичной части прыгнуть вперед, Юра — по центру, между Гришой и Полиной.

Дыхание было свистящее. Я ждал, пока нам включат музыку, и слышал, как кроссы дышат впереди меня.

Мы вступили сразу с силой. Первые десять секунд я наблюдал за ними с задней линии. Юра ожидаю захватил внимание — как только он ускорился и чуть вышел вперед, зал взорвался, их крики были такими громкими, что едва не перебили музыку.

Это подстегивало меня. Мышцы горели. Тело двигалось само. Хореография была вбита в него. Все, о чем я думал, — это то, как я хочу станцевать. Так, чтобы не жалеть о своем исполнении. Так, чтобы зал кричал, кричал, кричал, так, чтобы им запали в душу только мы, так, чтобы они смотрели на меня, на нас, чтобы никто не вспомнил ни одну из команд после нашего выступления.

Я любил танец. Я любил каждого, с кем стоял на сцене. Я любил каждого, кто смотрел на меня. Я был там, где должен быть всегда.

Я в центре. На меня куча внимания. Я улыбался.

Сильнее, сильнее.

Гриша и Глеб вышли вперед. Они блестяще исполнили парную часть.

Сильнее, Никита, давай, давай, ты можешь сильнее. Давай, давай, давай.

Я вбивал телом каждый бит, я не чувствовал пота, который катился по моей спине, не чувствовал боли в горле от прерывистого дыхания, не чувствовал, как ноют суставы.

В следующей части было сложное построение, и я бегло проверил рисунок, но кроссы сделали все правильно, Полина вышла вперед, музыка сменилась на более медленную. Полина опустилась на пол, вместе с Юрай и Костей в своей манере выполняя партерную часть, пока мы остались на верхах.

Все шло, как надо, все шло, как я планировал.

В конце была самая сложная, быстрая часть, которую я придумал и изменил за несколько дней.

Перед ней Юра прыгнул. Мое сердце замерло, но он легко приземлился на ноги после двойного сальто, филигранно сделал это по технике и по музыке, и в зале засвистели, закричали, и их крики усиливались по мере ускорения части, я улыбался, я чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Но мое предчувствие оказалось правдивым.

Просто все это время я думал не о том.

Кроссы действительно не сделали грубых ошибок.

Все не так пошло именно у меня.

На моменте быстрой части, когда была прокрутка на колене, я понял, что не могу с него встать.

Боль была острой, резкой, пронзающей.

Я не мог пошевелить ногой.

Дыхание застыло. Время будто замедлилось.

Я, как из-под толщи воды, слышал продолжающуюся музыку.

Повезло с тем, что я стоял в центре. Я выбился из общей картины, но тело само отреагировало — я ушел вниз, делая вид, что так и должно быть, что, пока они продолжают танцевать, я в затяжке, так я пропустил пару битов, несколько секунд, но мне нужно было встать, мне нужно было продолжить, я не мог разогнуть ногу, музыка продолжалась, они двигались, они двигались повсюду, люди смотрели на меня, и я резко, зажмурившись, оттолкнулся потными ладонями от пола и встал.

Я машинально дотанцсовывал последнюю часть. Мое колено было разболтано, каждый раз, когда я переносил вес на ногу, оно норовило подогнуться, его пронзала судорога, я чувствовал, как оно словно соскаивает, не держится на месте.

Мы встали в последнюю позицию.

Музыка закончилась.

В моем рту был привкус крови.

Мы поклонились.

Я не знал, как мне уходить со сцены.

Я слепо потянулся к Грише. Он, не задавая вопросов, придержал меня за плечо.

Как только мы оказались за кулисами, я согнулся. В глазах потемнело от боли.

Хуже для моего колена было не то, что оно снова выпало, а то, что я, нагрузив его сильнее, продолжил танцевать.

— Ник? — Я сквозь музыку и крики услышал голос. Я понял, что сижу, они когда-то успели посадить меня на скамейку, юрина рука крепко сжимала мою голень. — Никит, расслабь ногу. Давай, расслабляй.

На том соревновании мы заняли второе место.

Не знаю, повлияло ли на результат то, что я сбился на самом сильном моменте номера, или же соперники просто лучше исполнили материал, но факт оставался фактом — впервые человеком, который подвел на выступлении, которого подвело собственное тело, стал я. И это бесповоротно что-то изменило во мне.

Через шесть дней после соревнования нам пришло письмо с приглашением в лагерь.

Именно в нем я жаждал отыскать ключ к победе над DL, и именно в нем случится то, что впоследствии приведет нас к сокрушительной трагедии.

Конец первой части

2 часть

Команда KROSS

Не нужно было выходить на эти баттлы.

Региональные, особо никому не нужные, посвященные дню города.

Я и не собирался.

Младшая сестра взяла меня на слабо.

Городские баттлы меня не интересовали. Я их победил. Получил медальку. Планировал поскорее уйти и забрать свои на спор поставленные две тысячи.

Но ко мне подошел он.

Он говорил быстро, сбивчиво, тупо формулировал предложения, активно жестикулировал и мастерски вешал мне лапшу на уши. Я был настолько растерян, что пару раз кивнул, он пожал мне руку, обрадовался, и вечером того же дня меня добавили в беседу.

Беседу команды.

В которую я как-то попал.

Это произошло в середине лета, и первый раз мы встретились в конце августа.

— У нас был уже один совместный год, но сейчас мы, вот, набираем состав, — сказал он. — Я, если честно, сам в шоках нахожусь, какие у нас ребята крутые. Ты когда со всеми познакомишься, ошалеешь.

Я скептически посмотрел на него.

Скрестил руки. Выдохнул.

Я знал, что никаких звезд здесь не увижу — так и оказалось.

Этот парень, Гриша, был неплохим, талантливым, но явно не дотягивал до того уровня, к которому я стремился. Костю я знал, мы часто пересекались на соревнованиях, даже сталкивались на баттлах, и я помню, как в детстве ему проиграл, а уже в пятнадцать — победил. Ваню и Соню я тоже смутно

помнил, и они были прикольными ребятами, но ничего выдающегося не делали, Колю, новенького пацана, который пришел вместе со мной, я не видел раньше.

— Ты не думаешь, что вас слишком мало? — спросил я.

Гриша театрально удивился.

— Нас, а не вас, Глеб!

Я дал им шанс.

Тогда это казалось достаточно интересным. Я познакомился с другими неплохими танцорами, у меня было много свободного времени, чтобы тратить его на всякую чепуху, кроссы, как они себя называли, много не требовали и делали комплименты моим хореографиям.

Через пару месяцев я осознал, что это дохлый номер.

Октябрь. Я собирался уйти из команды.

Я понятия не имел, как это правильно сделать. Написать им в беседу? Просто выйти? Объявить на тренировке? Сказать лично Грише?

Наши тренировки были не то чтобы плохими, кроссы не провинились и не оказались хуже, чем я думал. Но у меня не хватало на них времени. Я понимал для себя четко, просто — в моем приоритете другое. Мы не сможем дать друг другу то, что необходимо. Я не могу вкладываться в кроссы, не могу уделять им достаточно внимания. Я не хочу этого делать.

Одиннадцатый класс. ЕГЭ. Мое расписание было заполнено.

Каждую неделю я ходил на элективы по подготовке, каждую неделю решал дополнительные варианты, каждую неделю посещал разные танцевальные классы. Я снимал зал в одиночку, готовил свои номера. Ходил в ПРО группу к лучшему хореографу нашего города. Набирал все мастер-классы, особенно выездные, каждый день проверял паблики, чтобы успеть купить место к тренерам из Москвы или Питера.

Меня не хватало на самодеятельность кроссов. Я знал, что она ни к чему не приведет.

Да, с ними весело. Да, они делают что-то необычное, интересное.

Да, да, да.

Проблема в том, что это не то, что нужно мне.

Когда через год я буду проходить кастинги в московские команды, кроссы мне никак не помогут. Их подход отличался от подходов в настоящих коллективах, которые каждый год ездят на зимние сборы и выигрывают главный российский чемпионат.

Мне неловко говорить об этом Грише, но худшая часть кроссов, которая преследует меня почти с момента появления, — это Соня.

Ужас начался тогда, когда Соня узнала, что мы учимся в одной гимназии. Она посчитала это отличным шансом для огромного количества ненужных коммуникаций. Видеться в перерывах. Встречаться после уроков. И самое неприятное — вместе идти до студии после школы.

— Странно, что я ни разу не видела тебя! — сказала она в первую такую прогулку. Идти было двадцать минут. Двадцать минут без музыки. Двадцать минут личного разговора.

— Я в гуманитарном классе, — ответил я.

— О, прикольно! На кого собираешься пойти?

— Не знаю.

Я знал.

— Да, вообще, это трудно понять! Знаешь, как говорят, вот, в семнадцать лет уже нужно сделать выбор всей своей жизни. Блин, а как же так? А если я вот сейчас выберу, а в тридцать передумаю работать на этой работе?

— Передумаешь, значит, передумаешь.

— Просто, знаешь, сейчас же самая молодость. Как говорится, да, мне вот никогда не будет семнадцать, это лучшие годы. Не хочется тратить на всякие экзамены, всякие...

Я решаю начать с Сони.

Предполагаю, что она станет возмущаться больше остальных, когда узнает о моем решении.

Но, в конце концов, я кроссам ничего не должен. Я им ничего не обещал. Я и в августе был не уверен. Я честно сказал это Грише, и Гриша

уверил, что первые месяцы ни к чему меня не обязывают, что по необходимости я всегда могу уйти.

Пока мы шли до студии, я сказал Соне о том, что мне становится все труднее и труднее совмещать учебу с командной работой, что через год я планирую уехать, что не готов максимально вкладываться, но все это прошло мимо нее.

— Да тебе просто сейчас тяжело с непривычки, — сказала она. — Вон, ты знаешь, у нас Костя, вообще, ездит из области, чтобы на тренировки ходить!

— А что, его шарага не предоставляет общагу?

— Колледж, — поправила Соня.

Я закатил глаза.

— Колледж.

— Я не знаю точно, — ответила она. — Он квартиру, возможно, будет снимать. — Соня сказала это с таким восхищением, будто Костя собирается снимать не какую-нибудь комнату в заволжском районе, а пентхаус в Рублевке.

Мы пришли в зал первые. Соня показывала мне кусок придуманной хореографии, пока я сидел напротив и обедал йогуртом.

— Ну как?

— Нормально.

— Глеб, скажи честно!

Я отложил упаковку.

— Ну... Постарайся успокоиться, — посоветовал я. — Ты пытаешься слишком эмоционально сделать, и все тело становится расхлябанным. Просто выдохни, успокойся.

Я размялся, пока никого, кроме Сони, нет, просунул наушник, отработал то, что вчера придумал в комнате. Вдохновение пришло ко мне в час ночи, и сегодня у меня — первая возможность исполнить свою хореографию в полную ногу.

Прежде, чем танцевать под музыку, я проверил позиции и ровность линий, мелкие движения, углы. Попробовал под трек. Поставил телефон. Пересмотрел.

В моей голове, конечно, все выглядело лучше. Особенно ночью в комнате.

На половине хореографии у меня немного полетела техника.

Пока кроcсы заходили в зал и разминались, я еще стоял в углу и скрупулезно, раз за разом, повторял каждое движение.

Мой тренер в детстве однажды сказал фразу, которая въелась мне в голову.

Пусть у вас за тренировку будет готово не три восьмерки, а одно движение, но это движение будет правильным, правильным на все сто процентов — это будет движение, которым вы захотите гордиться.

Невозможно не научиться делать что-либо, если повторишь это сотню раз.

Я повторял, повторял, повторял, чтобы движение выглядело так, как оно выглядит в моей голове, и когда у меня получилось, я повторял еще, вбивал в мышцы правильность, ту версию, которую мне не стыдно показать другим.

Краем уха я услышал, как кроcсы произносят мое имя. Повернулся.

Они не звали меня, но Соня упомянула в разговоре с Гришей, поэтому я подошел ближе.

— Глеб посоветовал мне меньше эмоциональности, — сказала она.

Гриша кивнул.

Затем, пока все повторяли номер, подошел ко мне.

— Будь осторожнее с Соней, — сказал он. — Просто, чувак, ты же видишь, какие мы.

— Какие?

— Разные.

— И что?

— Замечания — это круто, но главное — не загубить индивидуальность. Сонька может станцевать лучше, но так ярко и эмоционально, как она, не станцует никто. Чувствуешь разницу?

Я действительно почувствовал разницу.

— Я приму к сведению, — сказал я.

В какой-то степени, Гриша был прав. Мы были не командой в привычном ее понимании, кроссы были как сорница — сорница разных пластик, разных видений, разных подходов, которые сошлись вместе не из-за похожести, а лишь потому, что в нашем городе мы лучше всех. Я бы меньше всего хотел, чтобы мне говорили, как нужно танцевать, чтобы рушили мой подход, поэтому я не претендовал на истину в обратной связи к другим. То, что мне нравилось в кроссах, — так это поле для творчества, свобода в проявлении. Наверное, если бы не это, я бы ушел из команды в первый день.

Я вынул наушник, когда наступил момент отработки хореографии с кроссами. Встал в построение.

Мне нравилась наша хореография. Кроссы, как по мне, недостаточно старались, но сам материал был яркий, интересный, и это было еще одной причиной, по которой мне было так тяжело просто взять и уйти из команды.

Кроссы, без вопросов, вставили в хореографию мой кусок. На Ване он смотрелся особенно хорошо, гладко, как будто это он его придумал, и я предложил нам с Ваней встать в центр, а остальным — в треугольники.

В ходе тренировки я и забыл, что не собирался сильно вкладываться, я танцевал в полную силу, внимательно следил за техникой, поправлял других.

В перерыве я ушел в раздевалку, чтобы начать сочинение для электива, но, в итоге, не смог сосредоточиться и вернулся в зал.

Когда я вошел домой, во мне продолжало гореть желание придумывать, танцевать. Я быстро посидел за семейным ужином и закрылся в комнате. Распахнул дверцу шкафа, в который поставил большое зеркало для удобства танцевать, и включил трек в наушниках.

Покрытие пола у нас было неудобное, я десятки раз обдидал о них колени и локти, но я быстро переключился на волну музыки и забыл об этом. Я и не заметил, как фантазия охватила мое сознание. Я представил, как

выхожу на московский кастинг, как судьи сначала смотрят в телефоны, а потом я начинаю танцевать, и они замирают, кто-то вскакивает со стула, все хлопают, кричат, а в конце они спрашивают, откуда же я такой появился, почему не приходил к ним раньше.

Мою иллюзию разрушил стук дверь.

— Глеб! Глеб! Ты будешь торт? Мама сказала тебе оставить, но я думаю...

— Я буду! — раздраженно ответил я.

Выдернул наушник. Отпер засов.

Рядом с сестрой в дверях появилась и мама.

— Глеб, а чего ты закрываешься? От кого прячешься?

Она заглянула мне за плечо.

— Может, помочь тебе убраться?

— Не надо мне помогать!

— Нет, ну, просто хотя бы носочки...

— Да все у меня нормально!

Мы неплохо общались с новеньkim Колей, но он был полным снобом. Коля всегда скептически относился к выбору треков кроссов, находил какую-то странную музыку, которая никому не нравилась.

Также его хобби былоходить на местные поэтические слэммы и смеяться над стихами. Все его друзья были старше его, и когда он узнал, что я учусь в гуманитарной гимназии, он попытался максимально заманить меня в тусовку, но я так ни с кем и не нашел общий язык.

С Костей мы общались катастрофически мало, и я периодически посмеивался над ним, но все эти небольшие взаимодействия были приятными. Что нельзя было сказать о Соне и Грише — несмотря на открытое дружелюбие, с ними порой я уставал так, как не уставал после восьми уроков.

Но самое странная коммуникация — это коммуникация с Ваней. Все началось с того, что мы поругались на второй неделе знакомства.

Это произошло по тупой причине — мне не понравилось, как он разговаривает с сотрудником в KFC. Несколько моих школьных друзей работали в общепите, и я питал солидарность ко всем, кто в нем работает, поэтому, когда Ваня грубо отчитал официанта за неправильный заказ, я решил наехать на него.

— Может, у вас так принято, — сказал я. — Но можно и поуважительнее разговаривать.

Ваня медленно обернулся. Его взгляд был тяжелый и душащий.

— У кого это “у вас”?

Я понял, что допустил неосторожность. И я не знал, какой он национальности.

— Я не знаю, кто твоя семья, но... — Я запнулся, и Ваня мгновенно перебил меня.

— Меня зовут Ваня, — спокойно проговорил он свое имя почти по слогам. — А у тебя есть какие-то вопросы к моей семье?

У Вани был небольшой пунктик на этом. Как я понял позже, тему семьи и национальности с ним затрагивать не стоило. Я не знал, в чем конкретно было дело. Ваня мог много болтать в компании, но он никогда не откровенничал, в его словах никогда не чувствовалось искренности и открытости.

Как-то в разговоре я услышал, что у его отца было русское имя. Также однажды Ваня сказал:

— Да во мне русского больше, чем в тебе.

Это все было под общий смех, в шутку. Но я не смеялся, не вовлекался в диалог, а потому и заметил. Это нарочитое стремление к какой-то странной “русскости”, определенно, осложняло Ване жизнь. Мне это даже немного доставило удовольствие — мысль, что хоть что-то осложняет Ване жизнь.

Во всех других сферах Ваня был беспечен. Однажды я зачем-то разговорился с ним про политику, и это было настолько по-идиотски, что я пожалел почти сразу, как присоединился к этой теме.

— Глеб, скажи, а ты читал “Капитал”? — спросил Ваня.

Мое терпение трещало по швам.

— Я читаю художественную литературу.

— И что ты читаешь? Пушкина?

— Какая разница?

— Ну, ты хотя бы почитай Горького, что ли, раз ты художественная, художественная. Знаешь Максима Горького?

— Я знаю побольше, чем школьная программа, Вань, прикинь? А тебе советую иногда читать не только литературу, которой пели дифирамбы в Совке!

— Да что ты имеешь...

Диалогов с Ваней не выходило, да и я особо не пытался. Ваня тоже.

В Ване был один плюс — он не лез, когда видел, что нам не по пути.

Ему, в отличие от Сони или Гриши, было плевать на меня. Он десять минут после тренировки стоял в нашей компании, выкуривал пару сигарет, садился в свою машину и уезжал. Это мне в нем нравилось.

— Всегда сложно создавать что-то с нуля, — бормотала Соня, пока мы шли к студии. — Гораздо легче присоседиться к какой-то уже, типа, крутой команде, чем изобретать, как мы, что-то новое.

Я лениво жевал жвачку.

— Разбиться в лепешку даже без гарантии результата? — спросил я.

— Ну знаешь, Глеб, я вот готова ради ребят разбиваться в лепешку. Это круче, чем просто прийти на все готовенько!

Я считал Соню в своей жизни едва ли приятельницей, но кем она считала меня было неясно. Долгое время я думал, что ей просто нужна компания для пустой болтовни по пути к танцевальной студии, но однажды вечером она заявила ко мне домой.

Она знала, где я живу, потому что мы как-то встречались после школы.

Соня позвонила нам в квартиру в десять вечера, на ее плечах висел рюкзак, она была в слезах и явно не собиралась уходить к себе на ночевку.

— Потом мама сказала: “Да и катись, куда хочешь”, — шмыгая, рассказывала она. — Они совсем не понимают просто. Я ведь говорю совсем о другом. Разве непонятно? Я просто так больше не могу.

— Блин...

— Да. И потом она еще такая: “Ты ведешь себя, как пятилетний ребенок”. А ничего, что это она себя так ведет? Она просто не пытается меня выслушать, у них там свое на уме.

— Они хоть знают, куда ты ушла?

— Ну да, я сказала, что к тебе. Вообще, я хочу в общагу просто съехать и все. Мне просто так надоело это. Я пропишуся где-нибудь в ебенях и съеду. Просто съеду. Как думаешь?

— Хорошая идея.

Моя учеба ухудшилась. Тренировок перед ноябрьскими соревнованиями становилось все больше. Это был первый выход кроссов в полном составе, работы предстояло очень много.

За сочинение мне влепили тройку. Я напрягся. Мне нельзя было расслабляться. Я должен был идеально сдать ЕГЭ.

Я стал оставаться после уроков, решать варианты, относить их учительнице. Хореографии придумывал по ночам в комнате, папа периодически стучал в мою стену, когда я неловким движением задевал шкаф или комод и будил всю семью.

Дни смешивались. На разминках мне чудились бланки ЕГЭ. Техника иногда летела от усталости, но сочинения выходили все быстрее и быстрее.

Мама оплатила мне подготовительные курсы по английскому, и я стал по субботам ходить еще и туда.

Мне стоило уходить из команды. Я говорил это себе раз за разом. Пока сидел с ними в зале, пока отрабатывал их материал, пока плелся с Соней, пока зависал с Колей.

Мне в кроссах было не место.

Я желал начать новую жизнь, и новая жизнь уже маячила передо мной.

Мне нужно было отказаться от кроссов.

И я выбрал себя в один из самых ответственных моментов в команде.

Это была неделя перед ноябрьскими соревнованиями. У нас оставались последние репетиции.

Я сидел за компом, учил лексику на английском, когда на телефон мне пришло уведомление.

Освободилось место. Освободилось место на московских классах. На крупных московских классах очень крутых хореографов, к которым я мечтал попасть и к которым все было выкуплено за первые пару часов.

Я вскочил.

Вбежал в родительскую комнату.

— Мам, я тебе верну! Можешь, пожалуйста, просто прямо сейчас надо оплатить, тут иначе все разберут, можешь вот...

Я стоял на вокзале.

Вместо уроков, вместо репетиций с кроссами.

Я очень хотел попасть на эти классы, я хотел позаниматься с людьми, у которых планировал танцевать в следующем году.

Я ехал и думал о том, что мне нужно хорошо подготовиться, а потом я перееду и начну ходить на кастинги в команды, мне нужно сдать экзамены, и тогда начнется, тогда начнется настоящий танец, настоящая жизнь.

За время в электричке я успел решить два варианта и выучить стихотворение. Я идеально рассчитал время, чтобы доехать до студии и переодеться, загрузил в телефон карту, но, конечно, все пошло не по плану. Я заблудился в метро, всю дорогу бежал и вошел в студию уже мокрый, потный и задыхающийся.

Все немного раздражало, я настолько громко и резко назвал свою фамилию, что девушка за стойкой смутилась и спросила, все ли у меня в порядке.

Однако на классах все наладилось. Когда я вступал в танец, когда выдыхал и расслаблял мышцы, чтобы начать разминку, внутри все успокаивалось.

Я встал во вторую линию. Всего их было пять. Зал казался мне огромным.

Атмосфера была невероятная: яркий свет, зеркала в пол, куча незнакомых танцоров, все синхронно разминались, учили материал. Я

чувствовал, что здесь мое место, что я могу быть частью чего-то большего, я заслуживаю принадлежать московскому танцевальному миру.

После первого класса, на котором мы отрабатывали технику, я уже вспотел, но не сказать, чтобы мне было сложно. Я мечтал, чтобы меня заметили, чтобы люди вокруг обернулись. Я мечтал ощущать чужие взгляды, я очень хотел выйти в селект после второго класса.

Хореография, тем не менее, была сложнее. Мы учили быстро, без дополнительных объяснений и времени на повторение, и на одном повороте у меня происходил затык, я постоянно делал не в ту сторону, но возможности нормально отработать не было. Я осознавал, на что шел — на таких занятиях ни о какой чистке движений не может идти и речи, нужно учить сразу и учить сразу правильно, поэтому я был максимально сконцентрированным, максимально включенным. Я смотрел только на себя, на тренершу, которая по энергетике чем-то мне напомнила Соню, точнее, улучшенную версию Сони, и на себя в зеркало. Я не отвлекался, не думал ни о чем-то другом.

Я хотел, чтобы в конце, когда бы мы танцевали хореографию, тренерша, Мариям, заметила меня. Я даже почувствовал удовлетворение от того, что пропустил репетицию с кроссами, словно я делал что-то покруче, чем репетиция с кроссами, и, может, после этого они меня исключат, и это даже к лучшему, мне не придется разговаривать с Гришей, он сам предъявит мне за пропуск и удалит из беседы.

Меня, как и всю группу, отвлекла открывшаяся дверь. В зал прошмыгнул какой-то чувак. Прошло уже сорок минут класса, мы почти доучили полностью хореографию, поэтому я ожидал, что хореограф его прогонит, но этого не произошло.

— Какие люди, — с улыбкой проговорила Мариям.

Он вошел прямо в уличной одежде. Бросил свою найковскую куртку и рюкзак в дальний угол.

— Привет, Мариям. — Чувак быстро переодел кроссовки и нацепил кепку. — Извини за опоздание. Я сразу после репы.

Меня немного взбесило, что наша тренировка на пару минут остановилось, зато, пока этот чувак болтал с Мариям и здоровался с несколькими танцорами в зале, я быстренько отработал поворот.

— Хорошо, что ты успел, — мягко сказала Мариям. Он встал в угол первой линии, на свободное место, где даже не было зеркала. — Ник не придет?

— Не. Он пока там остался.

— К ноябрьским готовитесь?

— Ага.

— Понятно. — Мариям снова подошла к телефону, чтобы включить музыку, пока этот чувак быстро разминался в своем одиноком углу. — Давай, включайся. Мы уже почти все выучили.

— Как скажешь!

Сначала уверенность чувака показалась мне наигранной, но когда я спустя пятнадцать минут решил посмотреть в его сторону, я увидел, что за три повторения он успел выучить всю хореографию.

Его, в отличие от меня, после класса пригласили в селект.

Домой я возвращался разбитым.

Было уже одиннадцать вечера, когда моя электричка прибывала на станцию, я ужасно вымотался: на обратном пути учил слова по английскому, а также эйфория дня прошла, и я понимал, что теперь мне предстоит разговор с кроссами.

Конечно, классы тоже меня выбили. Не то чтобы я не понимал все до этого. Я объективно оценивал себя. Я знал, что мне есть, куда стремиться.

Но сегодня было прямое подтверждение этому. Я мог быть кем угодно в своем городе, но в Москве — я был никем. Я был одним из сотни таких же танцоров, и мне предстояло трудиться намного больше, чтобы переплюнуть их или добраться до их уровня.

Я не умел в два счета, как тот чувак, учить хореографии, не умел сразу выкладываться на полную. Он сразу, как пришел, начал танцевать с силой, в полную ногу, и быстро вбил движения в мышцы. Мне необходимо было делать так же, делать больше, тренировать дыхалку, которая периодически меня подводила, выносливость, недостаточную для восьми часов сегодняшних классов.

Несмотря на усталость, я не хотел возвращаться. Я чувствовал, что мое место не у себя дома, все в городе мне виделось чужеродным, собственная квартира давила. Узость улиц, теснота площадей. Все низкое, серое, сырое. Мне казалось, что там, в Москве, мое будущее, моя свобода, мой шанс стать кем-то, и чем я дальше я уезжал, тем грустнее мне становилось.

— Ну что, натанцевался, сынок?

Я сел за стол на кухне. На ужин была запеченная с картофелем курица. Из соседней комнаты раздавались громкие звуки телевизора, в душе играла рок-музыка и лилась вода.

— Да как-то нет.

Мама рассмеялась.

— А сколько же тебе танцевать надо тогда? Неделю без остановки?

Моим первым порывом было сказать, чтобы мама уже отъебалась со своими расспросами, но она выглядела такой уставшей, такой замученной, что я прикусил язык и пожал плечами.

Всю ночь я не мог заснуть. Я лежал и прокручивал в голове недавние классы, людей, хореографов, движения. Я записал все на видео, чтобы потом, самостоятельно, отработать, чтобы довести до идеала моменты, которые у меня не получились сегодня.

На следующий день я ожидал услышать, как Гриша отчитывает меня, но за всю тренировку он ни разу не упомянул этого.

Было странно. До ноябрьских соревнований оставалось два дня, и я явно не вовремя пропустил одну из главных репетиций, но никакого выговора не последовало.

Я решил, что Гриша подумал исключить меня уже после выступления. Да и в любом случае, что бы ни было в его голове, после ноябрьских я собирался пропасть из команды. Я объясню, что больше не могу совмещать с учебой, займусь собственным развитием. Выступлю с ними и с чистой совестью уйду.

Я уже приготовился спокойно идти домой, но ко мне обратился человек, от которого я ожидал этого меньше всего.

Ваня, по традиции выкурив две сигареты, не попрощался, не уехал мгновенно.

Он повернулся ко мне.

— Подвезти? — спросил Ваня.

Я хмыкнул от удивления.

— Не надо.

— Садись в машину, — сказал он, и это уже не было просто предложением.

Тогда я понял, что исключить меня собирается не Гриша, а Ваня.

Я с готовностью забрался в его машину.

Он зажег еще одну сигарету.

— Мне тут птичка нашептала, что ты собираешься выйти из команды, — медленно проговорил Ваня.

Я чувствовал исходящую от него угрозу. Мне хотелось поскорее закончить этот диалог.

Ваня стучал по рулю. В своей черной кожаной куртке, с нечитаемым взглядом, направленным в пустоту, он выглядел как персонаж какого-нибудь пацанского фильма, который собирается меня отпиздить.

Я, конечно, не подавал вида, что меня все это напрягло: то, что он не газует, то, как сосредоточенно выглядит.

— Птичка — это Соня?

Ваня усмехнулся, но этот смешок так быстро растворился с его лица, что, показалось, он был иллюзией.

— Да, Соня. А Гриша еще сказал, что ты вчера мотался в Москву.

Я кивнул.

— Ну да.

На улице был мороз. Ваня врубил печку.

Он смотрел в окно впереди, я — на качающуюся между нами икону.

— Продолжай в том же духе, — вдруг сказал Ваня, и это не звучало иронично. Я не понимал, что это. Скрытая насмешка? Угроза? — Можешь делать все, что делаешь.

— О чём ты вообще?

— Если ты думаешь, что я тут решил тебе на уши присесть, то, запомни одну простую вещь, Глеб, мне абсолютно поебать, чем ты там занимаешься, куда ездишь. Тебе необязательно выходить из команды, чтобы продолжать все это делать.

Я не верил своим ушам.

Ваня намекал мне остаться?

— Я, в любом случае, собирался выйти, Вань. Это сотрудничество не выгодно ни мне, ни вам.

— Почему ты решаешь, что нам выгодно?

Я завелся.

— Потому что я анализирую, может?! Я тебе честно говорю, я через год, даже меньше, собираюсь поехать в Москву. Присоединение меня к вам просто не может быть работой в долгосрочку, ты это понимаешь?

— Я не дурак.

— Заебись! Тогда ты должен лучше остальных понять, что я тебе говорю. Я хочу переехать. Попасть в крутые команды. Мне это все не интересно. Я долго с вами танцевать не собираюсь. Да и не смогу просто физически.

Ни разу я не признавался кроссам это вот так. Прямо. Честно.

Внезапно с Ваней я пошел на это откровение. Потому что я действительно видел, что он понимает. Потому что я не боялся его задеть.

— Теперь меня послушай, Глеб. — Ваня выдохнул дым в окно. — Знаешь, вот иногда в политике бывают такие ситуации, когда торг уместен, а бывает, когда наоборот. Я считаю, что и с людьми так же. — Он, прищурившись, посмотрел на меня. — Некоторые люди недостойны вообще никаких уступок. А с некоторыми можно и пойти на компромиссы. Тебе, считай, повезло. Я отнес тебя ко второй категории.

Я рассмеялся от абсурда его слов.

— Повезло? Спасибо, блять.

— Нет, а ты реально говори “спасибо”. Давай, без сарказма.

— Ага. Разбежался.

— Ну, нет так нет. — Ваня улыбнулся. Заметно расслабился, будто, наконец, принял решение, на котором был сосредоточен все это время. — Ты хочешь развивать себя максимально, как я понимаю?

— Ты все правильно понимаешь.

Ваня самодовольно кивнул, и я мгновенно осознал, что ответил так, как ему хотелось бы, чтобы я ответил.

— Тогда я предлагаю тебе так сделать, — спокойно продолжил он. — Ты можешь ездить на свои классы, когда тебе заблагорассудится. Когда мы будем снимать зал, ты там стой, чем хочешь занимайся. Мне все равно. Чтобы быть тут, тебе необязательно вкладываться так, как остальные. Делай настолько, насколько тебя хватает.

Я шокированно смотрел на него.

— Ты шутишь, что ли?

— Нет.

— Вань, это ты от меня ничего не требуешь, но с Гришей и другими будут проблемы, если я не стану...

— Со мной у тебя не будет проблем. — Ваня пожал плечами. — А это основное.

Я совсем растерялся.

— Но... какая выгода у вас? Я с вами всего на один сезон, в любом случае, потому что...

— Глеб, я помню о твоих наполеоновских планах. — Ваня сказал это с насмешкой, и в любой другой ситуации я бы огрызнулся на это, но из-за так и не проходящего удивления промолчал. — Понимаешь, в чем штука. Мне абсолютно похуй, чем ты там будешь заниматься в следующем сезоне. Уедешь — пожалуйста. Подохнешь — ну с кем не бывает. Меня интересует результат сейчас. Я хочу выигрывать в этом сезоне, а не планировать на пять лет вперед.

Какое-то время мы молчали. Ваня, наконец, выехал с парковки.

В салоне ужасно воняло куревом.

Его пачка исчезала на глазах.

— Знаешь, Вань, я был в Москве и видел их танцов, — через какое-то время тихо проговорил я. — Я не собираюсь тебя переубеждать, но... Там такие ребята, что... Короче, по-моему, твой настрой чересчур оптимистичный.

Ваня рассмеялся. Он, видимо, сказал мне все, что планировал, и еще все, судя по всему, прошло по его плану, поэтому Ваня выглядел намного расслабленнее.

— А мне как-то приснилось, что мы выигрываем.

— Чего? Просто приснилось?

— Ага. Я верю в свою интуицию.

— Ты это серьезно?

— Может, не сейчас, но это точно будет, — уверенно сказал Ваня. — Интуиция меня еще не подводила.

— Это полный бред.

— Это вещий сон.

— Это бред сумасшедшего.

Ваня открыто веселился.

— Ты абсолютно не прав, — громко, как декларацию, проговорил он.

— К тому же, я еще такую девчонку нам нашел.

— Типа, новую участницу?

— Да. Она не очень хочет, правда, но мы пока мало общались.

— Я ее понимаю.

— Ой-ой. — Ваня встал на перекрестке. Вопросительно посмотрел на меня. Я понял, что он все-таки действительно собирается меня подкинуть, поэтому кивнул в сторону своего направления. — Ты-то уже согласился.

— Что? Я ни на что не соглашался. Я еще не решил.

— Да?

— Да!

Ваня не стал спорить со мной.

Мы встали на моей остановке.

— Мне еще надо подумать, — перед выходом сказал я.

— Да думай, думай. — На ваниных губах была усмешка.

Я закатил глаза, вылез из машины и захлопнул дверь.

Подходя к дому, я прокручивал в голове недавний диалог.

Диалог, который, на самом деле, изменил все. Диалог, который вынудил меня принять решение, после которого я выступил на ноябрьских соревнованиях, а затем продолжил работу в команде.

Диалог, в котором Ваня, незаметно для нас обоих, сделал меня кросском.

